А.С.Тер-Оганян:

Жизнь, Судьба и контемпорари арт

Мирослав Немиров

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Так вот: если один раз взять, да и задуматься, то обнаруживаешь: Тер-Оганян А.С. и есть главный художник 1990-х годов, эпохи посмодернизма в СССР.

Дальнейшее будет представлять, как все и всегда у автора этих строк, собрание разнородных и довольно-таки обрывочных сообщений, расположенных по алфавиту и таким или иным образом имеющих отношение к жизни и творчеству Тер-Оганяна А.С. Какие-то из них будут более-менее развернуты, какие-то — одни тезисы, а какие-то сообщения будут представлять из себя только названия — то, что следовало бы, вообще-то написать, да — в следующий раз. Хорошо или плохо так писать литературно-познавательные произведения, сказать трудно, но я по другому не умею. Пытался много раз — не выходит.

- Мирослав Маратович Немиров
  - От автора
  - Абсент
  - Абстрактный экспрессионизм
  - Авангардизм
  - Актуальное искусство,
  - Акционизм
  - Алкогольная тематика
  - Альбомы художественные
  - Американолюбство
  - Амстердам
  - Английский язык
  - Антиалкогольная компания
  - Арбат
  - Армения
  - Атеизм
  - Африка
  - «Бабы — Дуры!»
  - Бангладеш
  - Басни
  - Баррикада
  - Бауманская улица
  - Бахтин, Михаил
  - Бедность
  - Безалкогольный образ жизни
  - Безобразие
  - Белозор, Максим

- Болгария
- Большевики
- Брежнев
- Бреннер, Александр
- Бродский, Иосиф
- Ван-Гог, Винсент
- «Великие чародеи живописи»
- «Вечерняя Москва»
- «Вино и водка»
- Врубель, Дмитрий
- Выборы
- «Выставка-продажа»
- Галеристы
- Гельман, Марат
- Героический миф авангарда
- Гносеологическая теория искусства
- Горби
- Гройс, Борис
- Гуманизм
- Дадаизм
- Дали, Сальвадор
- Движения,
- «Дегуманизация искусства»
- Джаз
- «Декоративность»
- Делез
- Дематериализация искусства
- Деньги
- Дети
- «Дом Актера»
- Дубоссарский, Владимир
- Дьявол
- Дюшан, Марсель
- Ерофеев, Андрей
- Ерофеев, Веничка
- «Живописная живопись»
- Животные домашние
- «Жирная, оплывшая туша,
- Жополизство
- «Жупел»
- Завещание
- Зависть
- Заграница нам поможет!
- «За культурный отдых»

- Звездочетов, Константин
- Здравомыслие
- «Золотая маска»
- Импрессионизм
- Инквизиция
- Институции
- «Искусство или Смерть»
- Искусствоведы
- Истэблишмент
- «И так сойдет»
- «Италия имеет форму сапога»
- «Итоги»
- Йоги
- Карлики
- «К барьеру!»
- Кабаков, Илья
- Кандинский
- КВН
- Классический авангард
- Книги
- «Коллективные действия»
- Комар и Меламид
- Комментарий
- Компьютер
- «Контроль количественный» и «контроль ситуационный»
- Космополитизм
- Косолапов
- Кошляков, Валерий
- «Красота»
- Крещение
- Кубизм
- Левый образ мысли
- Ленин
- Летов, Егор
- Лисовский, Всеволод
- Лихтенстайн
- Лужков, Юрий
- Лукьянов
- Магритт
- Май 1968
- Малевич, Казимир
- Маркова, Марианна
- Масс-медиа

- Массовая культура
- Международный Общественный комитет
- «Материальность искусства»
- Матисс, Анри
- Ментальность русская и западная
- Мертвецы
- Милиционеры
- «Милосердие»
- «Море водки»
- Москва
- Мясо кита
- «Не фонтан»
- Немиров, Мирослав
- Непонятность
- «Низвержение кумиров»
- Низкопоклонство перед Заграницей
- Николай II
- Новиков, Тимур
- «Неонакадемия»
- Обломов и его диван
- Объект
- Оккультизм
- Олигархи Российские
- Опохмелятор
- Ордынка улица
- Осмоловский, Анатолий
- «Пари Матч»,
- Париж
- Парк Горького
- Педагогические таланты
- Пельмени
- Персонажность
- Перестройка
- Петр I
- Печатные органы
- Пиво «Шлитц»
- Пикассо
- Подкаблучник
- Политическое искусство
- «По направлению к объекту»
- Поп-арт
- Пристрелят, как собаку
- «Проблемы реставрации произведений современного искусства»

- «Против Всех Партий»
- Работа по железу
- «Радек»
- Раушенберг, Роберт
- Раушская набережная
- Редукционизм
- Репин, Илья
- Реунов, Константин
- Речной вокзал
- Рисовать-то — умеют?
- Рождественская, Людмила
- Рок-музыка
- Романтизм
- Русофобия
- Русская Православная Церковь
- Рушди, Салман
- Сатанизм
- Семинары по пятницам
- Середина 1990-х
- Слепченко, Василий
- Сорос, Джордж
- Сортирная выставка
- Соц-арт
- «Срисовывание»
- Струков Артур
- Стулизм
- Сюрреализм
- Таланты из провинции
- Театр художественный
- Телевизор
- Тимофеев, Сергей
- Трехпрудный переулок
- Тупицыны
- Тюрьма
- «Украшение красивого»
- Ультралевые
- Уорхол, Энди
- Феллини, Федерико
- Философия
- «Форма и содержание»
- Формализм,
- Французская философия
- Фрейдизм
- Футуризм

- Футуристы выходят на Кузнецкий
- Хемингуэй, Эрнест
- «ХЖ»
- Хитрожопство
- Храм Христа Спасителя
- Художественное училище им. М.Б. Грекова
- «Художник и его модель»
- Хэммет, Дашил
- Цифровик
- ЦРУ
- Черный квадрат
- Четверги на Бауманской
- Шабельников, Юрий
- Шаповалов, Юрий
- Шаргунов Александр,
- Шарлатанство
- «Школа Авангардизма»
- Шнапс,
- Шопенгауэр
- Шуфутинский
- Эккерман
- «Экспериментальное искусство»
- Эпатаж
- «ЭТО» Клуб
- Юмор
- «Юность»
- «Юный безбожник»
- Я
- Послесловие
- Глубокоуважаемые люди! Россияне!
- Выходные данные
- Последние новости из жизни Авдея Тер-Оганьяна

Мирослав Маратович Немиров
А. С. Тер-Оганян: Жизнь, Судьба и контемпорари-арт

От автора

Так вот: если один раз взять, да и задуматься, то обнаруживаешь: Тер-Оганян А.С. и есть главный художник 1990-х годов, эпохи посмодернизма в СССР.

Если считать, что 1990-е есть эпоха перехода культуры от авангардистского состояния в постмодернистское.

И если считать, что сущность посмодернизма — отказ от авангардизма и возвращение к традиционным системам ценностей.

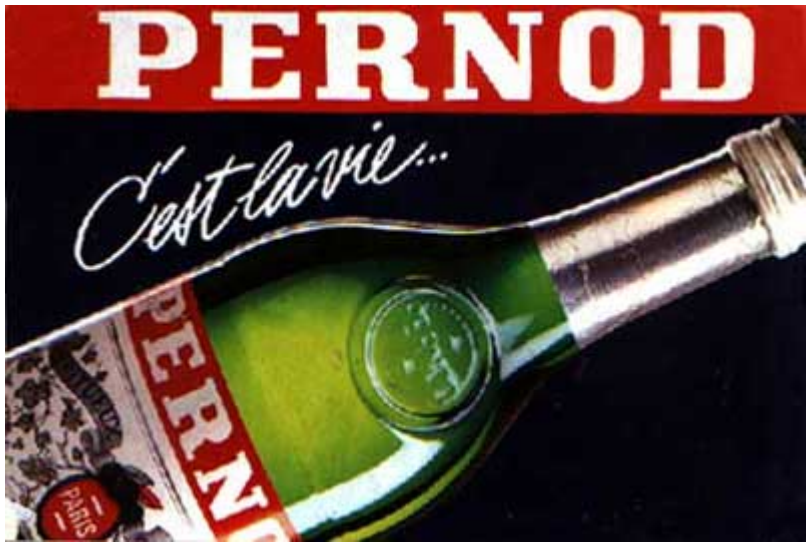
Тогда Оганянова деятельность — она и есть прощание с авангардистским (позорным) прошлым, осмеяние его («человечество смеясь расстается со своим прошлым») и при этом — оплакивание его, ибо Оганян все-таки модернист до мозга костей, только понимающий, что он более невозможен. Короче –

> Насмешка горькая обманутого сына
> Над промотавшимся отцом

Дальнейшее будет представлять, как все и всегда у автора этих строк, собрание разнородных и довольно-таки обрывочных сообщений, расположенных по алфавиту и таким или иным образом имеющих отношение к жизни и творчеству Тер-Оганяна А.С. Какие-то из них будут более-менее развернуты, какие-то — одни тезисы, а какие-то сообщения будут представлять из себя только названия — то, что следовало бы, вообще-то написать, да — в следующий раз. Хорошо или плохо так писать литературно-познавательные произведения, сказать трудно, но я по другому не умею. Пытался много раз — не выходит.

Так что — поехали.

Абсент



Пивал А.С.Тер-Оганян сей знаменитый и воспетый всеми мастерами кисти и пера с Монмартра, крепкий алкогольный напиток.

Оганян отзывался об абсенте в самых наилучших тонах.

Пьют его в Париже, рассказывал Оганян, предварительно добавив в стакан с ним простой холодной воды из-под крана. Тогда, говорил Оганян, — он тут же становится молочно-белый, и…

— Видывал я такую реакцию! — перебил я.

— Знаю-знаю, что ты имеешь в виду! — замахал на меня Авдей, содрогнувшись. — Но тут — совсем другое!

— Тут просто он сразу становится ярко молочно-белым, а главное — очень сильно начинает пахнуть анисом, сообщил Оганян. Тут-то его и нужно хватать и пить, закончил свое сообщение он.

А Оганян хвалить что ни попадя не станет: он есть человек очень большого понимания вопросов выпивки, пьянства и даже алкоголизма.

Поясняю, если кто не понял, что имели ввиду участники вышеприведенного диалога, вспоминая о том, где и когда еще можно наблюдать подобную реакцию.

Ее можно наблюдать у себя дома, нужно для этого проснуться с дикого похмелья и без копейки денег. Тогда нужно идти в ванную комнату, трясущейся рукой снять с полочки любой из имеющихся на ней одеколонов, отвинтить крышку и налить

содержимое флакона в пластиковый стаканчик для бритья. А чтобы не опалить бедное свое горло — ибо он очень крепкий напиток, одеколон, от 70-ти градусов и выше — его нужно развести водой из под крана. Тут-то он и станет тотчас, как описано выше, мутно-белым. Хотя и, в отличие от абсента, белизна эта не молочно-чистая, а с желтизной.

Еще одно отличие одеколона от абсента — при разведении водой одеколона на поверхности его появятся жирные бляшки эфирных масел, величиной с копеечную монету, и цвета такого же, грязно-желтого.

Перед тем, как пить, их нужно осторожно снять ложечкой.

А вот абсент можно пить сразу, без всяких этих предосторожностей.

Абстрактный экспрессионизм

См. Поллок, Джейсон, Живописная живопись.

Авангардизм

(Переписать статью из БСЭ)

Актуальное искусство,

оно же «контемпорари арт»

Ключевое понятие для этой книги.

О нем в ней, собственно, речь и идет, ибо именно оно есть то ответвление искусства, которым занимается — и хочет заниматься — и именно и только именно им, а никаким другим — А.С.Тер-Оганян, главный этой книги герой.

«Актуальное» — в смысле… ну, в смысле, актуальное.

В смысле, вот, происходящее здесь-и-теперь, в смысле, самое наиновейшее, в смысле, изобретаемое сейчас и здесь, и представляющее собой что-то прежде небывалое, а не воспроизводящее готовые стандарты, хотя пускай и даже хорошо.

Так, например, «актуальным искусством» являлся, например, в 1960-е поп-арт и рок битласов, в 1970-е соц-арт и панк-рок, в начале 1980-х — искусство группы «Мухоморы» (см. Звездочетов) и, может быть, какой-нибудь ленинградский рок.

А нынче все это не является «актуальным искусством» в указанном понимании, хотя те же корифеи поп-арта живы до сих пор — Раушенберг, Джаспер Джонс — и делают вещи и почище тех, что прежде. Но теперь они уже не изобретают ничего принципиально нового, а работают в своей прежней манере (хотя внутри нее и усовершенствуются, и улучшаются), и поэтому —

Дополнительно нужно сказать, что понятие актуального искусства, во-первых, не является синонимом понятия «авангардное искусство». Например, А.Айги или там Э.Неизвестный, несомненно, авангардисты, но ничего актуального в их искусстве нет — они разрабатывают неактуальные нынче ветви авангардизма. А, например, Э.Лимонов или хотя бы автор этих строк — они хотя и не авангардисты, но, в общем, принадлежат к числу представителей именно «актуального искусства».

И уж конечно, понятие «актуального искусства» не совпадает с понятием «хорошего искусства». Например, Тимур Новиков занимается, в общем тем, что можно назвать «актуальным искусством» — но говняным. А, например, поэт А.Кушнер занимается искусством, которое вряд ли можно охарактеризовать термином «актуальное» — но стихи пишет чрезвычайно замечательные.

Так представляет себе автор этих строк значение модного термина «актуальное искусство», хотя, А.С.Тер-Оганян меня,

может быть, как раз и не одобрит, и скажет, что я ничего не понимаю и чрезмерно все упрощаю.

Что же. Ну и ладно! Я хоть и взял на себя роль Эккермана при Оганяне, но все-таки не до конца. Все-таки достичь такой степени самоотречения, чтобы полностью раствориться в описываемом и не сметь и пикнуть — к этому я еще не готов. Поэтому мнение я свое все-таки порою буду высказывать, пусть даже Оганян и будет говорить, что оно глупое.

Акционизм

Именно им одним Тер-Оганян и занимается с примерно 1993 года. Объяснение почему см. в сообщ. Материальность искусства.

Алкогольная тематика

Занимает чрезвычайно большое место в творчестве А.С.Тер-Оганяна.

Подробности см. в сообщениях Безалкогольный образ жизни, «Вино и водка», «Выставка-продажа», «Море водки», Париж, «Форма и содержание», «Художник и его модель», Шнапс, и др.

Альбомы художественные

Единственный источник при советской власти, из которого авангардистки настроенные художники черпали сведения о состоянии мирового искусства после кубизма (до кубизма включительно оно хорошо представлено в Эрмитаже и Музее им. Пушкина) — из случайно попадающих в руки альбомов типа «Американское искусство 1940–1970». Что создавало в головах советских авангардистов, конечно, крайне специфическое представление о нем, о «контемпорари арт».

И это, причем, еще в столицах.

В смысле, порою попадались людям в руки альбомы типа «Искусство США» и им подобное.

В городах же вроде Ростова-на-Дону зачастую единственным источником сведений о нынешнем состоянии мирового искусства служили книги типа «Современное западное искусство: кризис безобразия», или «Модернизм: искусство обесчеловечивания». И все эти книжки внимательнейшим образом изучались интеллигентными людьми с целью почерпнуть из них хоть какие-то сведения о том, как обстоят дела и что делается в «контемпорари арт» — за неимением иных источников информации.

В значительной степени деятельность Тер-Оганяна 1990-х есть ирония по поводу понимания советскими людьми авангардизма, сложившегося в результате чтения этих книжек и произведения в уме операции наоборот: где там стоит знак минус, ставить плюс. Ирония и пародия на него.

Но у Т. не просто ирония и насмешка, у него явным образом присутствует «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!» Ибо он и сам, конечно же, совершенно такой же, ибо и для него, единственным источником долгое время — см. начало этой статьи.

Американолюбство

1987

Вот из такого, Оганян полагал, вся Америка и состоит, и если у нас сделать как в Америке, то и у нас оно будет так.

В молодости А.С. Тер-Оганян был, присоединяясь в этом ко всей советской продвинутой молодежи от Бродского и Сергеева до каких-нибудь Аксенова или джазиста Козлова, большим поклонником Америки и всего американского: кока-колы, кадиллаков и т. д. Политические воззрения его сводились к тезису «Не фиг мудрить, нужно сделать как в Америке, и все будет отлично». Вот пример американолюбия А.С. Тер-Оганяна тех времен: однажды он спит в начале 1980-х и видит сон, в котором он собрался бежать в Америку и с этой целью пробрался на Чукотку к своему другу Васе Слепченко, который, якобы, служит в армии на границе, охраняя Берингов пролив. Вася его и должен переправить на тот берег. (Вася Слепченко в описываемый период действительно служил в армии, но не на Чукотке, а рядом с Ростовом, в Таганроге.)

И вот Оганян пробирается туда, на оленях и собаках, вокруг сплошной ужас: холод, зима, серое небо, казармы, колючка, солдаты, ушанки, и все не то, даже, что черно-белое, а мутно-

серо-серое, и вот. И Вася, действительно, готов переправить Авдея Степановича на тот берег, и у них уже прорыт тоннель и все подготовлено, но это чуть попозже, а сейчас «На, посмотри, как там», — говорит Вася и протягивает Авдею бинокль.

И Авдей смотрит.

И он видит: там, на том берегу, все цветное и разноцветное, сияет солнце, растут зеленые пальмы, ездят разноцветные автомобили, набитые красотками, сверкает переменным красным цветом вывеска «Кока-кола», плещет синее море, и т. д., и т. п.

Сейчас все поменялось на 180 градусов: автор этих строк (который тогда, в 1987 году, был «новым левым», радикалом — Че Гевара, Мао, «винтовка рождает власть» и т. д.) стал умеренным правым в духе какого-нибудь Чубайса, сторонником либерального капитализма, несмотря на порождаемое им мещанство, Оганян же, напротив — леваком, революционером, американофобом и т. д.

Об этом далее.

***

Неоднократно, например, Т. заводит в те годы с автором этих строк разговор с призывами бросить все и бежать в Америку.

— Что нам там делать? Там своих художников и деятелей искусств полно, чужие там не сильно-то нужны.

— Будем просто жить!

— А на что?

— Армяне прокормят! Там армян до фига — они прокормят.

И задумчиво:

— Ну, выставляться, наверно не буду, так, для себя буду рисовать, буду просто жить, фрукты кушать…

Амстердам

По словам Оганяна, бандитизма там нет, но много воровства. А вот в Америке — бандитизм.

Английский язык

Так его Тер-Оганян А.С. и не освоил.

Хотя и за границей живал, и подолгу; курсы посещал, и был, вообще, довольно долго женат на Марианне Марковой, профессиональной учительнице английского языка, а потом и переводчице с него и на него.

— Как же ты общался там, в Парижах-Берлинах-Амстердамах, с галерейщиками, которые тебя туда выписывали? — удивлялся я.

— Да как, очень просто. Я ему — «мани!», он — «но!» Я тогда — «пидарасо!», он — «йес, йес!» и давай штаны снимать, насилу отбился.

Антиалкогольная компания

1985-91

Тер-Оганян А.С. считает, именно она нас всех и подкосила, сделав из людей, просто любивших порой повеселиться при помощи некоторых количеств алкоголя, в людей, стоящих на грани заболевания болезнью алкоголизма, а то и за этой гранью. Ибо в Антиалкогольную компанию приходилось и пить всякую гадость вплоть до одеколона и стеклоочистителя, и пришлось пить всегда, когда удавалось добыть, независимо от того, нужно оно или нет, и приходилось пить впрок — быстрей, пока есть! — все это и сказалось.

А иначе бы, считает, Оганян, мы бы и сейчас, как в 25 лет, просто потихоньку выпивали бы себе по паре рюмок за вечер, для оживления беседы, а более — никак.

Такого убеждения придерживается нынче А.С. Тер-Оганян.

Да что-то очень я сильно в этом сомневаюсь.

Арбат

Это было: приехав в 1988 году в Москву, чтобы ее покорять, Оганян со своими ростовскими товарищами, не зная еще, что именно в ней, Москве, нужно на самом деле покорять, начали с того, что лежало на виду — с Арбата.

Чуть ли не ежедневно — ну, конечно, если хорошая погода, — мы отправлялись на него делать всякую фигню для частично собственного развлечения — но частично и для денег.

Кричали стихи, стоя на ящике; предсказывали будущее (в картонном ящике сидел, скрючившись в три погибели, Оганян и шептал в щелочку на ухо желающему узнать, что ему делать в жизни: «В ближайший четверг езжайте на платформу Тайнинская, там пройдите 148,5 метров на юго-запад, три раза повернитесь на одной ноге и плюньте. За это вам все в жизни изменится в лучшую сторону!»), рисовали портреты, согласно приложенному прейскуранту (каждый глаз — по 30 копеек, с одной ногой — 15 копеек, с двумя — рубль, с героическим видом — 3 рубля, в виде Мэрилин Монро — 5 рублей, и т. д.), собирали вступительные взносы в «Общество по борьбе с «Обществом борьбы за трезвость»

и даже выдавали художественно нарисованные удостоверения этого Общества.

За вечер назарабатывывалось таким образом рублей до 50 — по советским временам деньги совсем неплохие, и на пьянку хватало, и на еду оставалось.

К 1990-му году Оганян уже в московской художественной ситуации разобрался и перешел на более серьезные и основательные формы — выставки, галереи, каталоги и т. д., и на Арбат уже безумствовать не ходил. Да и Арбат стал уже не тем: его полностью оккупировали матрешечники, которые бизнес делали, а не шутки шутили.

***

Какие такие стихи читали, что за них люди деньги платили?
Ну, например, такие:
Быть падшей женщиной — приятно:
За сиськи всяк тебя берет,
Ходить ведет по ресторанам,
Деньжата пачками дает,
Но время быстро пролетает,
Уж замуж просится душа,
И тут девчонка понимает,
Что честь ей — ужас как нужна.
Так берегите честь, девчата!
Без чести просто никуда!
И трата-тата тратата
До свадьбы лучше — никогда!
Уж лучше без ноги остаться!
Полюбит, может, инвалид.
Бесчестной ж век одной скитаться,
Постыдный свой влачая быт.

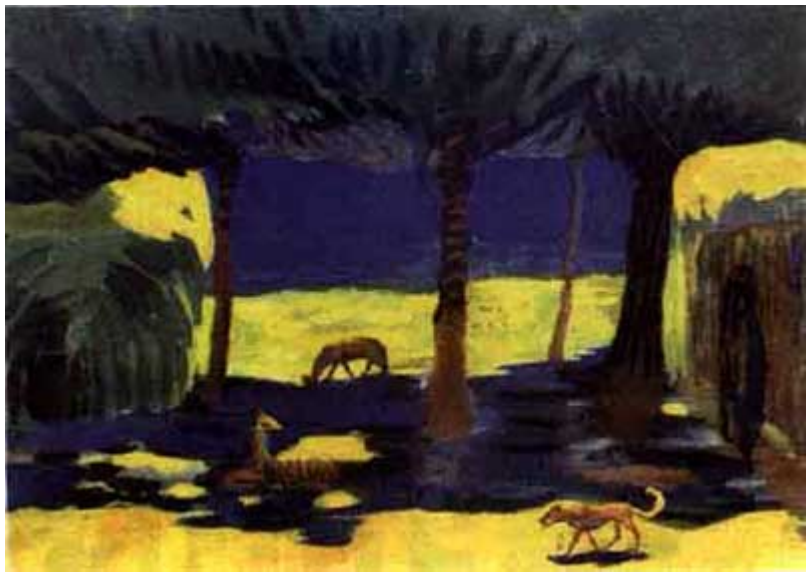
Картинка: Этот манекен Авдей привез с собой из Ростова-на-Дону.

Красивая молчаливая подружка участвовала во всех акциях художников на Арбате и составляла компанию в путешествиях по Москве. Она была очень популярна, и ее фотографии, с Авдеем и без него, то и дело появлялись в разных газетах в виде «фотозарисовок» — я лето 1990 года проводил в городе Надыме, на самом крайнем из северов Тюменской области, и мне было приятно, открыв «Труд», увидеть в разделе «Фотоконкурс Труда» изображение Оганяна

с этой вот красоткой в обнимку, пьющего газировку из автомата.

Снимки эти появляются в газетах до сих пор, например эта — из «Аргументов и фактов» за 1997 год. Хотя сама красотка давно уже куда-то пропала.

Армения



А.Сарьян, классик армянской живописи

Армянин Тер-Оганян в Армении как раз никогда не был, и побывал там лишь в середине 1990-х, будучи уже весьма выдающимся московско-международным художником.

Именно в качестве известного международного художника он там и пребывал: он там был с выставкой.

Это не была его персональная выставка, это была грандиозная выставка всех нынешних московских авангардных художников. Большой группой они посетили дружественную суверенную Армению, возглавлял делегацию аж сам замминистра культуры РФ, вот фамилию забыл, нужно уточнить у Оганяна. Целым табором («богема», кстати, в переводе с французского, как раз и значит — «цыгане»), караваном «Икарусов» месяц они разъезжали по градам, селам и селениям Армянской республики вплоть до самых горных глухих ее углов, чтобы продемонстрировать дружественному армянскому народу новейшее московское искусство, — выставка специально была затеяна так, чтобы ознакомить с этим искусством не одних столичных жителей Еревана, а —

Объясним, почему это стало возможным.

Потому, что организовывало ее — армянское КГБ.

Точнее даже — армянское НКВД, ибо КГБ с милицией там

объединено в единую организацию, подобно тому, каковой было именно НКВД во времена Берии.

Дело в следующем: начальник армянского НКВД — во всяком случае, тогдашний — был не кадровый мент, с юных лет посвятивший жизнь и душу ментовскому образу мысли и жизнедеятельности, а это был интеллигентный московский армян-диссидент, вынесенный на свой пост революционными преобразованиями конца 1980-х. Вся его предыдущая жизнь протекала в Москве, и притом в московских диссидентских подпольях, поэтому с еще 1970-х он был знаком и дружен с московскими еще тогдашними авангардистами, также, как известно, находившимися в полуподпольном состоянии. Став большим армянским начальником, он и пожелал проявлять себя, кроме прочего, покровителем искусств. Им указанная культурная акция и организована. По его повелению указанная кавалькада автобусов и мчится по высокогорному серпантину.

Почетный эскорт милицейских машин сопровождает их. С песнями, гиканьем и свистом они врываются в мирное армянское село, мечущееся в ожидании почетных гостей. Выстроенные в шеренгу, руку под козырек, их встречают те, кому их указано встречать. Ереванский гэбэшный начальник, приданный художникам в качестве сопровождающего, представляет им встречающих: прокурор района, районный начальник милиции, начальник ГАИ.

— Господа московские художники! Райотдел милиции для встречи с прекрасным построен! — докладывает начальник.

Художники в ужасе переминаются с ноги на ногу. Те самые менты, основная цель жизни которых, как известно, тащить мастеров искусств к себе в узилище из-за факта распития спиртного напитка в неположенном, по их ментовскому мнению, месте, и запирать в обезьяннике за отсутствие прописки, и бить дубинкой по бокам просто потому, что они — менты, и вот —

Шкловский об аналогичной ситуации, о том, как в 1934 году он объезжал Беломорканал в составе делегации писателей, которую возглавляло ЧК, говорил потом, что ощущал себя там шикарнейшей из чернобурок в наишикарнейшем из меховых магазинов.

После того, как художники сооружали свою экспозицию, естественно, совершался банкет. Столы ломились от армянских яств, произносились тосты о русско-армянской дружбе и процветании ментов и искусств, и пили при этом — именно и исключительно русскую водку, и — исключительно из граненых стаканов.

Художники были удивлены.

Водку они могли и дома пить!

На вторую неделю своей поездки они были этим уже и опечалены: ментам что — выпили с начальством, начальство уехало, они —; но художникам-то по-честному приходилось пить ее ежедневно, гранеными стаканами!

На одном из банкетов Оганян не выдержал:

— Может, винца? — робко предложил он. — Вы же виноградная республика, у вас же должны быть всякие сухие вина!

— Тш! Тш! — зашикал на Авдюшу сопровождающий кэгэбист из Еревана. — Ты что говоришь? Не роняй мой авторитет перед подчиненными! Вина! Мы что — барышни?

Так что пришлось Оганяну два месяца пить водку не просыхая, что для него, человека, и так измученного алкоголем, явилось тяжелым испытанием.

***

Уточнение.

— Не на «Икарусах» мы там ездили, — сказал Тер-Оганян, прочтя вышенаписанное. — На черных «волгах».

Ну, так это еще лучше!

Кавалькадой из десятка черных волг, сопровождаемой ментовскими газиками, въезжает в мирное армянское село делегация московских авангардных художников!

***

Вообще, армянского в Тер-Оганяне, конечно, только фамилия, папа (мать — русская), да личико ярко выраженного человека кавказской национальности. Насчет всего остального правильно было бы сказать, что он по национальности просто — русский: родился и вырос в русском городе Ростове-на-Дону, жил всю жизнь среди русских, воспитан исключительно на русской культуре, не знает никакого другого языка, кроме русского, и вообще вся остальная культура мира, от армянской до и американской для Оганяна на самом деле — экзотика. Но поскольку личико его все-таки таково, что русским его назвать язык ну никак не поворачивается, можно использовать термин «советский». В позднем СССР, в период принятия брежневской конституции 1977 года, обсуждался вопрос, что нужно бы, в знак ознаменования полного построения новой социалистической общности людей, официально узаконить такую нацию — «советские». И так прямо и писать в пятой графе паспорта.

Но не ввели.

А зря.

Была, была в этом некая сермяжная правда.

Атеизм

Тут нужно признать прямо: Тер-Оганян А.С. является личностью с атеистическим мировоззрением, твердо убежденный — никакого Бога нет, и вообще ничего такого нет, одна химия.

И он является настолько приверженным этому своему убеждению, что не верит, что кто-то, если он не дурак и не дикарь человек, может думать иначе.

— Ты же умный человек! — восклицает он, когда я призываю его прекратить порочащие высказывания относительно, например, Патриарха Алексия, ибо иначе я, как человек, придерживающийся учения Православной церкви, вынужден буду уйти.

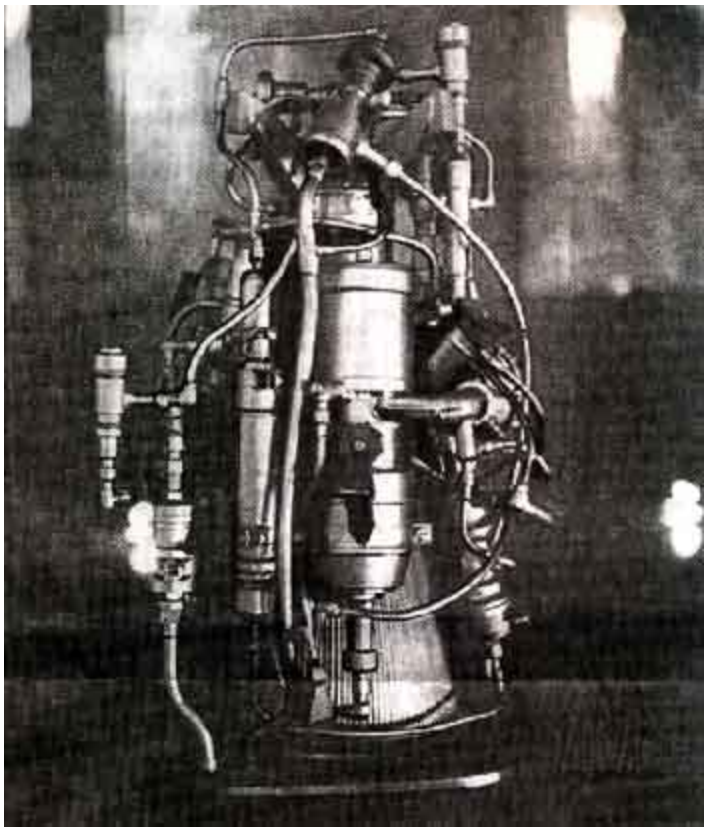
Много лет он никак не может поверить, что это я всерьез.

Он думает, я это придуриваюсь из каких-то совершенно непонятных ему соображений, что это такая игра в ортодоксальность, как у Тимура Новикова.

Я сначала его пытался переубедить, а теперь только пожимаю плечами: уж такой он есть, и пускай его жизнь переубедит.

Африка

(Сергей Бугаев)



Произведение, выставленное Африкой на Венецианской биеналле 1998.

Официально представляло современное российское искусство.

«Бабы — Дуры!»

«Ой, Славка, ой, дуры!» — в середине 1990-х такой стон был первым, чем встречал автора этих строк А.С. Тер-Оганян, когда я посещал его жилище, а он переживал период сложных семейных отношений с разными лицами женского пола.

Впрочем, тезис «Бабы — дуры» появляется в жизни О. гораздо раньше, и, пожалуй, это единственное, что кавказское в Оганяне и есть, кроме, конечно, личика и фамилии: твердое и непоколебимое убеждение, что назначение лиц дамского пола — 1) служить украшением жилища (но — безмолвным), а также 2) еду приготовить, постирать, в квартире убраться.

На почве этого убеждения у него регулярно происходят сложности в семейной жизни с многочисленными его женами и подругами, потому что, кстати сказать, он всех их всегда себе выбирал таких, которые украшением жилища являться были — согласны, но уж никак не безмолвным.

На этой же почве регулярно происходят не то, чтобы столкновения или разногласия, а искреннее недоумение и изумление Т. перед тем либерализмом, которое проявляет автор этих строк по отношению к лицам указанного пола, доходящим до того, что я порою всерьез воспринимаю их мнения и даже, бывает, мнения эти учитываю в своих действиях.

— Ты что, с ума сошел? — с ужасом восклицает Оганян. — Ведь бабы же — дуры!

Бангладеш

Побывал А.С.Тер-Оганян в этой экзотической стране с выставкой. Это было в 1993-м, кажется, году. Особенно Т. запомнилось следующее:

1.

Они прилетели самолетом, их встречал консул российского посольства.

— Газеты привезли? — таково было первое, что спросил их консул.

— Какие газеты?

— Ну, московские газеты, — «Сегодня», «Коммерсант»…

— Нет, а что — нужно было?

— Конечно! До нас же ничего не доходит, только официальные издания. А, простите — что это у вас? Можно? Она вам не нужна? — у Оганяна в сумке был сверток, завернутый как раз в «Независимую».

— Да она же мятая … и старая уже…

— Ничего, мы и такую почитаем, — радостно ответил консул.

2.

Старики, которые выглядят как самые отъявленные панки — огромные бороды дичайших цветов — ярко-красные, оранжевые, изумрудные или даже сине-голубые. Это потому, что бороды там носить положено обязательно — мусульмане, и при этом ее положено еще и красить — хной или басмой. А хна или басма ложатся на седину своеобразно — отсюда и невероятные расцветки бород именно у стариков.

3.

Постоянные заварухи на улицах. Выйдешь из отеля — там баррикады, толпы, плакаты, слезоточивый газ, полиция, стреляющая в толпу из специальных ружей с огромными дулами резиновыми пулями.

— Что это — революция? — в ужасе спрашивали московские художники сопровождающего.

— А, не обращайте внимания, — отвечал он. — Это у нас всегда так.

4.

В целом же этот вояж погрузил Т. в пессимистические настроения относительно не чего-либо, а России: ее прошлого, настоящего и будущего.

— Приезжаешь в какую-нибудь Германию — вроде, все точно так же как у нас: дома, асфальт, люди нормально одетые, а

поживешь — э-э-э, все совсем другое. Ничего общего! А приезжаешь в Бангладеш — экзотика! Все невиданное, все наоборот! А поживешь чуть-чуть — да все точь-в-точь как у нас, все то же самое!

— Ну, так и я тоже самое говорю: нужно не мудрить, а признать, что мы — Азия, и соответственно себя вести, и гордиться этим! — отвечал я ему, являясь более-менее именно таких примерно убеждений.

— Да, — мрачно отвечал Оганян, — это ты выделываешься, и думаешь, очень оригинально. А на самом деле — дикость!

Басни

В ранней юности Тер-Оганян пробовал свои силы и в литературе. Например, он сочинял басни — классического толка басни, как у Эзопа, то есть не в стихах, а в прозе. Вот, например, одна из них, вполне на мой взгляд, удачная:

«Один козел переходил улицу на красный свет — и его задавила машина.

Мораль: козлы! Не переходите улицу на красный свет!»

Баррикада

1998, май

Бауманская улица

Место жительства А.Тер-Оганяна с 1994 года по сей день.

Летом 1993 происходит-таки конец Трехпрудного: на выселенное здание, которое заселила за его никому — тогда — не нужностью коммуна художников, и прожила в нем худо бедно а два года — находится-таки хозяин, его начинают все-таки реконструировать, художников выгоняют.

После разнообразных скитаний по разнообразным обиталищам, среди которых, была, например, и Баклаборатория (см.) — нужно было найти не просто жилье, а такое, где можно было бы продолжить начатое на Трехпрудном — коммунитарный (не путать с коммунальным!) образ жизни, собственная галерея —

Все поселяются на Бауманской, где опять осуществляется сквот.

Но того, что было на Трехпрудном, уже не получается — нет ни галереи, ни всего прочего, и теперь это скорее коммуналка, чем коммуна.

Оганян здесь занимает две комнаты — в одной живет сам с подругой Ирой, в другой обитает его сын Давид с подругой Полиной.

На картинке Леня, последний (остальным дали квартиры и они съехали) из законных жильцов квартиры, поэтому считающийся хозяином.

Чтобы он не очень был возмущен внезапным появлением большого числа новых сожителей, ему платится некоторая сумма денег, примерно по 300 р. с каждого из этих сожителей ежемесячно.

Бахтин, Михаил

Советский мыслитель антикоммунистического плана. Поскольку в СССР такой план мысли в чистом виде не очень приветствовался, издавал свои труды, оформляя их как литературоведческие: «Проблемы поэтики Достоевского» и «Рабле».

В семидесятые и начале восьмидесятых был одним из главных интеллигентских кумиров: не было такого текста на любую тему, в котором не упоминался бы Бахтин и не было бы слов «карнавализация» или «полифония» (главные положения соответственно, книг о Рабле и о Достоевском).

Еще бы — сидел!

Потом в Саранском университете прозябал на полставки!

С конца 1980-х был вытеснен в этой функции — свадебного генерала — Бердяевым, а еще позже — нынче — французскими мыслителями Деррида, Фуко, Бодрияр и проч.

Впрочем, ничего отрицательного о Бахтине я, в принципе, не подразумеваю: не читал.

Бедность

Ах, как хочется быть богатым!
Как это, братцы, приятно,
Ах как хочется, ну, например, ламбаду
Уметь танцевать развратно,
Всех присутствующих шампанским
Угощать направо и налево, –
Но положено быть мне штатским.
Страдать при том сильно с похмелья.
Ах как хочется, чтоб старались
Быть красотки еще красивей, –
и специально чтоб именно мне притом нравиться; –
В платье этакие, знаете, такие наряжались,
Подолы у коих раз вдруг — задираются;
Но положено быть мне нудным.
Положено быть угрюмым.
Думать свою ебаную думу,
Свою ебаную думу думать, –
Потому что ведь являюсь я поэтом!
А поэту так положено, так хочут люди.
А иначе не поймет меня народ, ребята!
И поэзию мою ох не полюбит.
Стихотворение автора этих срок, 1990, Надым.

В жизни Тер-Оганяна А.С. бедность наличествует.

Как и считай что все деятели «актуального искусства», О. пребывает в глубочайшей бедности, а ежели желаете, то и нищете. Основная еда — макароны с кефиром, ботинки — солдатские, штаны — из секонд хэнда, плащ, который и на весну, и на осень, и на лютую московскую зиму — его, Оганян, по-моему, в 1989 году купил на Тишинке.

Вообще говоря, с точки зрения традиционного представления о художнике-авангардисте, так оно и должно быть: художник должен страдать, пить горькую, предаваться священному безумию и умереть под забором — Ван-Гог, Модильяни и проч. — это, собственно, и изложено в стихотворении.

Но, во-первых, очень не хочется, а во-вторых, новая теория авангардистского искусства, выдвинутая Б.Гройсом (см.) и ставшая в 1980-е и 1990-е руководством, утверждает, что это устарело и теперь все наоборот. Теперешний актуальный художник должен быть поп-звездой, непрерывно торчать на телеэкране, жарить Чиччолину и деньги грести лопатой, как это

делал Уорхол или сейчас делает Кунс. А кто этого не понимает, тот не мастер актуального искусства, а провинциальный кустарь, неудачник и лох.

***

Правда, из этой теории напрямую следует, что тогда главными российскими деятелями актуального искусства являются Церетели и Грымов.

***

Был, впрочем, и период относительного преуспеяния Т. и прочих деятелей московского авангарда — конец 1980-х и начало 1990-х. Перестройка, горбимания на Западе, и в связи с ней — мода на все советское, в том числе и на рашен авангард. Западные галерейщики приезжали в Москву табунами (особенно после Сотбис-1988), и покупали картины и прочие произведения, и художники жили — процветаючи: хватало и на кисти-краски-холсты, и на еду, и на штаны, и на водку, и похмелялись с утра пивом не «жигулевским», а заграничным (правда, все-таки не хайникеном — это уж чересчур). А некоторые даже купили себе автомобили, правда, в основном, «Москвичи».

Вот пример тогдашнего Тер-Оганянового богатства.

Автору однажды довелось в те времена выпивать в компании Оганяна и его друзей-художников, при этом три четверти времени выпивки заняла дискуссия меж ними, ниже какой цены своих картин нельзя уступать, чтобы не сбивать уровень.

Сошлись они на двухстах долларах — тогда, когда это происходило, летом 1992-го, для меня это было суммой, не укладывающейся в мозгу: например, квартиру в Сокольниках мы снимали в это время за 4 тысячи рублей в месяц: в переводе на американские деньги, это было — 25 долларов.

Впрочем, один из них, по фамилии Дубоссарский, остался не согласным:

— А я и за сто пятьдесят продам! — заявил он.

И, подумав, добавил:

— Если дадут.

Остальные принялись его стыдить и укорять, обзывая штрейкбрехером и кайфоломщиком, на что Дуб уныло отвечал:

— Да я и за пятьдесят продам!

И опять добавил:

— Если дадут.

Впрочем, изобилие это (и весьма условное — картины покупали, но все-таки не каждый день, и, на самом деле, не каждый и месяц) уже году к 1993-му стало сходить на нет, а к

середине 1990-х и совсем закончилось.

Также на указанную тему см. в сообщениях Осмоловский А., Романтизм, Сорос.

Безалкогольный образ жизни

Его А.Тер-Оганян ведет уже не менее трех лет. Абсолютно безалкогольный!

Десятилетия интенсивного богемного образа жизни начинают сказываться с середины первой половины 1990-х: организм Т. вступает в стадию сформировавшегося и все более и более зрелого алкоголизма, когда пьянство становится не веселым вдохновенным праздником, а —.

А теперь любая — любая! — выпивка тут же приводят к месячному запою, когда сил хватает только на то, чтобы добрести до ларька и обратно, а потом лежать на диване, каждые полчаса принимая очередную порцию, которая успокоит безобразие, царящее во внутренних органах.

Выход оказывается единственным — не пить вообще, нисколько и никогда.

К каковому образу жизни Т. постепенно и начинает переходить, а теперь перешел окончательно.

Но не пить вообще — это, оказывается, трудно, скучно, нудно, утомительно и изнурительно. Это кому кто если и не пил, кажется, ну и не пить — ну и что? А тот, кто всю жизнь кулдырил, тот обнаруживает: не пить совсем — да это все равно, что и не жить! А только влачить унылое существование: тоска, скука, вялость, однообразное течение непрерывных унылых будней, которые —

Каждый день все одно и то же,

Просто вовсе уж безнадежно.

Поэтому первое, что теперь, вот уже около трех лет произносит Т. при встрече, это:

— Славка, не пить — нельзя! Невозможно!

— Ну так в чем дело? Давай, я сейчас сгоняю! — отвечает автор этих строк, имеющий организм покрепче, который ему еще позволяет, хотя и тоже уже на последних резервах.

— Так пить-то ведь — тоже нельзя! — печально отвечает О.

***

Например, середина августа, например, нынешнего 1999 года. Я в гостях у Тер-Оганяна А.С. Речь заходит о выпивке.

— Да, — рассказываю я ему, — ничего на самом деле хорошего! Вот на днях как раз я решил развеяться, купил бутылку, пил, пил — мерзость! На вкус — отвратительная, потом сидишь пьяный как дурак — тьфу!

— Ну, ты сказал, — не поверил Оганян. — Водка — отвратительная? Ну, ты даешь! Водка, она же, — он покрутил руками в воздухе, — это же — водка!

***

Тут мне читатели задают вопрос, не пробовал ли Оганян, раз так, водку заменить наркотиками. Отвечаю: пробовал. Не героином конечно, марихуаной и прочими производными конопли. Результат: не то, совсем не то!

То есть, конечно, вроде и ничего, и помогает, и успокаивает, но по сравнению с водкой —

Безобразие

Почему-то советская власть очень любила обвинять авангардизм в культе безобразия. Это было не очень понятно. Человек, например, по имени Владимир Богомяков, один раз по этому поводу недоумевал:

— Не могу понять, — удивлялся он, — что такого безобразного в хоть том же «Черном квадрате»? Красоты, конечно, особой в нем я не нахожу, но и безобразия какого-либо, смотрю-смотрю — никак не обнаруживаю!

Но своего она, советская власть, все-таки добилась: безобразие (в результате ее заклинаний?) с тех пор, со времен классического авангарда, появилось в изобилии: Бреннер, Оганян, увы, рубящий иконы, Осмоловский А., лепивший мозг в кубометр величиной — из говна, чтобы потом выставить, т. д.

Осмоловский, кстати, мозг так и не слепил: материала не хватило: сам в достаточном количестве произвести не мог, а звал друзей помочь — не вышло: очень уж он далеко живет, друзьям было лень ехать.

Белозор, Максим

Самый главный друг Тер-Оганяна А.С., он ему завещал свой череп (см. Завещание). Краткая биография Б. примерно такова:

Род. 1963, город Умань на Украине. Белозор любит подчеркивать, что на улице — им. Спинозы.

1978 — 82: ростовское художественное училище им. М.Б. Грекова по спец. «прикладная графика», где и подружился с Тер-Оганяном А.С.

1980-е: жизнь в Ростове-на-Дону, бессистемные заработки посредством художественно-оформительских работ. Пишет стихи и прозу.

1990-е: переезд в Москву, бессистемные заработки посредством разных работ, в основном журналистских: то корреспондентом в программе «Времечко», то сценаристом на каком-то из дециметровых телеканалов, то работником московской редакции «Пари Матч», и проч.

Вторая половина 1990-х: пишет несколько прозаических сочинений, весьма удачных («Волшебная страна»; «Детская книга», «Жезл Дьявола или Детская Книга номер 2» и т. д.) Мне — нравятся.

1998: поступает на работу в газету «Сегодня» и делает в ней быструю карьеру от корреспондента-внештатника до начальника отдела «Общество».

1999: Питерское издательство «Красный матрос» (Сапего М.) выпускает (при содействии Флоренского А.) книгу М. Белозора «Волшебная страна» и обещает чуть попозже издать и остальные его сочинения.

«Волшебная страна» — собственно, это сочинение примерно того же типа, что и данное вот это мое, только написанное немного по-другому. В увлекательной и убедительной форме в книге описана ростовская жизнь 1980-х, там и про А.С.Тер-Оганяна много историй — отсылаю читателя к ней.

Про самого же Белозора М. вот можно, например, такую рассказать историю, которая, возможно, заставит читателя серьезно призадуматься над тем, что есть наша жизнь.

В 1980-е годы у него была жена именем Ирина и двое детей от нее.

Со временем с Ириной он постепенно стал жить плохо, все у них не ладилось, и он полюбил другую, именем Оля, у которой тоже не ладились дела с мужем, и была дочь Варя. И вот в один из дней конца 1980-х годов — если кто любитель полной точности, сообщаю ему: 5 марта 1989 года — он берет свою Олю и дочь ее Варвару и бежит с ней в Москву, чтобы начать там на новом месте новую жизнь.

Покинутый и оставленный без жены и дочери, муж похищенной Оли, пребывая в ярости, начинает поиски и, вычислив ростовский адрес похитителя и разрушителя семьи, приходит с целью крушить, разрушать и наслаждаться отмщением, и обнаруживает брошенную Максову жену в слезах и с двумя детьми. Они разговариваются, изливают друг другу свои обиды, начинают дружить, и — спустя некоторое время это завершается законным браком.

Что продолжается до сих пор: М. Белозор живет в Москве с новой женой Олей и ее дочерью Варей, а его бывшая жена Ира живет в Ростове с бывшим мужем Оли и с бывшими Максовыми сыновьями.

Начало 1980-х, свадьба М.Белозора. Слева направо: описанная выше И.Фокина; описанный выше М.Белозор; описываемый в данном сочинении Тер-Оганян А.С.; Назаров; тесть.

Болгария

Картинка — рекламный плакат «Посетите Болгарию» 1960 года. Сегодня этим никого не удивишь, а тогда такой плакат, наверно, только у немых можно было купить, наряду с остальной порнографией.

В Болгарии А.С.Тер-Оганян проживал в 1984-86 годах, будучи тогда женат на Марианне Марковой, жительнице Ростова-на-Дону, но болгаркой по национальности и подданной НРБ. Женат он на ней был с самого начала 1980-х, а в середине тех же 1980-х он, вслед за ней переселяется в Болгарию, в Софию, и некоторое время там живет. Деньги на жизнь он добывает работой грузчиком на сахарном заводе (жена — учительница английского языка), после работы пишет картины.

В целом ему там понравилось: тепло, фрукты, привозят западные выставки, нет проблем ни с холстами, ни с кистями, ни с красками (в отличие от СССР), и он даже, уже после развода, возвращаясь в СССР, привозит с собой кучу листов оргалита (ДВП) — в СССР это дефицит! и большой запас краски. Причина развода? «Бабам не угодишь! — жили в СССР, она была недовольна, что я не работаю, не содержу семью, только являюсь богемой, гуляю и веселюсь; стал работать и зарабатывать, жить как положено отцу семейства — опять плохо: скучно живем, нет прежних друзей и веселой компании, редко ходим на выставки, в театре уже сколько не были…»

Результат: в конце 1986 Тер-Оганян, без жены и без детей, возвращается в Ростов-на-Дону.

***

Из историй, имевших место во время болгарского жительства Т., вот например, такая:

Сын Давид, придя из садика, кричит радостно:

— Папа, мы стих на русском языке учили!

— Ну, расскажи.

— Бъелий снъег кружьится…

— Постой-постой, по-русски же не так говорят, ты ведь знаешь русский!

— А я хотел рассказать, как мы дома говорим, мне воспитательница сказала, это неправильно!

***

Марианна Маркова в 1990-е тоже возвращается в СССР, так и не приживясь на своей исторической родине, с 1992 (или 1993?) живет с детьми в Москве, снимая две комнаты в коммуналке, на жизнь зарабатывает работая переводчицей в американской благотворительной организации «Врачи без границ» и в других подобных местах, проявляя значительную жизнестойкость; с А. они находятся в отношениях более-менее интеллигентно-добрососедских. Дети с середины 1990-х переселяются к Авдею — см. далее.

Большевики

Троцкий в парадной форме Наркомвоенмора

Став к концу 1990-х склоняться к левому образу мыслей, под влиянием Осмоловского А., а может и-или жизни вообще, склонен теперь Оганян, как я понял, считать, что — и правы они были, большевики! Было — патриархальное азиатское государство, — царь, лапти, зипуны, бороды — большевики сделали из него современную страну с Маяковским, Родченко, Гагариным.

К такому образу мысли склонен склоняться Тер-Оганян со второй половины 1990-х; а ГУЛАГ и все прочее — ну что же, лес рубят — щепки летят.

Брежнев

Например, известная работа Гутова Д. «При Брежневе лучше было!»

Бреннер, Александр

Самый считающийся актуальным из актуальных российских художников второй половины 1990-х. Пришел на Красную площадь с двумя парами боксерских перчаток, залез на Лобное место и кричал в мегафон, вызывая Ельцина на честный бой, чтобы решить, наконец, кто в стране будет главный. Вместе с Куликом бросался в виде псов бешеных в голом виде на проезжающие автомобили, лая, и был бит владельцами мерседесов. Обосрался в музее им. А.С. Пушкина перед картиной Ван-Гога.

Среди бела дня (и причем зимой) пингвинил свою жену перед памятником Пушкина. Дрочил, извините за выражение, хуй на приеме у Лужкова. Нарисовал краской из баллончика знак

доллара на картине Малевича в голландском музее, за что был посажен в тюрьму на год. Выйдя из тюрьмы, отправился в Мексику, чтобы поучаствовать в вооруженном восстании, которое в мексиканском штате Чьяпас осуществляет движение сапатистов — не нашел их, но зато написал там книгу (кстати, занятную) «Технологии сопротивления».

Вопрос: ну, и какой в этом всем художественный смысл?

Почему эта деятельность вообще проходит по разряду искусства, пусть и «контемпорари», а не просто бытового хулиганства?

Почему это все нам предлагают понимать как именно художественные действия, а не как просто потуги осумасшедшевшего от тщеславия маньяка, на что угодно готового, лишь бы попасть в газеты?

Стыдно сказать, но сказать могу только одно — не знаю.

То есть, насчет доллара на Малевиче понятно — мол, никакой это теперь не авангард, а просто дорогая вещь, выгодное вложение денег; но насчет остального…

Но Оганян, вроде бы, как я понял, рассматривает деятельность Бреннера вполне серьезно и положительно, а как именно он это трактует — нужно бы его (Оганяна) расспросить, чтобы разъяснил, да все как-то речь не заходила.

***

Кстати сказать, что касается обосраться перед Ван-Гогом — это как раз Тер-Оганян А.С. придумал, году так в 1989-м, еще на Речном Вокзале. Сидели на кухне, пили чай, обсуждали вопросы, шутили шутки, тут вот среди прочих шуток Оганяном была высказана мысль, что смешно было бы пойти в Пушкинский музей, да там перед каким-нибудь Ван-Гогом и обосраться — мол, от восторга! Мол, вот она какова, волшебная сила искусства!

Оганян потом в такой же непритязательной беседе пересказал эту мысль Бреннеру — а тот так и поступил.

Я потом Оганяну высказывал свое возмущение таким отношением к чужой интеллектуальной собственности — спер идею! — но Оганян, к моему удивлению, моего возмущения не поддержал.

— Ну и что, — сказал он. — Ни ты, ни я все равно бы этого не сделали — кишка тонка, да и не по нашей части такое, а мысль смешная, чего ей пропадать. Бреннер и не дал пропасть, и правильно сделал, — сказал Оганян. Вот какая ему свойственна щедрость!

Также см. Зависть, Сорос.

Бродский, Иосиф

Любитель Тер-Оганян стихотворений Бродского И., это факт. А почему он должен быть не любитель? Или вы полагаете, он есть из числа тех личностей, типа Лимонова Э. или Галковского Д., которые все делают наоборот общепринятому, лишь бы прослыть оригиналами? Оганян вовсе не из таких. Напротив: он глубоко за все хорошее и замечательное, и, поскольку Бродский поэт, несомненно, замечательный, Оганян всецело —

Ван-Гог, Винсент

Интеллигентский советский кумир 1960-х — да и вообще образцовый модернист, каким он должен быть в традиционном понимании: безумный, нищий, зато гениальный.

Тер-Оганян А.С., насколько мне известно, к творчеству В. довольно безразличен:

— Ну, неплохой, конечно, художник, — вяло ответил он мне на мой прямой вопрос. — Немного однообразный.

Судя по отдельным высказываниям О., гораздо больше ему по душе, например, Матисс.

«Великие чародеи живописи»

Одна из первых в Москве выставок товарищества «Искусство или Смерть», созданного и возглавлявшегося А.С.Тер-Оганяном. Проходила весной 1990 в Выставочном зале на Автозаводской.

В последнем номере "Инфо-Спид" мы узнали, что:
"... наиболее длинным пенисом обладают арабы. Там нередко встречается длина 25–30 и более см. Так Х.Рохледер приводит свидетельство каирского врача Липа Бейя, который утверждает, что в Египте нередко можно встретить пенис, достигающий величины предплечья среднего человека". Такие вот дела наблюдаются в Египте. В Москве, конечно, не таки хорошс, но не без проблесков. Мы, конечно, не арабы, наше величие в другом. Чтобы убедиться в этом, приглашаем посетить выставку товарищества "Искусство или смерть" "Великие чародеи живописи" с 12 по 28 апреля в выставочном зале Пролетарского района, Пересветов переулок, 4, корп. I Метро Автозаводская, выход к ДК ЗИЛ , далее – пешком.
Телефон: 275 37 92

Пригласительный билет на выставку «Великие чародеи живописи».

«Вечерняя Москва»

Еженедельник с цветными картинками, приложение к одноименной газете. Выходил в 1997-98 гг., и был одним из немногочисленных печатных изданий, регулярно и квалифицированно писавших о «контемпорари арт», причем не только заметки о прошедших выставках, а и большие статьи об его истории и теории. Андрей Ковалев там этим заправлял.

Закрылось после кризиса августа 1998.

В августе 1998 года автор этих строк злорадствовал: плохо, конечно, но есть и положительные стороны: зато все это глянцевое говно, скороспело выросшее на американских деньгах — «Он», «Она», «Космполитен», «Товарищ», «Медведь», «Империал», «Ом», «Плэйбой», «Птюч», «Элль», «Вог», «Мари Клер», «Оффисиель», «XXL», «Вот так», «Кул Герл», и др. и др. поразорится, а на их месте вырастут, дескать, естественным путем, новые издания, которые-то и будут правильными и настоящими. Кризис, дескать, послужит очистительной грозой, даже бурей, которая сметет с лица земли —

Куда там.

Если кто разорился и закрылся, так как раз те из печатных изданий, которые как раз были более-менее культурными — та же «Вечерняя Москва», «Пушкин», «На посту». А «Вот так» или там «Лиза» —

Да ну и разорись они все, вышеперечисленные, вырасти на их месте естественным путем наши, собственные, укорененные в родной почве всеми своими корнями, — лучше было бы?

Сомнительно.

Вон, поп-музыка наша — самобытная и плоть от плоти донельзя, Алена Апина или Шуфутинский ниоткуда не скопированы, полностью и целиком местный продукт, и что, — сильно хорошо?

«Вино и водка»

31 декабря 1992года, Галерея в Трехпрудном

Совместное произведение А.С. Тер-Оганяна и В.Касьянова.

Гениальное произведение! Из стены торчит водопроводный кран, у него, как и положено, две ручки, для гор. и хол. воды. Над ручками надпись — над одной «вино», над другой — «водка». И, что самое главное — это было правдой! Крутишь одну — течет вино, крутишь другую — течет водка.

С названием только авторы, на мой взгляд, дали маху: нужно было назвать как-нибудь типа «Счастье» или «Мечты сбываются».

Врубель, Дмитрий

Знаменитая картина на Берлинской стене. Друг Леонид целует друга Эриха.

Современный московский художник, человек, который нарисовал одну из самых знаменитых картин современности — поцелуй взасос Брежнева и Хоннекера на Берлинской стене. И один из тех московских деятелей актуального искусства, с кем Тер-Оганян А.С. особенно дружен.

Подружились они в 1995 году в Голландии, где в составе группы российских художников по приглашению какого-то тамошнего культурного института проводили полтора месяца.

Оганян, вернувшись, отзывался о Врубеле в наилучших тонах.

Остальные, кто там был, по рассказу Оганяна, были люди, обладающие молодыми крепкими организмами, они думали, он, Тер-Оганян А.С., после пьянки пластом лежит так, чтобы цену себе набивать. Что там! — таблетку аспирина, бутылку пива — и побежал опять огурцом, — юнцы! А вот Врубель, это человек с именно, что понятием, он знает что к чему, что такое похмелье, что такое выходить из запоя …

Некоторое количество историй из жизни В. можно найти в упоминавшейся «Волшебной стране» М.Белозора.

А вот еще одна.

После выступления Оганяна и его «Школы Авангардизма» на фестивале «Золотая маска», все поехали к Авдею на Бауманскую, продолжать пьянку. Художник Д. Врубель метался по оганяновому жилищу, восклицая:

— Нужно ехать назад! Кого-то, я точно помню, забрали в

менты. Нужно выручать!

— Успокойся, — отвечали ему. — Уже выручили.

— А кого забирали-то?

— Тебя!

***

Картина с Хоннекером меж тем стала в восстановленной Германии ее символом, она там и на майках, она и на каких-нибудь салфетках в ресторане, и на пивных кружках, и везде, где только можно. И если бы Врубель, как положено, получал бы отчисления за использование его произведения, он бы как сыр в масле катался. На реставрацию ее — она ведь под открытым небом, под дождем и снегом, — восемь миллионов марок как-то отпустили, прочитал Врубель в газете.

— Да мне бы хоть какую часть этих деньжищ, я бы весь Берлин таким бы зарисовал! — восклицал Врубель.

Так-то: слава есть — а денег нет.

Да и слава-то: картину, конечно, все знают, но кто из них знает, кто ее автор?

С другой стороны, это конечно, лестно — произведение перешло как бы в фольклор.

Но бедность-то, — как говаривал Мармеладов, — она, конечно, не порок, но нищета-то — вот она, господа, — порок-с!

Такова на самом деле она, суровая жизнь, которая —

Выборы

Смотри А.Осмоловский, Политическое искусство, «Против всех партий».

«Выставка-продажа»

1991, осень

Организована А.С.Тер-Оганяном осенью 1991 в галерее на Автозаводской.

Вся выставка состояла из того, что в галерее были выставлены, стоящие друг на друге, штук тридцать ящиков с портвейном.

Более того: эти произведения можно было не только смотреть, но и трогать руками, и покупать, и недорого.

Если расшифровывать художественный смысл данного произведения, то он состоит в том, что здесь в очередной раз явлены сразу обе основные линии, которые А.Тер-Оганян будет развивать все 1990-е годы: тему пьянства — и тему пародирования классических авангардистских лозунгов и идей.

Он их пародирует — путем буквального их исполнения.

Ибо это, конечно, классические лозунги классического авангарда: «Искусство для народа» — и «искусство в массы» — и «искусство в жизнь» — и «растворение искусства в жизни» — и «искусство прямого действия», непосредственно и прямо воздействующее на реальность, — классические лозунги классического авангарда, причем именно русского авангарда: Маяковский, Малевич, Родченко, Татлин, и проч., и проч.

Только у тех не очень-то оно выходило: они старались везде свое искусство насаждать, и даже чуть ли не под дулом маузера — но народ на самом деле этого искусства так и не полюбил и при первой же возможности заменил его на более удобоваримое.

А вот Оганяну — удалось!

Действуя согласно любимому своему принципу «Не нужно искать сложных путей! Нужно действовать способом самым простым и прямым!», он сумел действительно все эти лозунги классического авангарда осуществить и сделать искусство, которое прямо и непосредственно воздействовало на жизнь, и которое народу — действительно чрезвычайно понравилось: в галерее с утра до вечера толпился народ все три дня работы выставки, и окрестные жители просили даже сделать выставку постоянно действующей.

Нужно напомнить: это были времена ужасного безалкоголия, когда алкогольный напиток можно было купить только у таксистов за тройную цену — а в галерее оно продавалось всего лишь за полуторную.

Галеристы

Постепенно становятся самыми главными людьми в нынешнем контемпорари арт, оттесняя художников на второй план.

Тот же Гельман — с середины 1990-х он уже сам себе художник, и выставки уже называются «М.Гельман — Деньги «или «М.Гельман, Компромат» а художники становятся просто наемные работники при галеристе: им говорят, что делать, — они это делают. А не нравится — вали, других куча, тут же прибегут.

Оганян таким положением дел чрезвычайно возмущен.

А — сам виноват: не фиг было концептуализм разводить, когда главное — идею придумать, а как исполнено, и исполнено ли вообще — дело десятое. Занимались бы живописью, как положено, галерист бы и молчал, ибо сам красить не умеет.

***

То же, кстати, имеет место и в поп-музыке, где множество нынешних исполнителей — только выразители воли продюсера, того, кто дает деньги. Что скажут, то поют, какие прикажут, такие дают интервью.

Справедливости ради нужно бы довести это до конца, и называть продукт не «новая песня певца Р.», а — «вот новая песня продюсера Н., исполнитель — певец Р.»

Гельман, Марат

Тут проще всего бы не мудрить, а взять, да поставить статью из «Итогов», в ней все изложено достаточно хорошо и понятно — кто таков Марат Гельман, чем он прославлен.

Вероятно, я так и сделаю, как только починю компьютер, чтобы он мог работать с ФайнРидером.

Героический миф авангарда

См. Бедность, Ван-Гог, Гройс, Романтизм, Рушди.

Гносеологическая теория искусства

Состоит в том, что главная задача искусства — служить способом познания мира: открывать в нем нечто, людям еще неизвестное (непонятное) и представлять им в понятной форме.

А.С.Тер-Оганян является много лет ее сторонником.

Могу ему сообщить, что в СССР самым главным проповедником это теории был не кто иной, как Мих. Лифшиц, за что, кстати, страдал.

Горби

Гройс, Борис

Бывший советский, а потом (с конца 1970-х?) германский искусствовед и теоретик искусства, автор многих толстых книг о контемпорари арт, мировом и русском, один из наиболее влиятельных по этой части.

Изобретатель в книге, название которой забыл, теории его, нынешнего авангарда, ставшей, можно сказать, среди московских актуальных художников руководством к действию, и при этом являющейся, на мой взгляд, довольно убедительной, но чрезвычайно вредной.

Согласно ей, главный критерий качества произведения контемпорари арт — цена.

Если художнику удалось заставить общество (в лице частных ли лиц или институций) за некое говно, объявленное им произведением искусства, заставить платить деньги — значит это говно является художественным произведением, и чем за более говняное говно чем большие деньги удалось заставить заплатить — тем произведение высокохудожественее.

Гройс приводит множество примеров — Бойс с его мертвым зайцем, или Раушенберг, которому некая дама прислала телеграмму: хочу, чтобы вы написали мой портрет, плачу 50 000 долларов; Раушенберг тут же отбил ответную телеграмму, в которой было написано: «считайте данную телеграмму своим портретом деньги прошу перевести по адресу».

Дама попалась с понятием, деньги перевела и тем самым данная телеграмма **действительно** стала ее портретом — и выдающимся произведением контемпорари арт.

Теория, конечно, интересная, да беда в том, что тогда главными деятелями «актуального искусства» нужно признать Мадонну и Майкла Джексона — такие деньги! и за такое говно! а еще главнее — рекламный отдел фирмы «Кока-колы», а еще главней — Мавроди и всех остальных строителей пирамид.

И тогда вообще любой биржевой делец, именно этим и занимающийся изо дня в день — заставлением общества верить в то, что бумажки (акции, векселя и проч.), которыми он манипулирует, есть ценности, которые стоят реальных денег — он, по этой теории, получается именно деятель актуального искусства — и притом такой, которому никакие Кунсы и в подметки не годятся. Ибо денег на этих манипуляциях он делает больше.

Так я полагаю. И я это и Оганяну излагал. И он даже частично со мной согласился.

Гуманизм

Автор этих строк идет с А.С.Тер-Оганяном по Пушкинской площади, бабки просят денег, Оганян каждой дает. Это уже после Икон — см.

— Как же это ты? Это же христианство — нищим милостыню подавать! Ты, наоборот, должен бы бабок пнуть — «падающего подтолкни!»

— Наоборот! Я-то как раз за людей, за гуманизм! Это вот как раз ты со своим Лужковым должны мечтать этих бабок истребить — за сотый километр их, чтобы вид Москвы златоглавой не портили! А то таких церковок везде понастроили — а тут бабки, калеки страшные, — они же красоту русской духовности оскверняют! — ответил Оганян.

Дадаизм

Картинка: Бретон с Тзарой, его вожди. Правда, не помню, где кто.

Дали, Сальвадор

Согласно Тер-Оганяну А.С., являет собой поп-культуру, а никак не «контемпорари арт».

Точка зрения нынче, конечно, являющаяся общепринятой — но Оганян придерживался ее еще в начале 1980-х, когда Дали был интеллигентским кумиром и высшим, в интеллигентских глазах, воплощением авангарда.

Движения,

они же «течения», «группы», «направления», и всякая борьба художественная, и манифесты, и все прочее как это было в 1900-е и далее: кубофутуристы против эгофутуристов, сюрреалисты, приходящие на выставку неоклассиков бить им морду. В нынешнем московском контемпорари арт — напрочь отсутствует. Причины тому есть, причин этих не одна, они будут в свое время изложены.

«Дегуманизация искусства»

Название статьи испанского мыслителя Ортеги-и-Гассета, начало 1920-х.

В СССР в искусствоведческих книгах его чрезвычайно часто упоминали: вот он, к чему призывает, авангардизм! К антигуманности, к, в смысле, бесчеловечности! К, в смысле, выходит — ко всему плохому против всего хорошего, к «сапогу, который топчет человеческое лицо!»

В конце 1980-х статья была, наконец, в результате гласности, напечатана. Оказалось — во-первых, в ней ничего не проповедуется, а только констатируется то, что есть, во-вторых, — речь идет не о **анти**человечности, а о **не**человечности.

О том, что в отличие от искусства 19 века, которое занималось в первую очередь человеком, его психологией, его красотой или уродством, его взаимоотношениями с себе подобными, новое искусство — согласно Ортеге-и-Гассете — не против и не за человека, а просто — не о нем. А совершенно о другом: о времени и пространстве, формах и протяженностях и проч., и проч. Подобно тому, как совершенно дегуманизированной в этом смысле является какая-нибудь астрофизика.

И, кстати, насчет этого Ортега-и-Гассет был довольно-таки прав, и более-менее прав остается до сих пор.

Джаз

Чарли Паркер. Не знаю как к нему относится Оганян, наверное, положительно.

Любителем является А.С. Тер-Оганян джаза, это факт. И обладателем большого количества кассет с записями этой музыки. Для полноты картины следовало бы указать, какие именно из ответвлений джазовой мысли наиболее им ценимы — этого не знаю. Единственное, что могу сказать — неоднократно видел я валяющиеся тут и там по его жилищу магнитофонные кассеты, на которых изображен чернокожий человек, под которым подписано «Майлз Дэвис».

«Декоративность»

Ругательное слово в устах Тер-Оганяна.

Ибо задача искусства, по его мнению, совсем не в том, чтобы быть укрощением чего-либо. А задача искусства — см. Гносеологическая теория искусства, Украшательство.

Делез

См. Постструктурализм, Французская философия.

Дематериализация искусства

см. Материальность искусства

Деньги

Проект М.Гельмана (см.), 1995-й, кажется, год. Как раз пример того, как галеристы постепенно сами становятся художниками (см. Галеристы).

Суть проекта была в том, что, нынешние деньги — некрасивые и вообще неправильные, поэтому стране нужны новые деньги, на которых изобразить нужно не какую-нибудь ерунду, а деятелей культуры, как в «цивилизованных странах» — и вот тогда заживем!

И Гельман «провел опрос населения», чтобы вычислить, каких деятелей культуры оно наиболее уважает, и какой-то из художников ему эти деньги нарисовал, и Гельман их выставил.

Проект имел успех — в том смысле, что шума было много, и даже министерство финансов выступило со специальным разъяснением, что денежной реформы проводить не собирается, и уж тем более не поручало проект новых денег изготавливать Гельману.

А это отклик «Коммерсанта» на Гельмановскую акцию. Коммерсантовский карикатурист Бильжо предлагает свой вариант новых денег.

И, конечно, коммерсантовский вариант — правильнее.

Гельман, конечно, верно обнаружил хорошую тему — но самонадеянность — на фига мне художники, я и сам все придумаю, а они сделают, как я скажу (опять же см. Галеристы) — его и подвела. Тема-то, конечно, отличная, и Гельман, что ее открыл, честно заслужил наименование «молодец», но реализовал он ее скучно и уныло.

И, конечно, во-первых, нужно было делать большую групповую выставку — всех позвать, чтобы каждый предложил свой вариант новых русских денег, и, конечно, во-вторых, нужно было делать эти деньги куда значительно безумнее: купюры в 3,747 рубля; купюры в 5 у.е.; объемные какие-нибудь деньги в виде кубиков (и с разными номиналами на его гранях — и чтобы стоимость денег в каждом конкретном случае определялась бросанием этих самых кубиков); и т. д.

Целые новые денежные системы нужно было придумывать, а не просто только новые купюры — и желательно, с обоснованием, почему именно такая, а не другая.

Так оно было бы куда, я думаю, более —, нежели —

***

Читая время от времени газеты, я, например, на днях в «НГ-коллекции», как раз в момент, когда я пишу вот это про безумные деньги, обнаружил упоминание елизаветинской (нашей Елизаветы, не английской) монеты номиналом в 48 копеек выпуска 1757, кажется, года.

Так-то.

Как писал Эдгар По, правда — всякой выдумки странней.

Дети

которых двое, Степан и Давид.

«Дом Актера»

1987

Огромный пятиэтажный дом почти в самом центре Ростова, какой-то весь чрезвычайно сложной формы: черные лестницы, парадные ходы, переходы в боковые крылья — среди обитателей Дома Актера популярна была легенда, что в некоей книжке про старый Ростов есть легенда, что в планировке дома архитектором зашифровано целое послание своей возлюбленной.

Когда-то в нем был действительно «Дом Актера» — общежитие работников театра, кино и прочих деятелей искусств, а 1987 году он стоял уже лет пять как обреченный на снос.

Но снести его у властей все не доходили руки — да и сложно это было сделать, он гигантский такой, что его бульдозерами не возьмешь, только динамитом.

И он стоял брошенный, выселенный и пустой, с выбитыми окнами, с коридорами занесенными снегом, с обсыпавшейся штукатуркой, — короче, как рейхстаг 1945 года (он, кстати, и по размерам своим, и по запутанности своих коридоров этот рейхстаг более всего напоминал) — а затем его мало-помалу начали обживать самозахватчики: все те же художники, писатели и прочая богема, только теперь уже не официальные, а то, что принято называть термином андерграунд, тем более, что от жизненных коммуникаций дом почему-то не был отключен: работали сортиры, была вода и электричество. Те, кто посещали живущих в доме, чрезвычайно бывали впечатлены романтичным и даже несколько декадентским характером здешней жизни: приходишь в совершенно мертвый, заброшенный гигантский черный дом, долго петляешь во мраке по черным мертвым, заваленным снегом коридорам, перелезая через горы разнообразного мусора, как в кинофильме после атомной войны, наконец, находишь нужную дверь, стучишь в нее конспиративным ключом, — а там тепло, там светло, там люди пьют вино и ведут беседы об искусстве.

Там вот в нем, в 1987-88 годах и обитал А.С.Тер-Оганян, а затем и автор этих с трок.

Нашел — с помощью, конечно, Оганяна, — комнату понезагаженней, вставил стекла, соорудил топчан из здешнего хлама, поставил электрический обогреватель — и начал жить.

И начал с Тер-Оганяном А.С. дружить, гулять, беседовать, и обсуждать вопросы новейшего искусства, и те направления, в

которых ему следует развиваться, — см. напр., сообщ. Самойлов Д.

Дубоссарский, Владимир

«Распогодилось», лето 1996

Дьявол

Рассказывал Оганян мне историю времен своих мистических исканий — были такие времена в начале 1980-х! — см. Клуб «ЭТО» — как к нему ночью приходил сам Диавол с целью его погубить, и как он, Оганян, еле отбился — но я ее не запомнил в подробностях, а ее интерес именно в подробностях.

Так что — в следующий раз.

Дюшан, Марсель

Один из главных классиков авангарда XX века, и причем один из немногих тех из них, чьи идеи актуальны в московском контемпорари арт и сейчас.

Подробности см. в сообщ. «Не фонтан».

Ерофеев, Андрей

Картинка — собственноручный рисунок А.С.Тер-Оганяна. Справа — А.Ерофеев.

Ерофеев, Веничка

В году так 1998 Тер-Оганян А.С. вдруг его невзлюбил.

— Перечел тут Веничку Ерофеева — какая гадость! — сообщает он вдруг.

— С чего бы это? По-моему — отлично!

— Да ну. Все хихикание, подмигивание — тьфу! Шестидесятничество в его самом позорном варианте! Стругацкие какие-то!

Особенно его возмутили придуманные Веничкой коктейли типа «Слезы комсомолки».

Коктейли эти, конечно, неудачная часть книги, и правда очень глупая, но все остальное, мне кажется… А подумав, я, мне кажется, понял, что Оганяна в этих коктейлях настолько возмутило, что он и все остальное в Ерофееве из-за них отверг: он за водку обиделся! За водку, которую Ерофеев в этих коктейлях мешает со скипидаром или керосином!

Подробней см. «Безалкогольный образ жизни».

«Живописная живопись»

Условное название для художественных убеждений А.С.Тер-Оганяна конца 1980-х годов. Я сейчас перескажу, в чем они состояли, как я их понял, как он их излагал.

— Вот Малевич, например, его супрематические квадратики да полосочки, — говорил Оганян. — Дураки критики городят вздор про, дескать, это космос так изображен, четвертое измерение и так далее. Фигня это! На самом деле — просто взяты самые простые из наивозможнейших цветов, и взяты самые простые из наивозможных фигур — квадраты и треугольники, и все это так соотнесено друг с другом, что только хвататься за голову и кричать вот это да!

— Раушенберг, например, — говорил Тер-Оганян. — Это, дескать, «обличение общества массового потребления». Да опять ерунда! Вот картина — Кеннеди вверх ногами наклеен, снизу две Мерлин Монро, еще всякая ерунда, и сверху помазано кистью. Зачем это сделано? Да низачем — просто чтобы красиво было! Для красоты! И — для смеха: можно было все это и кистью нарисовать, а смешней — и виртуозней — взять случайно вырванные картинки из журнала, и так их суметь друг с другом соотнести, чтобы было — потрясающе.

— Раушенберг, — говорил Оганян, — он, в сущности, тот же абстрактный экспрессионист, только пишет не красками, а чем ни попадя: чайниками, всякими обрывками, картонными коробками.

Так Оганян объяснял автору этих строк смыл наиновейших из доступных нам тогда направлений новейшего искусства, и автор этих строк, бывший тогда склонным, в общем, считать эти наиновейшие направления скорее шарлатанством, находил эти его слова убедительными и восклицал: «Ах так вот оно в чем дело!» И научался смотреть и видеть, что да — так оно, правда, и есть.

— Назначение живописи — было тогдашнее убеждение Оганяна, — очень просто и только одно: создавать объекты искусства из всего, чего под руку не подвернется, а единственное требование к этим объектам — чтобы они были красивы. Не просто хорошенькие, а — потрясающе красивы. Как тот же Малевич, как тот же Раушенберг. И делая это, создавая такие объекты, художник открывает тем самым для зрителя и во внешнем мире то, что ранее было ему, зрителю, неизвестно и незаметно. Идешь так обычно — все серое, скучное, зимнее уныние, ничего хорошего. А насмотришься Раушенберга, и начинаешь сам видеть: гля какие ворота синие, как сволочь! Гля

как они с этим серым забором вдруг сочетаются! Гля, как обрывки афиш и плакатов на стене друг с другом соотнеслись! Это вот и есть задача художника: увидеть такое в мире то, которого никто не видит — выставить в музее — люди смотрят — и сами начинают такое видеть и замечать.

И рассуждения Оганяна представлялись мне убедительными, и я начинал, действительно, сам это все видеть и замечать.

Слово «убедительно», кстати позаимствовано мною именно у него. Оганян использовал его как наивысшую оценку для произведения искусства, да, вроде бы, использует и сейчас. И он убедительно убедил меня в том, что именно такая система оценивания произведений искусств является наиболее верной, и я ее перенял. Оганян оказывал тогда на меня немалое влияние, это факт.

Соответствовала теории и собственная живопись Оганяна.

Он, правда, не писал абстрактных картин, ему лично фигуративные все-таки больше нравились, но во всем остальном —

Он нарочно выбирал самые банальные, умышленно классические темы и сюжеты для своих картин, — «Пир», «Философский натюрморт с книгами, свечой и черепом», «Натюрморт с цветком», «Художник и муза» — ибо, если сюжет как раз и не важен, то уж тогда нужно брать самый наиклассическейший, проверенный веками, и начинал их изображать на холсте, причем ставя перед собой наиболее сложные живописные задачи. Ту именно, что брал для работы не чистые веселые краски, как тот же Малевич, или ростовский друг Оганяна (и тоже замечательный живописец Ю. Шабельников), а — самые классические угрюмо-советские, цвета советской жизни, ее коммуналок, ее присутственных мест, ее школьных сортиров: он строил картину то на сочетании мрачно-коричневого с глухим синим, позорного багрово-малинового с грязно-серым, и — добивался того, чтобы получалось так, что посмотришь первый раз — тусклая угрюмая мудота, а посмотришь еще, и еще, и обнаруживаешь: и тусклая, и угрюмая, и унылая, а — красота ведь все же ведь!

Таков был А. С. Тер-Оганян осенью 1988-го года и зимой 1989-го, таковы были его рассуждения и картины.

Картин, увы, было немного — Тер-Оганян и тогда был склонен слишком много, на вкус автора этих строк, тратить времени на рассуждения об искусстве и недостаточно часто и регулярно заниматься самоей практикой его. На этот счет у него была тоже особая теория, по которой первый народ на земле были армяне, от них произошли негры, а уже от негров — русские. Ибо

армяне — самый ленивый народ на свете, негры тоже ленивы, но поменее, в русских же это качество тоже есть но уже все-таки в значительно меньшем количестве. И, следовательно, —

А вот в каких-нибудь американцах или японцах никакой лени вообще нет, и, стало быть —

Животные домашние

Любит Авдей Степанович животных!

1. Кошка Катька

2. 1997, лето. Мы сидим на скамейке и выпиваем водку, и к нам привязалась собачонка, и довольно противная, шелудивая. Тут Авдей вдруг и начни меня уговаривать, чтобы я ее взял себе.

— Да я вообще собак терпеть ненавижу, я кошатник! — отвечал я ему. — А уж тем более такую.

— Да возьми, ну я тебя прошу!

— Да зачем она мне?

— А обо мне на память! Я вот умру — а у тебя на память обо мне эта собака останется!

3. Собака Врубеля

4. Другой раз прихожу — у Оганяна уже две собаки! Кроме врубелевского Троцкого еще и приблудившаяся к нему Матильда.

5. Раз уж речь зашла о животных художников, то вот история, как у Кошлякова кошка окотилась, принеся пять котят. Он их положил в лукошко, а тут как раз и Оганяна кошка окотилась, и тоже пятерыми, и он взял и их, и пошел на птичий рынок их раздавать. Тем более котята все были породистые, сиамские. «Расхватают!» — решил Кошляков.

Простоял он там весь день, замерз как собака (зима), ни одного котенка у него не взяли.

Любоваться котятами подходили толпами, но все, кто подходил, сообщали, что у них кошка уже есть.

И уже было темно на дворе, когда Кошляков придумал: он предложил старушке, торгующей котятами, видимо, профессионально, может она его котят возьмет на продажу? Породистые, сиамские!

Старушка их внимательно осмотрела, подумала, сказала.

— Ну, по червонцу возьму! — червонец в те времена — 10 тысяч — не такие уж малые деньги, цена примерно двух бутылок водки.

Но оказалось не то, что может подумать читатель.

Оказалось, не она хочет дать Кошлякову В.Н. по 10 000 руб. за котенка, а, наоборот, она хочет, чтобы это он ей дал указанную сумму за то, что она их берет.

И Кашель ей сто рублей дал, и при этом — был доволен.

Потому что не топить же их, котят!

«Жирная, оплывшая туша,

истекая слизью и жутко смердя в центре столицы, топчет своими кривыми лапками флаг великого государства, брызжет слюной, визжа, изрыгает хулу на великий народ, называет его скотом, а стоящего здесь же, рядом, на площади, седого ветерана Великой войны — ленивой и глупой свиньей,» — так описывают Тер-Оганяна А.С. в «патриотической» прессе в рамках антиоганяновской кампании — см. Иконы.

Оганян, конечно, дурак и свинья, учинив такое с иконами — но вот в этой книжке масса картинок с изображением его, читатель может видеть сам: чтобы характеризовать его «жирной оплывшей тушей, истекающей слизью», нужно иметь глаз, устроенный уж совсем особым образом.

Короче: Оганян-то, конечно —, но эти — просто геббельсы.

Жополизство

1998, лето

Акция А.С.Тер-Оганяна, замысленная им в развитие «Низвержения кумиров» и в рамках его проекта «Школа авангардизма», где он обучает новейшее поколение деятелей контемпорари арт тому, что должен знать и уметь настоящий авангардист.

И вот: что еще должен уметь и делать авангардист, так это — всячески угождать «нужным людям»: критикам, кураторам, галерейщикам и проч. То есть, — лизать им, говоря грубо, но честно — жопу.

И предполагалось так и поступить: приезжать к этим нужным людям всем табором, всей упомянутой «Школой», и — жопу им лизать.

Идеология — «героическое жополизство!»

«Вы, прежнее поколение, — позорные чистоплюи, ханжи и рохли, скованные от макушки до жопы предрассудками и условностями; а вот мы, новое поколение дерзких и отважных, мы не ловчим, не хитрим, не юлим и не выкручиваемся, а прямо идем к поставленной цели, все сокрушая на своем пути. Нужно жопу лизать — будем жопу лизать!»

Не осуществлено: галерейщики и критики застеснялись и жоп своих не дали.

«Жупел»

1988, июль

Объединение ростовских-на-дону художников, которое организовал А.С.Тер-Оганян, вернувшись из Москвы, где провел два месяца, и где обнаружил, что жизнь в Москве — кипит.

Собрав всех в Ростове-на-Дону, более-менее пытающихся поспешать за новаторскими тенденциями, в кучу, он дает ей название «Жупел», и даже добивается, чтобы власти разрешили новосозданной группировке устроить выставку (однодневную) своих произведений в выставочном зале клуба флористики в парке им. Горького. Это и была, вероятно, первая выставка авангардистского искусства в городе Ростове-на-Дону за всю трехсотлетнюю историю его существования. Авангардизм этот был, конечно, условный: даже самые радикальные тогда ростовские авангардисты Ю.Шабельников и А.Тер-Оганян не шли дальше «хорошей живописи» в духе раннего Раушенберга.

А группа «Жупел», слегка изменив состав и переименовавшись в «Искусство или Смерть!» —

Так было положено в те года — устраивать товарищеские собрания с президиумом и давать на них с позиций марксизма-ленинизма честные бескомпромиссные оценки

только что увиденному. На картинке обсуждение выставки «Жупел».

Завещание

1997

Я к Оганяну прихожу, он мне сообщает: я завещание написал, тебе руку отписал.

— Какую руку?

— Правую. Ты же мне друг — вот, я тебе на память завещал руку. Белозору — череп: уж извини, но Белозор все-таки мне подольше друг, чем ты.

— Ну, спасибо, чрезвычайно польщен, — что я еще мог ответить?

Зависть

Вот уж качество, абсолютно несвойственное Тер-Оганяну А.С. Насчет этого он прямо не от мира сего, прямо ангел.

Например, когда художники и прочие деятели контемпорари арт — да хотя бы автор этих строк — придя к Оганяну, начинают, как обычно ругать, О.Кулика — Ог. всегда заступается за последнего, говоря, что, конечно, хотя ему, Оганяну, многое в его деятельности не нравится, но, если уж говорить не просто правду, а всю правду, то самое главное, что в Кулике всем не нравится — это успех.

То есть, это просто — зависть, — говорит Оганян, и тут хорошо бы написать, что Оганян, говоря это, прямо даже краснеет от неловкости. Но это было бы неправдой: Оганян не краснеет. Но тон его речи, действительно, явственно меняется, и это изменение как раз именно такого толка, что слышно, что Тер-Оганяну А.С. неловко говорить это.

Также см., например, сообщ. Бреннер.

Заграница нам поможет!

Ну, и помогала. Все 1960-е и 1970-е, и 1980-е, и даже начало 1990-х.

Если не деньгами, так хотя бы интересом: о художнике К. поместили статью в западном журнале — он потом 5 лет носил вырезку из него в кармане, и все его уважали, — о нем на Западе пишут! И он сам чувствовал: мир на него смотрит!

Да и деньгами: купит какой-нибудь шведский консул порой для русской экзотики картину «рашен авангарда» за 200 долларов — цену в той же Швеции пяти бутылок водки — а при тогдашнем курсе (не официальном, конечно, а реальном), — на эти деньги неприхотливый советский художник мог полгода потом жить

А потом — перестала. И —

Также см. Космополитизм, Низкопоклонство перед заграницей.

«За культурный отдых»

1990, осень

Звездочетов, Константин

Произведение К.Звездочетова «Подарок метростроевцам». Картина — мозаика а-ля те, которые украшают станцию метро «Комсомольская», и тоже, как и те, в духе времени, только в духе нынешнего времени; постамент — тачка, наполненная красным вином портвейнового типа.

Один из наиболее известных и выдающихся художников контемпорари арт 1980-х-1990-х, и один из тех, с кем А.С.Тер-Оганян наиболее дружен.

Выдвинулся в самом начале 1980-х, в качестве участника (лидера?) группы «Мухоморы», бывшей тогда новой струей в советском контемпорари арт.

Новаторство их заключалось в следующем: если шестидесятники занимались метафизическими проблемами полумистического толка, занимаясь, в общем, полумистическими изысками, недоизысканными в свое время символистами; если затем, в 1970-е, соц-арт осваивал, пародировал и пересмеивал

язык советского официоза — плакатов, призывов, объявлений в ЖЭКах (тоже власть, да еще какая), то «Мухоморы» взялись за язык советской массовой, низовой поп-культуры: «Битласы» (не как группа «Битлз», а именно как «Битлаки» — элемент именно советской поп-культуры), «Клуб кинопутешествий», «Песня-73», Никулин-Вицин-Моргунов, дембельские альбомы, картинки с красотками и бутылками, наклеиваемые на холодильник и пр. «Оптимистический идиотизм» советской массовой культуры — доводимый до прямо галюциогенно-радужного оптимизма.

Причем видно было, что это все — нравится им.

Что они не только издеваются над всем этим, но и — типа, упиваются.

Это даже шокировало серьезных авангардистов предыдущих поколений, настроенных к советской власти и окружающей действительности совершенно непримиримо и согласных видеть в ней только одно злобное убожество.

Здравомыслие

Чрезвычайно свойственно Тер-Оганяну А.С.

Немного даже чересчур.

Из здравомыслия, например, вытекает его атеизм: исходя из здравого смысла, конечно, непорочное зачатие, чудо в Кане Галилейской, посты, монастыри и все прочее в религии и религиозной жизни, — конечно, дикость.

Правда, возникает вопрос — а собаку из себя изображать и на людей бросаться с лаем, как это делает Кулик, — не дикость?

Но собаку он считает — не дикость.

Каким-то образом это в нем уживается.

Сложная, противоречивая натура!

«Золотая маска»

1997, весна

Первое публичное «отчетное мероприятие» «Школы авангардизма», которую Тер-Оганян основал в середине второй половины 1990-х, и в которой как бы обучает молодежь авангардизму.

Оганяна с его учениками приглашают поучаствовать в церемонии вручения театральной премии «Золотая маска» в Доме Актера на Арбате. Он охотно соглашается. Его ученики выступают.

Они демонстрируют, как они выполнили домашнее задание, которое состояло в том, что они должны были придумать и продемонстрировать какие-либо действия, которые должны были показать, насколько они усвоили понимание и освоение такого краеугольного камня авангардистского искусства, как эпатаж публики. («Пощечина общественному вкусу», «Нате» Маяковского и проч. и проч. и проч.)

Они выходят по одному на сцену и демонстрируют акты эпатажа, а потом объясняют, почему они полагают именно данный акт — эпатирующим.

Все акты — классически нехитрые.

Показать жопу.

Вытащить из ширинки сардельку и бросить ее в зал.

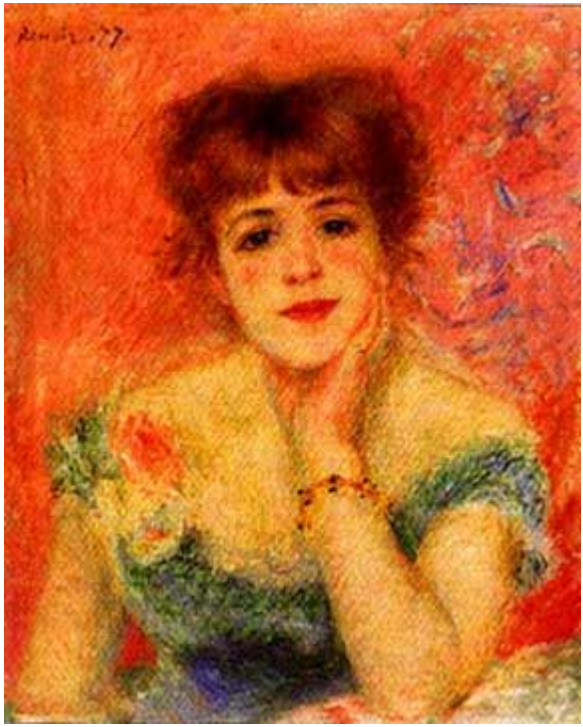
Крикнуть «Хай Гитлер».

Выйти с плакатом «Кто читает, тот дурак».

И т. д.

Нехитрые-то нехитрые, а, оказалось, все еще эффективные: театральная публика — Ульянов там, прочие исполнители ролей — были действительно эпатированы, и еще месяца два в прессе поминали безобразие, имевшее место на церемонии.

Импрессионизм



Ренуар,» Портрет актрисы Жанны Самари»

Процесс по делу Радека. В центре — Андрей Вышинский.

Ну, а что еще это такое:

Протоиерей Александр Шаргунов:

«Само собой, что необходимо освещение этого события в средствах массовой информации, необходимо, чтобы расследование, начатое прокуратурой Москвы, переросло в большой процесс. Все виновные должны быть названы поименно и привлечены к ответственности.»

Понятно, что это значит?

А вы подумайте: «Большой Процесс!» «**Все** виновные!»

Где их набрать, «всех виновных», да чтобы хватило на «Большой Процесс», — на Большой Процесс, так и сказано!

А это вот что значит: это значит — **найти** этих всех виновных, и — **много**, чтобы хватило на «**Большой** Процесс».

Ну, найти легко: в церковь, одна прихожанка сообщила, этот не ходил на той неделе в четверг, вот и —

И пускай они на Большом Процессе расскажут о своих связях, и даже не с финско-японской разведкой, что еще хоть как-то —, а — непосредственно с самим Дьяволом: как летали на шабаш на

помеле; как варили зелье из краденых младенцев; как совокуплялись с демонами; и выступали ли в роли суккубов или инкубов, и что испытывали, когда засаживали суккубу; и проч. и проч., и проч., что описано в книге «Молот Ведьм», которая продается на всех лотках, и в которой все это чрезвычайно подробно описано — и техника, применением которой нужно достигать эти признания, и сами признания, которые нужно достичь применением этой техники.

И которая, кстати, хорошо раскупается: потому что много, все-таки, есть людей, которым хочется применять **такого рода** технику, и притом чтобы именно послушать **такого рода** признания.

Также см. Шаргунов А.

и их отсутствие — вот в чем главная беда современного московского контемпорари арт, по мнению А.С. Тер-Оганяна середины 1990-х: нет галерей, нет музеев, нет печатных органов, нет критиков, нет искусствоведов, нет коллекционеров, нет интересующейся публики, ничего нет!

Точнее, есть, но очень мало.

При советской власти, и то лучше было — конечно, тоже не было ни галерей, ни печатных органов, но были квартирные выставки, художники ходили друг к другу в мастерские, интеллигенты если и не очень понимали, что такое современное искусство, но звание «художника авангардиста» уважали.

А потом старая система горизонтальных подпольных связей рассыпалось, — а новой все никак не создается.

Такие речи Ог. вел все девяностые годы.

И не только вел речи, но и пытался предпринимать действия: в 1996 основал у себя на Бауманской на дому что-то вроде теоретического Института Изучения Проблем Современного Искусства — см. Четверги на Бауманской, а потом с 1997, Школу авангардизма — см.

Ирония

По определению Аристотеля, «высказывание, содержащее насмешку над тем, кто так действительно думает».

Процветала в контемпорари арт, особенно в соц-арте, в 1970-е и начале 1980-х: Пригов со своими стихами про милицанера — типичнейший пример.

А вот в нем нынешнем, мне кажется, скорее наличествует обратное: под видом иронии и насмешки его автор делает действительно то, что ему действительно нравится.

Звездочетов, например (см.).

Тот же Тер-Оганян — под видом пародирования стереотипов классического авангарда, он именно им и занимается вовсю.

Или автор этих строк: «Вылетает поезд из тоннеля» — делая вид, что пародирует эту эстетику, автор на самом деле вовсю эту эстетику использует в собственных целях.

И т. д.

Собственно, это началось с поп-арта, Уорхол, с его Мэрилинами, он же —

***

Тут мне говорят, что не все знают, что это там за поезд

вылетает из тоннеля.
Это пожалуйста.
Это вот какое стихотворение:
Тесная, как рыбья шкура, как чулок
Наступает ночь, ночь.
Эх, в какой же мне забиться уголок,
Чтоб ее, паскуду, превозмочь!
—
Вылетает поезд из тоннеля,
Как из пистолета он летит,
Вылетает поезд, эх, земеля!
Эх, тудыт его, собака, растудыт!
Вылетает поезд из тоннеля
Весь со страшным визгом он летит.
Предо мной распахивает двери,
Поглотить меня собой скорей хотит.
«Заходи, приятель!» — завлекает, —
«Ох, со страшной силой повезу!",
Всем своим железом он сверкает,
Всю являет страшную красу.
—
Вечер падал яростным домкратом,
В небе черном поднималася луна…
Вся душа моя смятением объята,
Вся душа моя смятением смятена.
Дивных вечер полон ароматов,
Ветром знойным веет ветерок,
Черным будто вся обклеена бархатом
Ночь стоит. Лишь выйди за порог.
Все таинственно кругом, и очень страшно,
Как в театре полыхают фонари…
Вдруг как екнет сердце и как трахнет!
Как похолодеет изнутри!
Чу! Идет по улице красотка.
Вся как заграничное кино!
У нее особая походка,
На плечах ее шикарное манто.
Ноги стройные свои она имеет,
У нее прохладные глаза,
Кто увидит — сразу онемеет,
Ни словечка вымолвить нельзя.
Только ты напрасно душу мучишь!
Для романтики прошли, брат, времена!
Ничего ты, здесь, брат, не получишь!

К иностранцам подалась она!
Эх ты парень, паренек зеленый,
Ты о женщине по морде не суди!
Рафаэлевской лицо у ней Мадонны,
Бездуховность полная в груди!
Эх вы, бабы! Все бы вам колготки!
Хуй ли вам в поэзии понять!
Падлы все вы и продажные кокотки,
Ох же сука ебаный насрать!

Сентябрь 1988, ст. м. Площадь Революции — ст. м. Красносельская

«Искусство или Смерть»

Товарищество ростовских художников, основанное и возглавлявшееся А.С.Тер-Оганяном в 1988-90 годах.

«Однажды в художественных мастерских на Университетском у Валерия Ивановича Кульченко был праздник. Принесли два рюкзака «Алазанской долины» и стали ее пить.

Вася Слепченко захотел показать всем кружочки от банок на своей спине. Он порвал рубашку, потом майку и показал. Праздник продолжался. Время от времени кто-нибудь кричал: «Кружочки!», и Вася показывал.

Было очень весело. Звонили в корабельный колокол, бросали с третьего этажа чугунную гирю. Юрий Леонидович Шабельников пел красивым голосом казачьи песни, а старый Валерий Иванович Кульченко стоял перед ним на коленях и плакал.»

Так пишет Максим Белозор (см.) в своей замечательной книге «Волшебная страна». Но почему-то он не указал, что происходило это в сентябре 1988 и именно на этой пьянке и было провозглашено создание Товарищества независимых художников «Искусство или смерть». И когда всей компанией пошли «на яму» за очередной порцией «Алазанской долины», поход этот сопровождался чем-то типа пионерской речевки, когда Оганян выкрикивал

— Искусство!

А ему хором отвечали:

— Или смерть!

Осенью того же 1988 года основные деятели товарищества перебираются в Москву и некоторое время — до начала примерно 1990 года — продолжают и в Москве выступать под этой маркой. А затем постепенно, это прекратилось: и не рассорились, и продолжали дружить, и жить все вместе, на Ордынке и затем на Трехпрудном, но понятие «товарищества», как некоей специальной художественной группы — уже не употреблялось. В московской культурной ситуации 1990-х годов понятия «художественной группы», «движения», «течения», столь важные для авангардизма за всю историю его существования уже как раз были совершенно не актуальными, об этом см. в сообщ. «Движения художественные».

Искусствоведы

Главные люди в «контемпорари арт».
Ибо без искусствоведческого комментария оно —
Ибо таким оно постепенно стало, что —
Да только искусствоведы-то эти —

Истэблишмент

Теоретически, весь авангардизм с самого своего основания провозглашает борьбу с истэблишментом — сначала, в 19 веке, с художественным академизмом, а потом и с политическим и всяким прочим.

Да только так дела обстоят, что очень быстро деятели этого авангарда сами становятся этим самым истэблишментом — тот же Пикассо: бешеные деньги, поп-звезда, все музеи увешанные им, и проч.

Да еще и куда более противным видом истеблишмента, чем истэблишмент массовой культуры!

Все эти поп-звезды или политики — среди них хотя бы довольно-таки быстро происходит «ротация», одни уходят со сцены, другие появляются, а эти — раз попал в истэблишмент, так насовсем;

и те, во-вторых, хоть оправдываются перед публикой, хоть иногда демонстрируют свою неуверенность — мы, может, и заняты фигней, но народ этого хочет, истэблишмент же от авангарда — прямо-таки жрецы: идите прочь, непосвященные! чернь, которая!

Это довольно-таки —

«И так сойдет»

Один из главных жизненных принципов Тер-Оганяна. «И так сойдет», оно же «Не нужно слишком стараться!», оно же «Мы не ищем сложных путей!»

Например.

Подготавливал я к печати книжку про Дженис Джоплин, звезду американского рока 1960-х, и предложил Авдею — ты же художник, сделай обложку, мы заплатим. Ответ был такой: за маленькие деньги мне браться неохота, большие — мне с вас неудобно просить, а главное — я сделаю то же самое, что отлично сможете сделать и вы сами: напишите большими красными буквами сверху РОК, и поместите фотку, где эта Джоплин покрасивей. И все! Не фиг слишком стараться! И так сойдет!

Подумав, мы поняли, что он прав, и именно так и сделали.

Что же до — то это все не просто так, а это есть одно из того, что он есть авангардист до мозга костей. Ибо главная идея авангарда — «ищем речи точной и нагой», не разменивать на пустяки, а искать в искусстве то, что есть его квинтэссенция, главное то, что в нем действует. Редукционизм, иначе говоря, вот основа всего авангарда за все его время существования.

И оно порою, конечно, плохо, но часто — и хорошо. Потому что часто, действительно, не фиг слишком стараться и замусоливать! А нужно действовать напрямую! Без фокусов! А не искать трудных путей.

«Италия имеет форму сапога»

1989, февраль

Выставка художников группы «Искусство или Смерть!», возглавлявшейся А.С. Тер-Оганяном. Проходила в ростовском Выставочном Зале на Набережной, длилась две недели, заняв этот зал — весь, и это был период, когда мы, деятели авангардного ростовского искусства катались, фигурально выражаясь, как сыры, говоря образно в масле славы, и жировали кумы королям в лучах ее же: то есть, славы: авангардизм был в СССР вообще, а уже тем более в Ростове-на-Дону, делом невиданным, и все нас за то, что мы являлись его представители, любили и чуть ли не носили на руках.

А еще впридачу там, на Набережной, были рядом друг с другом аж целых четыре пивные, в которых — во времена антиалкогольного угара! — пиво было наливалемо за малые деньги свободно и без малейшей очереди.

А еще и февраль был необычайно теплый, 16 градусов тепла! в Ростове, который вовсе не пребывает в зоне субтропиков, и, вообще-то, в феврале в Ростове ходят в тулупах и собачьих шапках — и мы, участники товарищества, съезжались к открытию

выставки, к 12 часам, и ждали, когда появится такой из посетителей ее, который выразит желание ближе познакомится с авторами, и поведет нас в какую-нибудь из упомянутых пивных: в «Якорь», «Рак» или «Ракушку». И такой обыкновенно появлялся.

А если не появлялся — мы шли туда сами и ради денег — читали стихи. А.С.Тер-Оганян влезал на стул и объявлял: «Господа! Поэт Мирослав Немиров сейчас вам прочтет стихотворение!» После чего я залезал на стул и читал.

Люди нам за это покупали пиво. (Правда, бывало, что говорили при этом — нате, пейте, только со стихами своими отвяжитесь — но это уже частности).

Что читал? Да примерно вот что:

Быть падшей женщиной — приятно:
За сиськи всяк тебя берет,
Ходить ведет по ресторанам,
Деньжата пачками дает,
Но время быстро пролетает,
Уж замуж просится душа,
И тут девчонка понимает,
Что честь ей — ужас как нужна.
Так берегите честь, девчата!
Без чести просто никуда!
И трата-тата тратата
До свадьбы лучше — никогда!
Уж лучше без ноги остаться!
Полюбит, может, инвалид.
Бесчестной ж век одной скитаться,
Постыдный свой влачая быт.
1988, сентябрь, Ростов-на-Дону.

Собственно, это есть краткий пересказ кинофильма «Интердевочка» — одного из первых произведений перестроечного кино. Вообще, одна из первых волн наступившей тогда эпохи Гласности — волна публикаций в газетах о проституции в СССР, и о том, как замечательно им, проституткам, живется.

Это и пересказано в стихотворении.

А потом нас кооператор Капа полюбил.

И стал приезжать к закрытию зала и вел в соседний «Якорь», который был не просто пивной, а уже рестораном, и где стол уже ломился от заранее заказанных Капой яств.

— Ну, давайте, попиздите про искусство! — призывал Капа, и, нужно отметить, не пытался высказать свое мнение об искусстве, а именно ему хотелось, чтобы мы — попиздели о нем, а он — послушал.

Так что в стихах

Слава в достаточной степени мне по барабану:

Я ее, в общем, в количествах нужных — изведал,

излагаются, среди прочего, и впечатления от выставки «Италия имеет форму сапога».

Также см. Рождественская Людмила.

«Итоги»

Господа! Стихи
Куда больше главней, чем кино.
Потому что стихи направляют мозги
У людей, а кино, что кино? Говно.
Поэтому, дураки,
Ежели хотите быть круты
Публикуйте лучше (и с цитатами) обзоры лирики,
А не видеохуеты.
Сообщайте регулярно,
если снова что Гандлевский спьяну учудил,
Или Кушнер трезвый мудрость произнес.
Это же куда поинтересней тарантин-мудил!
Пригов иль Кибиров-то и поумней,
и побезумней, и поудивительнее сраных кинозвезд.
Выгоньте короче, Ю.Гладильщикова в киргуду,
А возьмите меня.
Я вам чики-чики это дело наведу.
Ведь обидно: неплохой журнал,

а в нем такая вот попсовая фигня.

Стихотворение автора этих строк — 8 октября 1997, около 6 вечера.

«В киргуду» — вариант ради соблюдения приличия. На самом деле, конечно, там «блядь в пизду».

Не сбылось: Гладильщикова Ю. в киргуду так и не выгнали, меня вместо него не взяли, и обзоры лирики помещать (с цитатами!) так и не стали. Тем более, я его — стихотворение — им так и не отправил: все суета, ерунда, так руки и не дошли.

Да.

А вот об «контемпорари арт» в «Итогах» пишут регулярно — и, нужно отметить, вполне квалифицированно (Ф. Ромер), хотя и не большие статьи, а только заметочки о прошедших выставках и акциях. В том числе и о выставках и акциях Тер-Оганяна А.С. — и, кстати, обычно положительно о них отзываясь.

Таким образом «Итоги» есть один из немногих печатных органов, пытающихся, и, что особенно хорошо, внятно и доходчиво, знакомить общественность с тем, что происходит на самом деле в актуальном искусстве.

Также см. Печатные органы.

Йоги

Много раз в этой книге описано, как не любит А.С. Тер-Оганян всякую мистику, ну а уж восточную — всевозможную харикришну и бхагаватгиту в особенности. Как-то в годы ранней юности, в начале 1980-х, он ездил в Москву, и остановился на постой у знакомой девушки по имени Татьяна Циркина, родители которой были люди, которые увлекались всеми видами тогдашними, начала восьмидесятых, секретными увлечениями — йога, НЛО, парапсихология, уринотерапия, Д.Андреев и проч. и проч.

А тут у Оганяна заболел зуб. Циркины очень обрадовались:

— Замечательно! Вот мы тебя сейчас вылечим!

Никаких лекарств в доме у Циркиных, естественно, не было — йогам лечиться химическими препаратами западло, они признают только «естественные методы». А тогда у них был период увлечения таким «естественным методом», как «очищение организма», то есть, проще говоря, клизмой. И они стали лечить больной оганянов зуб клизмой — по пять раз в день.

На третий день Авдей не выдержал и тайно купил анальгин. Анальгин помог, но Т. по небрежности оставил упаковку от него на видном месте, она была обнаружена, и был большой скандал:

— К нам в дом — эту мерзость?!!

Возможно, именно с этого и началась Оганянова нелюбовь к

восточной мудрости.

Карлики

2 июня 1992, Трехпрудная галерея

«Карлик» Авдей

«Карлик» Китуп

«К барьеру!»

13 марта 1992, «Галерея в Трехпрудном»

Человек приходит в Трехпрудный на выставку — из двери он видит, что на стене вдали развешены разные художественные произведения. Но в зал хода нет — дверь перегорожена таким барьерчиком-прилавочком, подобным тому, какие бывают в раздевалках. И человеку, вместо входа, дают ружье, и предлагают стрелять.

И он стреляет по своему усмотрению — в то из произведений, которое, например, ему почему-либо не понравилось, или руководствуясь какими-либо другими своими соображениями.

Такова была коллективная выставка под названием «К барьеру», придуманная и организованная Тер-Оганяном А.С. Всем знакомым художникам он предложил приготовить по какому-нибудь произведению для нее, при этом он честно всех предупредил, что произведения будут расстреляны из ружья. Все и сделали.

Особенно поучительной художественной какой-то идеи в этом не было, но получилось эффектно: всякий человек, известно,

любит пострелять, а уж по художественным произведениям!

Авдей выставил свой портрет с яблоком на голове.

Какой-то гад — три бутылки водки с надписью «Убей любимую».

И проч.

Среди прочего, вот какой автором этих строк был подслушан разговор в публике:

— А вот еще икону нужно было выставить.

— Да ты что!

— Нет, ну интересно — решился бы кто-нибудь в икону стрелять?

Спустя восемь лет оно аукнулось.

Кабаков, Илья

Кандинский

Крайне холоден к нему А.С.Тер-Оганян.

— Романтизм какой-то, и очень глупый, — так он его характеризует.

А «романтизм», се есть, как известно, в устах деятелей авангардистского искусства, слово ругательное еще со времен Маяковского, а впрочем, и более ранних.

КВН

И возникает мысль: а не смахивает ли все это, все это нынешнее постконцептуалистское актуальное искусство, на — КВН на факультете искусствоведения? Изучили предмет (Дюшана, например) — ну, а теперь давайте на эту тему пошутим.

На мой взгляд, очень смахивает.

Я об этом Оганяну говорил.

Тот в ответ морщился.

Классический авангард

То есть, тот, который до примерно поп-арта. А с поп-арта уже начинается — ну, примерно, можно сказать «постмодернизм».

Книги

Одна из главных статей расходов А.С.Тер-Оганяна.

Как у него заводятся если деньги, тут же он идет с мешком в книжный магазин, типа «Гилеи», и покупает книги в большом количестве. И книг у него — до фига, и хороших.

Автор этих строк, например, почти все, что прочел за 1990-е годы, от Геродота до Сорокина, — это все я брал почитать у Авдюши.

«Коллективные действия»

Положительно относится к ним Тер-Оганян.

— Как же так? Это же, в сущности, сплошной дзэн-буддизм! — удивился я.

— Ну и что, как дзэн-буддизм? Я и не против дзэн-буддизма! Я против, когда кто говорит, что он за дзэн-буддизм, но еще и за Иисуса Христа, а еще за Рериха, а еще за Высоцкого, а еще за все вообще прекрасное и возвышенное. А сам по себе дзэн-буддизм — я ничего не против, местами даже вполне разумно.

Комар и Меламид

и необходимость в нем.

Это есть, несомненно, один из главных пороков всего этого контемпорари арт.

И, в сущности, главная часть его, нынешнего авангарда — именно в комментарии. Можно и не делать объект X или акцию Y — достаточно ее описать. Можно не ходить на акцию смотреть — достаточно прочесть про нее в газете: она полностью сводится к своему описанию! И, таким образом, комментаторы — критики и искусствоведы — становятся в контемпорари арт гораздо более важными людьми, нежели художники, а само оно, это искусство, становится просто разновидностью литературы.

А вот Матисс или Малевич, или хоть тот же Ван-Гог — они к описанию никак не сводятся. В том-то и дело, что их нужно — посмотреть своими собственными глазами, и притом именно подлинник, а не репродукцию в каталоге.

А еще к тому же и нет их, комментаторов, — тех, кто разъясняет.

Тех, кто может и хочет внятно расшифровать публике смысл послания, которое сделано автором данным произведением.

Вместо скромного и внятного комментирования, три четверти их, критиков-искусствоведов, жонглируют именами Делеза и Фуко, а —

Ну, Ф.Ромер в «Итогах», тот да.

А так — фамилия одного из главных специалистов по московскому — да и всемирному — контемпорари арт: Тупицын.

Статьи его («их», их двое, муж и жена) — в вобщем, соответствуют фамилии авторов.

Компьютер

Автор этих строк узнает, что в офисе «Врачей без границ», который сторожит Оганян (см. сторожба), полно компьютеров.

— Так ты на них работай! Изучай программы, книжки там верстай! — призывает его компьютеролюб я.

— У меня и лопата есть. Может, мне ее тоже начать изучать по ночам — траншею там во дворе вырыть? — сердито отвечает компьютерофоб Оганян.

«Контроль количественный» и «контроль ситуационный»

и утрата их

Важнейшие понятия теории и практики мирового алкоголизма.

«Утрата количественного контроля» — это когда человек достигает такой стадии алкоголизма, когда начав выпивать, перестает замечать, что выпил уже достаточно, пора и остановиться. Каждый случай выпивки продолжается до состояния полного беспамятства. «Меры не знает». «От первой-то рюмки мне отказаться легко, вот от седьмой …» (Довлатов).

Явление чрезвычайно распространенное в России, и с ним, в общем, еще можно жить и даже позволять себе выпивать. А вот «утрата ситуационного контроля» — это уже да, это уже такая стадия алкоголизма, когда уже —

Когда, например, вызывает начальник — а личность Н., страдающая описанной утратой, наливает себе перед этим стакан, под лозунгом «Фигня! Никто и не заметит!» А потом — второй, объясняя: «Ну и заметит, ну и фиг ли? Кто нынче не пьет!», а затем и третий, потому что «Ну и фиг с ним, с начальником, он вообще козел!»

Когда нужно, например, днем монтировать выставку, а вечером ее открывать демонстрацией публике перформанса — а по пути из гостиницы в галерею ноги сами заводят в винный магазин, и там руки сами покупают бутылку рома — так, по чуть-чуть, для бодрости (нет, лучше литровую; нет, давайте уж сразу и вторую), а затем наливается первая и вторая правда по чуть-чуть, а затем (что-то не действует!) третья сразу по-полной — и т. п.

Тер-Оганян А.С. достиг этой стадии к середине 1990-х, что и вынудило его перейти к полностью безалкогольному образу жизни (см.)

А упомянутый выше перформанс в Берлине, кстати, получился, и весьма эффектный, и он даже заснят на видеопленку. Хотя и весьма не тот, который замышлялся — подробности см. Берлин.

Концептуализм

Я скажу, друзья, вам прямо,
И отнюдь не без причин:

Заебал блядь этот сраный
Весь блядь концептуализм!
То есть нет, оно, конечно,
Вроде даже хорошо, –
Эта всякая скворечня,
Всякой блядь хуйни мешок;
То есть, да, оно забавно.
Поражает даж порой
Всей своей однообразной
Заунывной хуергой,
Но от вас, друзья, не скрою,
И скажу без хуеты:
Все же хочется порою
И невъебенной красоты!
Надым, 19 июля 1990

И, сейчас, девять лет спустя, повторю: так и есть. Господствовавший все эти года концептуализм — или, беря шире, всевозможный минимализм, неопримитивизм, разнообразное «бедное искусство» — очень сильно утомили. Хочется душе и уму искусства богатого, мощного, разнообразного и даже — обладающего пафосом. Потому что — хочется! Потому что — так вот оно и есть.

Далее нужно бы дать общий очерк развития концептуализма, то есть искусства, отказывающегося от «формы» и переносящего упор на манипуляции со смыслом (начиная, пожалуй, с «Черного квадрата» Малевича и с дюшановского писсуара) — но это в следующий раз. Сейчас я к этому не готов.

Космополитизм

Конечно, все они, деятели контемпорари арт, приверженцы космополитизма и граждане мира, в том числе и Тер-Оганян А.С. Конечно, все оно, актуальное искусство, есть именно, в их трактовке, международное и общечеловеческое, и одно из главных обвинений, предъявлявшихся ими к советской власти в годы ее господства — что она их отрезала от этого мира и загнала в глухую провинцию.

Оказалось, неправильно это!

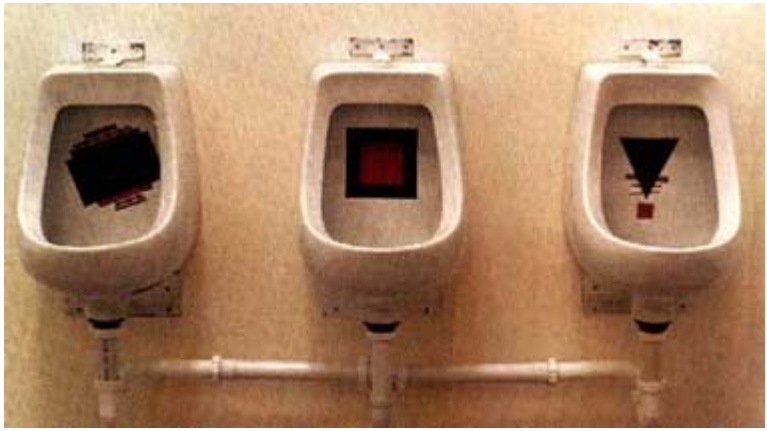
В смысле, космополитизм московского контемпорари арта.

Оказалось — не из моральных соображений или еще каких, а просто — невыгодно!

Оказалось — смотря на карте исключительно налево, свой внутренний художественный рынок они потеряли (точней, просто так и не создали, хоть было и время, была и возможность, когда, в ту же Перестройку, имелся действительный интерес людей ко всякому авангарду и андерграунду), а мировому рынку, оказалось, московские мастера контемпорари арт интересны именно и исключительно как представители экзотической страны, а более — никак. Рассматривать московских деятелей как точно таких же как нью-йоркских, но только живущих в другом месте, мировые арт-дилеры никак не желают — им нью-йоркских, живущих именно в Нью-Йорке, вполне достаточно.

Это оказалось достаточно сильным шоком — обнаружить, что оценивают их по национальной принадлежности, по степени их «русскости» — не бородатые сумасшедшие полунацисты из «Молодой Гвардии», а амстердамские и нью-йоркские критики и галеристы.

Косолапов



Не один Тер-Оганян, конечно, шутит на темы писсуара Дюшана (см. «Не фонтан».) Вот на эту же тему произведение классика соц-арта Косолапова: «Революционный фарфор». Здесь он состыковал два классических авангардистских объекта — дюшановские писсуары с малевичевскими росписями фарфоровых чашек, которыми тот занялся после того, как «закончил живопись» «Черным квадратом» — см.

Кошляков, Валерий

Один из наиболее успешных московских художников актуального искусства в 1990-е годы; кое-кто (например, такая точка зрения весьма распространена в городе Санкт-Петербурге) считает его и вообще лучшим московским современным художником.

Немалая заслуга в этом, если признавать всю правду, как она есть, принадлежит Тер-Оганяну А.С.

Если бы не он, вполне мог бы сейчас К. проживать в Ростове-на-Дону, быть членом местного отделения СХ и писать талантливые, но банальные виды донской жизни, развивая традиции Левитана и Коровина.

Краткая биография.

Родился в 1962 г. в г. Сальске Ростовской области

Начало 1980-х: поступает в ростовское-на-дону Художественное училище им. М.Б. Грекова, где в то время уже учится Тер-Оганян, и имеет в нем репутацию полного идиота: подвиг радиста нарисовал! Большую картину маслом на холсте, где изобразил героическую гибель радиста в степи от взрыва во время боевых действий Великой Отечественной войны.

Учащиеся училища были шокированы такой темнотой. «Футуристов», вроде меня, рассказывал Оганян, конечно, было раз-два и обчелся, но все-таки все учащиеся были парни городские, продвинутые, рисовали кто сюрреализм, кто что-нибудь мистическое, войны, если и было рисовали, так звездные, но чтобы войну Великую Отечественную — таких не было.

Нет, ну, конечно, были хитрожопые хитрожопы, которые и «подвиг разведчик» рисовали, и Ленина на броневике, и съезд

комсомола, но с теми все было ясно, да и те для себя если что и красили, так опять же сюрреализм. А этот — сам, по доброй воле — и такое!

А это он — от невинности. Паренек из города Сальска стал художником — ну, так нужно писать картины серьезные, большие, на серьезные темы — про войну и т. д. А что же еще рисовать серьезному художнику? Ходил, можно добавить, Кошляков в это время обутый в футбольные бутсы с шипами. Не чтобы прослыть оригиналом, что еще бы как раз было в его пользу, а — опять же от невинности: а что? хорошие ботинки, крепкие, и недорогие!

Так что тогда Оганян с Кошляковым не подружились.

Подружились они уже примерно году в 1986-м, когда К. работал декоратором в театре оперетты, хотел как-нибудь поступить в Союз Художников СССР, а для души писал жанровые картинки из донской жизни: казаки, казачки и все прочее. Тут-то Тер-Оганян и обнаружил в К. несомненный живописный талант и взялся его патронировать. Давал советы, наставлял, подсовывал книжки с изображениями произведений Матисса и Пикассо, а то и Малевича и Поллока. Результат: Кашель, под влиянием О., все более и более переходит к «современному искусству» — к импрессионизму, в 1987-м уже к чему-то типа фовизма а-ля какой-нибудь Дерен (для Ростова-на-Дону тех времен — дикий авангард), и уже и не собирается как-нибудь пристроится в Союз художников, а — А в 1989-м году Ог. почти силой заставляет Кошлякова переехать вслед за ним в Москву. И поселяет у себя, сначала на Речном вокзале (см.), а затем на Раушской набережной (см.), и год содержит, пока Кошляков не начинает зарабатывать сам, и уже году к 1991-му — см. начало сообщения.

Опишем, чем именно К. добивается успеха, и что он и по сей день развивает. Это вот что: на огромных картонах (3 на 5 м и еще больше), сделанных из найденных на помойках ободранных ящиков от телевизоров, холодильников и прочего, бледной, сильно разбавленной белилами гуашью он пишет виды Рима, Венеции, всевозможные классические развалины. И затем это — выставляет.

— И все? — удивится читатель, привыкший, что в контемпорари арт есть фокус и —, а тут — просто виды Италии?

Именно так. Кошляков есть чрезвычайно редкий в нынешнем актуальном искусстве автор таких произведений, которые не сводятся к их словесному описанию (см. Комментарий), а которые нужно именно прийти на выставку — и посмотреть. И посмотреть — живьем, в натуре, а не репродукцию. Ибо репродукция — все-таки не передает силу и, стыдно при людях такое и вслух сказать

красоту, с которой все это изображено.

Впрочем, концептуальный момент во всем этом тоже есть, и весьма сильный. Персонажность. Кто таков человек, который это делает? Это советский дикий человек, пребывая в убогости и нищете, на каком нашел материале (картонные разодранные ящики), какими нашел красками — гуашь, экономии ради сильно разбавленная белилами — изображает видение — мечту! — мечту об иной, прекрасной жизни! — мечту художника, Италию! — но получается совсем не так, как хочется: разбавленная краска течет, (вся картина в потеках), картон — рваный, гофр там и сям торчит наружу, как ты его не записывай, да и Италия эта, если подумать — собственно, посмотреть — тоже одни руины.

То есть, на руинах одной великой Империи ее одичавший сын пишет свою мечту, которая оказываются — руины другой великой Империи. Такового персонажа придумал В.Кошляков, от лица которого он это все и пишет — но при этом, что еще сильней, что он его не придумал! (см. Ирония) Он сам и есть такой персонаж! Он действительно дикий паренек из Сальска, который пишет действительно то, что ему нравится — и не его вина, что это оказывается тоже руинами.

Таков примерно, смысл — или, лучше еще использовать термин «мэссидж» — живописи Кошлякова В., которая, кроме того, еще просто очень хорошая живопись.

***

— Что это у тебя? Дай посмотреть! — говорит Кошляков, видя большую толстую книгу у Оганяна в руках.

Взял, листнул. Разочарованно возвратил:

— А, буквы!

Но это было давно.

Перебравшись в Москву, быстро Валерий Николаевич сориентировался: нынче быть одним глазом и рукой мало, нынче художник должен быть еще и теоретиком. И буквы стал все-таки читать, и вникать, и сейчас я никак не удивлюсь, если Кошляков и про дискурс к месту ввернет, а может, и Фуко процитирует.

***

— Вот «Итоги» — хороший ведь журнал! Про искусство пишут, и, в общем, правильно, все понимают. Но зачем в начале, — половина каждого номера! — какая-то ерунда, про Ельцина, Зюганова, Чубайса. Понятно, раньше заставляли про политику писать. Неужели и сейчас заставляют? — говорил В.Кошляков.

И очень был удивлен, когда ему объяснили, что подавляющее

большинство людей, покупающих «Итоги», покупают их именно из-за первой половины — про Ельцина, Зюганова, Чубайса. А то, ради чего покупает журнал Кошляков — это на самом деле так, довесок.

А.Тер-оганян (крайний справа) с группой товарищей на фоне трансформаторной будки, художественно расписанной В.Кошляковым. Москва, 1998, июль, район Бауманской. Второй справа — автор этих строк.

«Красота»

Понятие, никак не фигурирующее в актуальном искусстве — полностью отданное на откуп массовой культуре.

Ну, разве что Кошляков, стыдясь и не произнося этого слова, не дай Бог, вслух, он на самом деле добивается в своих произведениях —

Ну, может быть — варварской и непристойной, но именно ее, — Звездочетов.

А прочие …

Крещение

1983 (?)

При всем своем атеизме, А.С.Тер-Оганян крещен, причем крестился сам и добровольно, в начале 1980-х. В первую очередь, конечно, назло советской власти, которая этого очень не одобряла, а во-вторых — так было положено среди интеллигентов (см. Клуб «ЭТО»). Вот история, как это было, рассказанная им самим.

— Ну, пошли с Максом крестить детей (Макс — Белозор, а детей у Оганяна — двое) — так тогда было положено, ну, раз так, окрестились и сами.

Вышли из церкви, стоим — ну, нужно теперь как-то новую жизнь начать, не шутка ведь! Крещение!

Постояли, подумали, ничего не придумали, пошли в винный магазин, накупили портвейна и напились в сракотан.

Кубизм

Кулик, Олег

Осенью 1998 года Оганян был в Курске со своим «Передвижным музеем». Рассказывал курской культурной общественности о московском контемпорари арт, показывал слайды, показывал свой «Передвижной Музей».

— Ну, а вот еще есть у нас в Москве такой Кулик. Ща покажу! — и быстро разделся догола и с лаем бросился на публику.

Публика была чрезвычайно шокирована.

Но это неправильно.

Не так нужно было!

Нужно вот как: у Тер-Оганяна все в «Передвижном Музее» маленькое — ну тогда нужно чтобы и акции-перформансы изображались посредством маленьких человечков!

Кукол нужно сделать, как в «Спокойной ночи малыши!», которые надеваются на руку, и при помощи этих кукол изображать — Кулика— собаку, Бренера-забияку.

***

Вообще же, Кулик О. — самый успешный — добившийся успеха — из нынешних московских деятелей актуального искусства: он и на обложке «Флэш Арта», главного журнала по контемпорари арту; и на международную выставку в Нью-Йорк его везли голого, на цепи и в клетке — короче, оказывают ему знаки почтения.

Основное направление его деятельности — он изображает из себя собаку. Точнее, он изображает сумасшедшего, который воображает себя собакой.

Какой в этом художественный смысл?

Я думаю, это материализация стихотворения Маяковского «Вот так я сделался собакой»:

И когда, ощетинив в лицо усищи-веники,
толпа навалилась,
огромная,
злая,
я стал на четвереньки
и залаял:
Гав! гав! гав!

— Вот до чего довела жизнь человека! — таков я думаю, не очень богатый, но упорно проводимый в жизнь смысл деятельности О.Кулика. — И именно за упорство, с которой проводится, в первую очередь и ценимый.

Левый образ мысли

К которому Оганян перешел к концу 1990-х.

Ленин

Летов, Егор

— Этот твой Летов, он что — за коммунистов? — спрашивает меня Тер-Оганян А.С. в середине 1990-х.

— Ну, во-первых, Летов никак не мой, я с ним никогда не дружил, музыку его считал суррогатом, а политические его изыски, конечно, всячески презираю, — отвечаю я. — Но если пытаться пересказать его теории, почему он так, то он как бы всегда против всего: против любой существующей власти. При коммунистах он был против коммунистов, сейчас он против Ельцина.

— Против всех — это понятно, — отвечал Оганян. — Я сам против всех. Но почему при этом — за коммунистов?

Можно прибавить: спустя пару лет оганяново «Я и сам против всех» превратилось в его активность в создании Движения «Против Всех Партий», а с конца 1998-го, после «Юного Безбожника» так и вовсе в чуть ли не цветаевское

Одна — из всех — за всех — противу всех.

Об этом см. романтизм.

Лисовский, Всеволод

Стоят слева направо: В.Лисовский, А.Тер-Оганян, В.Кошляков. На переднем плане Г.Салаватова. Москва, Раушская набережная, 1989.

Лихтенстайн

Один из классиков поп-арта.

Перерисовывал комиксы и прочие картинки из журналов.

Один раз перерисовал Пикассо — собственно, газетную репродукцию с картины Пикассо.

Ну, а тогда Оганян перерисовал, как Лихтенстайн перерисовал.

Лужков, Юрий

К середине 1990-х — чуть ли не личный враг Тер-Оганяна А.С. — да и вообще всех московских авангардных художников.

Церетели расплодил!

Деньги крадет — и в Храм Христа Спасителя несет!

— А ты хочешь, чтобы он крал — и вам, авангардистам, нес? Так я буду против. Уж лучше пускай несет в Храм!

Оганян не нашелся, что на это ответить.

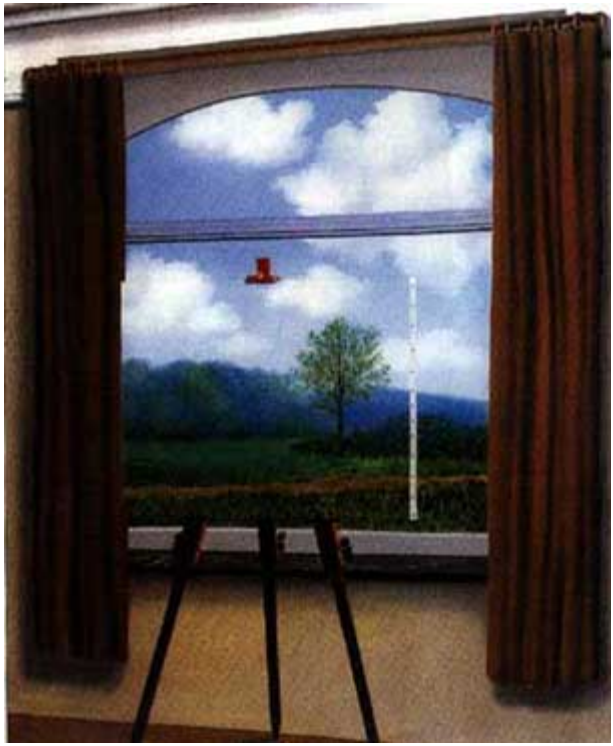
Лукьянов

И этот написал на Оганяна заявление в прокуратуру с требованием привлечь, наказать и т. д! Да-да, тот самый, при Горбачеве — председатель Верховного Совета СССР, а теперь один из заправил КПРФ.

Вот уж оплоты Православной Веры — Лужков, Лукьянов, Макашов, Илюхин…

Конечно, Оганяну, несомненным образом, именно бес нашептывал рубить иконы (ох, как он будет возмущен, читая это), но кликать одних бесов на борьбу с другими…

Магритт



А вот к нему Ог., как ни удивительно, положительно относится.

Ко всему сюрреализму в целом, и к Дали в частности и особенности — очень отрицательно (попсня!), а вот Магритт, по его мнению — совсем другое дело.

Хорошо было бы, конечно, изложить здесь, что же именно он находит в Магритте «совсем другого» — увы, это невозможно. Оганян было начал это излагать, но тут пришли люди, нас перебили, а потом стало уж совсем не до Магритта.

Май 1968

Не могу понять, что они все носятся с ним, как с писаной торбой?

В Америке все 1960-е дела происходили куда более радикальные и масштабные, и это длилось много лет, а не полмесяца. И столкновения с полицией, и многостотысячные митинги, и захваты университетов, и ЛСД, и контркультура, и коммуны, и рок, и всевозможное левачество, и вооруженные восстания (Лос-Анджелес, 1967), и хиппи, йиппи, везермены и проч. и проч. Парижский май — это, в сущности, не более чем провинциальное всему этому подражание, очень убогое и краткосрочное. Почему же именно он —?

Так я полагаю, камрад Осмоловский. И прошу разъяснить.

Малевич, Казимир

«Последняя футуристическая выставка, 1915, 1.0.»

Маркова, Марианна

Первая жена Тер-Оганяна, мать его детей.
Подробности см. в сообщении Болгария.

Масс-медиа

И вот: раньше были вопросы «художник и власть», «поэт и толпа», сейчас добавился еще один — «поэт и масс-медиа».

И вот: одна из точек зрения состоит в том, что нужно, необходимо поэту нынче становиться поп-звездой и торчать в телеэкране. И чтобы газеты желтой прессы сообщали сенсации из его жизни.

Западло, конечно, и противно — но так нужно…

В целях выживания и сохранения самоей поэзии как таковой, с целью ее самообороны. Чтобы обыватели поэта уважали, и, хотя стихов его не читали и не понимали, но знали: это крутота, не по нашему уму.

То есть, хочешь не хочешь, а жизнь заставляет и требует романтизма: культивировать образ поэта как героя, и причем героя — для толпы. Чтобы обыватель знал: те, которые поэты, это — особые существа, живущие особой жизнью, воспламеняемой Аполлоном, не нам чета.

Иначе поэзия потихоньку кончится: по причине отсутствия притока в нее свежих сил: никто не —, ибо никто не —.

То есть, тут простая на самом деле война с поп-культурой за умы: на уничтожение. Как Рима с варварами. Как наших с фашистами.

Или она — поп-культура — полностью все уничтожит и везде будет только Илья Резник и Влад Сташевский — или мы отобьемся, их оттесним, свое отстоим. И при этом так отстоим и так себя поставим, чтобы всем было очевидно: есть Царьград, который — цивилизация, культура, истинная вера, мощь, блеск, сияние и слава, — и есть жалкие варвары в шкурах, которым жить в Царьграде не дано, но можно пытаться ему подражать.

Или будет все так, что Царьграда больше нет, а есть позорный Истамбул, в котором дикие варвары дико жируют на пепелищах былого величия.

Так примерно рассуждал Тер-Оганян осенью 1997.

Порою я именно такой точки зрения придерживаюсь.

Массовая культура

Вот уж лет сорок авангардистское искусство занимается тем, что использует ее в качестве материала для своих манипуляций: поп-арт, соц-арт, «Мухоморы», теперь, например, Дубоссарский, Тимур Новиков.

Да и тот же Оганян: вся его деятельность — это же манипуляции с образом авангардистского художника, каким он исторически сложился в массовом сознании.

Интересно при этом, что сам Оганян удивительным и редкостным образом искренне и абсолютно равнодушен к этой самой массовой культуре в любых ее проявлениях — никогда не читает ни детективов, ни научной фантастики — скучно! и к поп-музыке, и к спорту (не знал, как ЦСКА расшифровывается, и с какой периодичностью чемпионаты мира по футболу проходят!).

Разве что блатная музыка — Шуфутинский, например, вызывает у него какие-то симпатии — да и то, не столько блатная, сколько всякая скорее цыганщина.

Да еще он, вроде, любитель фильмов о Джеймсе Бонде.

Например, про этих Оганян точно не знает кто такие.

***

И это — правильно.

В смысле — обращение к языкам и образам массовой культуры.

Потому что если все-таки пытаться выйти из сектантского кружка, в который превратилось контемпорари арт — собственно, и было всю свою историю, к людям, то нужно говорить на понятном людям языке. А такой нынче один — язык поп-культуры.

Если считать позволительным апеллировать к собственному опыту, то я этим — и именно после увещеваний Оганяна — и занимаюсь вовсю — и тогда-то и стал — уж скажу правду, как она есть — более-менее выдающийся поэт современности. А то был авангардист типа Парщикова, который —

Такие призывы я обращал к Тер-Оганяну А.С., и даже дарил ему книгу Хэммета, чтобы он прочел.

Но Ог. к этим призывам остался равнодушным. Преодолеть себя и заставить себя прочесть Хэммета он так и не сумел.

Например, про этих Оганян точно не знает, кто такие.

Международный Общественный комитет

защиты Авдея Тер-Оганьяна

Т. 345-59-13, e-mail: pravo@liter.net; http://www.pravo.liter.net

«Материальность искусства»

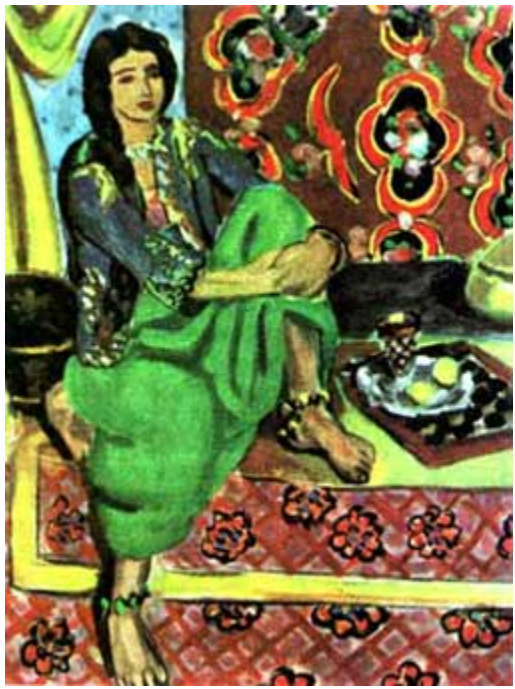
То есть способность произведения искусства быть просто вещью, имеющую, среди прочего, и некую потребительскую ценность — служить украшением интерьера, услаждать глаз, и проч. способность являться вещью, материальным объектом, который можно купить и продать, повесить на стену, поставить в углу и т. д.

Так вот: се есть то, с чем мировой авангард борется уж лет 50, все больше и больше стремясь к тому, чтобы его произведения никак и не при каких условиях не могли иметь какой-либо потребительской ценности: не могли являться вещью, которую можно купить и продать, и даже выставить в музее: «10 гектаров земли, выкрашенные синей краской» Клайна, например. Мертвый заяц, покрытый медом и завернутый в войлок, Бойса. Акции и перформансы вместо картин и скульптур. И т. д.

В русле той же логики развивалось и творчество Тер-Оганяна А.С., который с середины 1990-х окончательно отказывается от написания картин и создания хоть каких-либо «материальных» произведений, а становится чистым акционистом.

Также см. концептуализм, формализм.

Матисс, Анри



Одалистка

Примерно в 1988 году я Тер-Оганяна А.С. и спрашиваю:

— Ну, а вот ежели на самом деле, как оно есть, то — кто лучше художник, ты или Матисс?

— Конечно, Матисс, — не раздумывая ответил О. — тут и сравнивать смешно!

Я был весьма поражен такой скромностью. Спроси меня в те времена, кто лучше поэт, я или Пастернак, я бы, конечно, признал бы, что Пастернак, но добавил бы — «пока». А вот со временем, дескать, я окончательно развернусь, и вот тогда-то …

Ментальность русская и западная

1997, зима

Среди подруг Т. после Людки была, например, одна немка по имени Катя. Вот он ей звонит, пребывая с похмелья:

— Приходи скорей, купи по дороге зажигалку и две бутылки вина.

Та приносит бутылку вина и две зажигалки:

— Ты сказал, чего-то две и чего-то одну, я и …

— Ну подумала бы, зачем мне две зажигалки?

— А зачем тебе две бутылки?

Такова разница русской и западной ментальности, и она свое взяла, и постепенно Оганян с немкой все-таки вынужден был расстаться.

Мертвецы

Середина декабря 1996, на Бауманской у Ог. сидят Осмоловский с Мавромати и обсуждают как встретить новый, 1997-й год, так, чтобы — ух! Мавромати предлагает:

— Вот! Я придумал! У меня есть знакомый в морге, у него можно на одну ночь мертвецов взять! С мертвецами встретим новый год!

Оганяна отнюдь не привлекает перспектива встречать новый год с мертвецами. Но и сказать, что на фиг нужно, он не решается — друзья-авангардисты не поймут! И он начинает выкручиваться:

— Ну, ты же хороших мертвецов не достанешь! Если бы хороших достал, тогда бы, конечно… Но ты же плохоньких каких-нибудь достанешь …

Милиционеры

К лету 1999 дела Т. были совсем весьма не очень хороши.

После безобразия, учиненного им с иконами — см. «Юный безбожник», его стали активно сажать в тюрьму (см.) — по настоящему, не просто только попугать. При этом общественность, на поддержку которой ему только и оставалось уповать, как раз его нисколько не поддержала. Даже писаки-журналюги. Даже свои же художники. Даже те из них, которые сами принадлежат к числу личностей атеистического образа мыслей, и те Оганяна осуждали за чрезмерный радикализм и безобразие.

Оганян, такой реакции не ожидавший, сильно ругался. Я ему придумал:

— Ты бы лучше против милиционеров выставку сделал! Сделай резинового милиционера в два метра высотой, ужасного и гориллоподобного, выстави его в Манеже, и — еби его в сраку! И — предлагай всем желающим его ебать! Также понаставь гробов для ментов, хороших и плохих, по анекдоту*: повесь лозунги СЛОН (Смерть Легавым От Ножа), ПЛЕН (Пиздец Легавым, Ебаным Начальникам). ЗЛО (За все Легавым Отомщу), ГЛОБУС (Гадам Легавым Отомщу, Блядь Убью, Сука!); нарисуй и повесь плакаты, по образцу военных; девочка бросается к папе в ужасе от звериного оскала звериной личности и надпись: «Папа, убей

мента!»; развесь по стенам еще вырезки газет о злодеяниях ментов. И вот тебе все и будет чего ты хочешь: и — скандал, и — возмущение начальства (и, кстати, возмущение его посильнее будет, чем что ты попов обижал), и — общественность тебя как раз тогда вся поддержит.

— Да только ты забздишь, — говорил я ему. — Попов-то легко обижать, они христиане. А вот милицонеры-то тебе сразу за это —, тут же, не отходя от кассы!

— Забздеть-то я не забздю, — отвечает Оганян. — Да что менты? Про ментов и так всем все понятно: менты — козлы. А вот про попов — непонятно людям. Вот я им и объясняю.

За это все Оганян перестал тырить мне бумагу. Раньше он ее тырил для меня в офисе фирмы, контору которой сторожил, ради денег работая в ней сторожем — см. сторожба, — теперь перестал. Точней сказать, тырить-то тырил, но ровно в таких количествах. чтобы я распечатал порцию своих сочинений — для него одного.

— А в Тюмень свою сраную посылать — пускай для этого тебе твои тюменские православные бумагу присылают! Да только хуй они тебе что пришлют! — говорил возмущенный Оганян.

И, кстати, насчет что хуй пришлют, — истинную правду.

— А и более, — добавлял он. — На самом-то деле они, православные твои, они сначала меня посадят, а там и до тебя очередь дойдет: стихи матерные пишешь? в церковь не каждый день ходишь? в очках, в шляпе, да притом и картавишь? Ну так сам понимаешь — иди сюда, мой белый хлеб! Джордано Бруно — сожгли? Галилея отречься — заставили? Меня в тюрьму — сажают? Ну так и до тебя доберутся, если им не дать вовремя окорот!

***

Некоторые не знают, о каком анекдоте идет выше речь. Сообщаю его: поймал мужик золотую рыбку.

— Отпусти мня старче, исполню твое главное желание!

— Главное? Ну тогда пусть сейчас по реке менты в гробах поплывут!

— Как? Ведь бывают же и хорошие менты?

— Хорошие менты — пусть в хороших гробах плывут!

«Милосердие»

осень, 1991 Трехпрудная галерея

Экспонат выставки «Милосердие»

«Море водки»

1991, поздняя осень, галерея в Трехпрудном

Совместное произведение А.С.Тер-Оганяна и В.Кошлякова.

Кошляков нарисовал море а-ля Айвазовский, Оганян поставил очень большой стол, как на свадьбе, и весь, от края до края вдоль и поперек уставил рюмками с водкой. Пришедшие на выставку эту водку пили, потом глядели на море и чувствовали, что девятый вал, действительно, страшная вещь — несет тебя, как щепку утлую.

Рюмки Оганян брал напрокат — была такая служба, которая давала напрокат принадлежности для банкетов, в том числе и рюмки.

— А если что-нибудь разобьется? — на всякий случай спросил Авдюша.

— Ничего страшного, дело житейское. Определенный процент боя предусмотрен заранее и входит в стоимость проката. Только принесите ножки — они нам нужны для отчетности.

После выставки Оганян приходит в прокат с мешком, сдавать рюмки.

— Только немножко побилось.

— Ножки принесли?

Ножки Авдей принес. Целый мешок ножек: одни только ножки, потому что побились рюмки — все.

В прокате были очень удивлены.

— Такого еще ни разу не было. — сказали они. — Понятно, банкет, пьянка, но чтобы все побились, чтобы ни единой целой не осталось — такого еще не бывало.

Москва

Фото В.Кошлякова

1988, октябрь: ростовское-на-дону товарищество независимых художников «Искусство или Смерть» всем табором одномоментно решается сняться с места и отправляется в нее, Москву, столицу нашей родины, с целью получения своей порции славы и денег за талант и душевный жар: Тер-Оганян А.С., Кошляков В., Тимофеев С., Слепченко В., Константинов Н., Палайчев Ю., Шабельников Ю., Немиров М., автор этих строк.

Собрали картины, написанные за много лет предыдущей жизни (в том числе и здоровенные, 3 на 2 метра, и не на холсте, на оргалите, — не свернешь и не согнешь!) и поехали неизвестно, в общем, куда: как-нибудь пробьемся!

На первое время сложили их у знакомой девушки Юли Глезаровой, загромоздив ими половину ее квартиры, и стали искать как, где, куда все это пристроить. Где жить, как зарабатывать на жизнь, где и как — самое главное — познакомиться с московскими деятелями авангардного искусства и вписаться в эту московскую художественную жизнь.

И, потихоньку-полегоньку, —

Подробности см. в сообщ. «Гуманитарный фонд», Капакооператор, Речной вокзал, Раушская набережная, Салаватова Г., «Юность», и др.

Правда, часть участников товарищества, не выдержав тягот первого периода жизни в чужом городе без угла и двора, денег и

приюта, отсеялась и вернулась назад в Ростов-на-Дону, но остальные —

Мясо кита

Поп-звезд принято расспрашивать об их кулинарных пристрастиях. Если предположить, что А.С.Тер-Оганян нынче является чем-то типа поп-звезды, то об его особенностях по части еды нужно сообщить следующее: он не ест рыбы и вообще любых «даров моря». Пьем пиво — приносят воблу — Оганян морщится.

Ладно воблу — приносят раков! — нет, брезгует.

— А вот икру черную, например, — спросил я его эксперимента ради. — Икорочки, а?

— Фу! — ответил Оганян.

***

Один раз, зимой 1990-го года, проживая на Речном Вокзале, сообщает Салаватова Г., есть уж очень сильно хотелось — а из всей еды обнаружились припрятанные консервы «Мясо кита».

— Ведь кит же — млекопитающее, это же не рыба, животное! — убеждали О.

Есть так хотелось, что он вроде бы и собрался.

Но понюхал — и не стал:

— В воде живет!

«Не фонтан»

5 декабря 1991, Трехпрудная галерея

Она пуста. Единственное, что здесь есть — к стене привинчен писсуар. В нем журчит вода, — он не просто так привинчен, для красоты, он именно подключен к канализационной системе. Он действует. Над ним табличка: «Тер-Оганян А.С., «Не фонтан». Ибо это и есть произведение указанного Т., оно так и называется: «Не фонтан».

Смысл его: М.Дюшан в 1919 (кажется году) произвел революцию в авангардистском искусстве выставив писсуар под названием «Фонтан». Эта революция состояла в том, что он показал: можно ничего и не рисовать и не лепить, и не изготовлять, в общем, своими руками. Можно брать существующие уже готовые вещи «реди мейд» ы — и, никак их не преобразовывая и не обрабатывая, в абсолютно таком же виде, как они есть, помещать их в выставочную (галерейную, музейную) среду.

И в результате этой операции переноса, этого изменения контекста, они, эти вещи прежде никакого отношения к искусству не имевшие, теперь это отношение приобретают: автоматически становятся произведением искусства: приобретают новые значения и смыслы, коннотации, и начинают являть нечто новое, иное, по сравнению с тем, что они являют из себя в свой обычной утилитарной функции. Тот же писсуар, или дюшановская же «Сушилка для бутылок», становящаяся вдруг весьма зловещим объектом; и т. д.

С Дюшана, в общем, и можно отсчитывать начало «концептуального искусства», искусства, оперирующего прежде

всего со смыслами, а не с формами. Искусство, один из главных принципов которого — не нужно ничего изображать, рисовать, красить, лепить, достаточно увидеть нечто — и показать другим, чтобы те тоже увидели.

И вот: Оганян произвел обратную операцию. Взял предмет из музея — дюшановский «Фонтан» — и перенес его в бытовую среду.

Вернул обратно.

Поместил его снова в сортир: не фонтан это! Писсуар! В него нужно ссать! (Более того: для пущей функциональности выставленного писсуара, пришедших на выставку специально поили не чем-нибудь, а именно пивом, а дверь в галерейный сортир была специально заколочена, — то есть, волей-неволей, люди вынуждены были использовать писсуар по его назначению). То есть, это была еще одна из акций Оганяна в его деятельности по развенчанию авангардизма, его норм и правил, догм и ценностей.

***

Я ему потом говорил:

— Вообще-то, можно было бы это сделать и еще радикальней: просто пойти в настоящий публичный туалет — привокзальный, например, да рядом с писсуаром приклеить бумажечку: «не фонтан».

— Ну, это уже был бы чистый концептуализм, — сказал Оганян. — А у меня все-таки материальный объект, сделанный руками.

Немиров, Мирослав

Автор этих строк. Поздней осенью 1987 года я обитаю в Ростове-на-Дону и, являясь деятелем ростовской рок-лаборатории, занимаюсь организацией грандиозного всесоюзного фестиваля панк-рок-музыки в ростовском ДК «Химик».

Где-то числа 11 декабря в рок-лабораторию (она тогда располагалась в театре им. Горького — огромном идиотском стеклянно-бетонном здании в форме — трактора: образец конструктивизма двадцатых годов) приходит неизвестный молодой человек кавказской наружности, являющийся худым, небритым так, что щетина начинается прямо от глаз, лицом черным, как обугленным, и глазами большой величины, которые пылают черным огнем безумия. Потирая руки, и переминаясь с ноги на ногу, подобно коньку-горбунку, он сообщает:

— Так и так, — говорит он. — Я художник, меня зовут Авдей Тер-Оганян. Я хочу оформить ваш рок-фестиваль. — Вообще-то, — говорит он, — я к вашему року безразличен. Я люблю джаз, а рок — это, по-моему, слишком уж скучно и однообразно. Но помочь вам — помогу: почему бы не помочь хорошим людям? Работать буду бесплатно, но мне нужны материалы.

Я в ростовской рок-лаборатории выполнял функции администратора, и был деловой настолько, что аж сам себе удивлялся. Записную книжку имел! — этакий гроссбух, «ежедневник», в котором на неделю вперед по часам было расписано, куда идти, кого найти, с кем договориться, кому про что не забыть напомнить. И я достал этот свой гроссбух, и ручку, и стал глядеть на Авдея суровым взглядом, сев этак нога на ногу, так, что аж самому смешно стало

— Ну?

— Ну, — смущается тот, — ткань. Знаешь, есть такая бязь, белая, дешевая, рубля полтора метр. Правда в магазинах ее обычно нет, так что придется договариваться со швейной фабрикой…

— Сколько?

— Ну, сколько сможете достать. Чем больше, тем лучше. Хотя бы… Ну, хотя бы метров шестьсот.

— Сколько? — мне показалось, что я ослышался.

— Хотя бы метров шестьсот, — подтвердил Авдей и посмотрел на меня простодушным взглядом дикого горца. — Это как минимум. А иначе ничего не выйдет. Вам ведь не КВН нужен?

Я спросил электрика Петрова:

Ты зачем надел на шею провод?

Ничего Петров не отвечал,

Только ветер посиневший труп его качал, —

вспомнилось мне народное стихотворение, сочиненное Олегом Григорьевым. Я поступил как этот электрик Петров: ничего не ответил, а только покачал головой и принялся писать дальше.

— Хорошо и цветную, — продолжал Авдей. — Синюю, желтую, красную, черную, — только однотонную, метров по 200 каждого цвета. Еще, конечно, краска: анилин — обязательно, тушь, гуашь, нитрокраску, водоэмульсионку — тоже не помешает. Всех цветов, какие найдете, но лучше чистых, ярких — синий, красный, желтый, оранжевый. Литров по пятнадцать каждого цвета. Белила — литров 30. Клей. Пылесос с насадкой, а лучше — штуки три — я ведь работать не один буду. Картон. Фанеру. Знаешь, бывают такие листы, метра три на полтора — вот штук пятнадцать. Людей для подсобных работ — таскать, кроить, клеить, красить, пилить, прибивать, за сигаретами бегать — человек пятнадцать на три дня.

Я уже ничего не говорил, только смотрел, стремясь при этом, чтобы взгляд мой выражал то, что словесно можно было бы обозначить как «ну-ну».

Авдей этого замечать не желал.

— Да! — продолжал он, — еще нужно будет договориться с табачной фабрикой (или с кондитерской, или со швейной), чтоб набрать у них всякие обрезки бумаги, отходы, картонные ящики пустые, железяки всяческие — но только нужно, чтобы много. Грузовиков шесть.

— Да мусор-то зачем? — наконец не выдержал я.

— Как? — изумился Авдей. — Как «зачем»? Ведь у вас же рок! А рок — это же скандал, изначально, по определению, иначе на фи он вообще нужен? Ну и представь: приходят люди на концерт в ДК, а там лестницы мраморные, диваны кожаные, хрустальные люстры, все блестит и сверкает, чистота и стерильность как в хорошем заграничном сортире. Ну и результат: все сразу сжимаются, надувают важно щеки и заняты теперь только одним: изо всех сил стараются не дай бог не показать другим таким же несчастным, что они недостаточно знают правила этикета и благопристойности. Походят так важно по фойе, потом идут в зал, там чинно сидят, интеллигентно хлопают, потихоньку зевают… Вы разве этого хотите? Нет? Значит, нужно слегка испортить помещение, разрушить его благопристойность. Завалить, например горами мусора — так, чтобы народ ходил по колено в бумажках, обрывках и т. д. Это будет сразу выбивать из привычной колеи. К тому же это и чисто пластически очень

интересно будет смотреться: пришли всякие девчонки, нарядные, умытые, с глазками, с прическами, на шпильках — и лазят по горам мусора, завалом битой арматуры, бродят меж куч битых ящиков. А?

Как было не полюбить такого человека?

И я его полюбил, и мы мгновенно сделались дружбанами не разлей вода, и до сих пор пребываем ими, хотя имеем совершенно разные воззрения на искусство и его цели и задачи, и на политическое состояние мира и России в частности, и противоположны религиозны, и вообще.

Хотя ничего из вышеперечисленного я ему не только не предоставил, но даже и не пытался, да и фестиваля никакого не вышло: городскими властями за вот одно только обсуждение такого вот рода предложений и намерений он был, само собой, пресечен в зародыше, не начавшись.

Непонятность

Один из главных пороков его, контемпорари арт. Необходимость каждого произведения сопровождать комментарием, разъясняющим, что это такое и зачем. Ибо без этого комментария человек, забредший на выставку актуального искусства, или прочитавшей об очередной акции в газете — он приходит к выводу, что его просто дурят, выдавая за произведения искусства всякую бессмысленную фигню. И относится к ее авторам — соответственно.

А тем более, они сами, авангардистские авторы, объяснять своих произведений не желают — «и так все очевидно, что там объяснять!», а их критики, которые, вроде бы, должны этим заниматься, тоже ничего не объясняют, а только без конца твердят фамилии Дюшан, Делез, Фуко, Лиотар и проч., а если уж возьмутся объяснять, то на таком диком жаргоне, что —.

Вот я, раз так, и взялся перевести все это на обыкновенный русский язык, понятный любому читателю, например, журнала «Итоги». Чтобы всякий интеллигентный человек относился к указанным произведениям если и без восторга, что его право, но хотя бы понимал, в чем там их суть, и что, собственно, их авторы, это производя, желают сказать.

То есть, выступил в роли скромного популяризатора.

***

Кстати.

Читая выше— и нижеприведенные рассуждения меня о смысле и значении разных и разнообразных произведений новейшего авангардистского искусства, читатель может прийти к выводу, что я, автор, являюсь личностью просто удивительно как сильно понимающим современное искусство, не голова, а дом советов.

Это не так.

Все, выше и ниже написанное, по большей части не сам автор понял своей головой, а, регулярно общаясь с нижеописанными деятелями новейшего искусства, они ему это объяснили.

И ничего нового и оригинального во всех этих рассуждениях нет, все это является для них, этих деятелей, очевидным и банальным, и они даже автора корят за то, что он это пишет: к чему? и так все ясно!

И более того: тот же Оганян, когда это прочитает, я подозреваю, будет очень сильно недоволен:

— Половина — очевидные банальности, другая половина — ерунда и чушь, свидетельствующие, что я ничего-то на самом деле, в контемпорари арте и не понимаю, — вполне возможно, так охарактеризует мое сочинение и сам Оганян и прочие деятели актуального искусства.

А я отвечу: так это как раз в ваш огород камень!

Если уж я, человек, который более десяти лет теснейшим образом общался с этими деятелями контемпорари арт, и на выставки ходил, и книги читал, — и то, оказывается, ничего не понял, так чего вы хотите от простого человека с улицы?

Так-то.

«Низвержение кумиров»

1998

Оно же «Вон из искусства», оно же «Смерть гандонам от искусства!» Еще один Оганянов художественный проект в рамках его «Школы авангардизма».

Еще одна пародия на классический авангард.

Ибо, конечно, что ж за авангардист тот, кто не сбрасывает классиков с пароходов современности!

И так и сделали: приводили к Оганяну «классиков» современного московского авангардизма — Пригова, Кулика, Звездочетова и проч. и проч. — и оганяновы юноши из «Школы авангардизма» этих классиков обличали.

В чем?

Да во всем том, в чем обычно обличают деятели «нового поколения», деятелей старого поколения: вы — старые козлы (а мы — молодые удальцы), вы — продажные сволота (а мы — совсем наоборот), и т. д. А обличаемый должен был сидеть на стуле и эти обличения выслушать — таков уговор. А Оганян снимал этот процесс обличения на видео, пока не набралось обличений на целый фильм — и фильм показал.

Смешней всего получилось со Звездочетовым.

Он пришел на это судилище пьяный в жопу, и в ответ на речи юнцов только хохотал, бормотал, нес пьяный бред и падал со стула, так что тем в конце концов осталось только развести руками: ты победил!

— Да что Кулик, — например, отвечал Звездочетов на одну из инвектив юного поколения, в одном ряду старых пердунов объединявших Кулика, Звездочетова, Врубеля. — Говорит, он собак ебет. Брехня все это! Я, на него насмотревшись, решил кота выебать — так подстраивался, этак — не получается!

Юноши ответить на это не нашлись.

То еще смешно — это осталось за кадром — что все эти обвинения-обличения («старый козел», «продажная сволочь») — «голос нового поколения» — сам Оганян — да призываемые им на помощь другие люди, например, автор эти строк — и придумывал. Сами оганяновы юноши такого и подумать-то об авангардистских метрах не решались, не то, что высказать это все им в лицо, пусть и понарошке.

Низкопоклонство перед Заграницей

Ах вы родинопродавцы,
Ах же вы модерниства!
Жопозадолларорванцы,
Как же блядь не стыдно вам?
И бегите вы галопом
Друг друга расталкивать,
Заграничной толстой жопы,
Чтоб кто первее полизать —
Больше тот жевачки получать.
Но народное терпенье
Уж исчерпано почти,
И чрез некоторое время
Ох, чую, будут вас мочить!
Но из нравственных съображений
Вынужден я призывать
Проявить еще смиренья
И сих козлов не замочать,
А только на хуй презирать!

Такое писал автор этих строк в 1990-м году, когда Тер-Оганян, Кошляков и пр., на волне горбимании на Западе стали вести чрезвычайно активную международную жизнь, ориентированную исключительно на Нью-Йорк и Амстердам, а на Урюпинск и Уренгой — ни капли нет. Автор этих строк их за это осуждал, убеждая в стихотворной форме держаться корней.

Они к советам моим не прислушались, и смотрели, увы, как и все вообще советское контемпорари арт еще с 1970-х годов, исключительно по карте налево. Кончилось это печально: горбимания закончилась, мода на рашен авангард на западе увяла, а внутри самоей России, было время, нужно было создавать структуры, разъяснять людям свое искусство — да деятели контемпорари арт не находили это нужным: кто очень сильно хочет, тот разберется, а кто не хочет очень сильно — ну и хрен с ним. У нас и без него ценителей — да каких! из самоего «Флэш Арта»! сколько угодно.

И вот результат: пребывают они в состоянии полной жопы и отсутствия «востребованности», ибо не нужны теперь ни на западе, ни здесь.

Ладно — не покупают, можно пережить (всю жизнь, собственно так и жили), но и — не интересно никому это все — абсолютно! Потому что, придя на выставку, и не зная контекста, и

не имея внятного комментария, люди — кроме профессионально погруженных в контемпорари арт, которых 250 человек на всю Россию — считают, что над ними просто насмехаются.

А было время, люди хотели контемпорари арт понимать, советская интеллигенция, начиная с 1960-х годов, чрезвычайно с почтением относилась к титулу «художник-авангардист».

Да — см. выше

Вот и —

Николай II

— Да из-за чего вся шумиха? — недоумевал А.С.Тер-Оганян по поводу всего, происходившего летом 1998 связанного с захоронением останков Романовых. — Риск быть убитым — революционерами ли, своими же царедворцами-заговорщиками, — профессиональный риск профессии царя! Хочешь по-царски жировать? Принимай на себя и связанные с этим риски!

— Так ведь не одного царя убили. А жена?

— Не фиг за царей замуж выходить!

— А доктор, прислуга?

— Не фиг царям прислуживать!

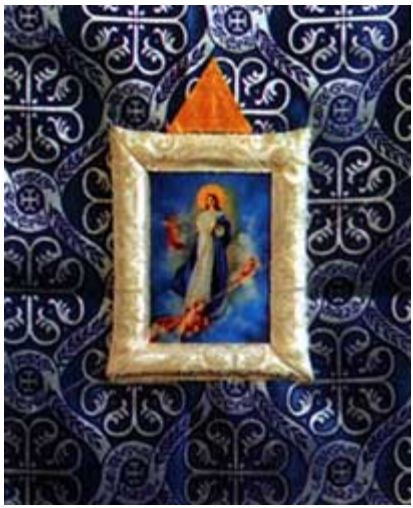
— Ну, хорошо, а дети?

Задумался.

Но нашел ответ:

— А не фиг от царей рождаться!

Новиков, Тимур



«Неонакадемия»

осень 1991, Трехпрудная галерея

Обломов и его диван

Главным искусством в России всегда была литература, это общеизвестно.

Во-вторых, литература была — да и есть — единственное из искусств, в котором она, Россия, добилась неоспоримых всемирных успехов. А не — живопись, не театр, не кино, и не что-либо еще. (За, конечно, отдельными исключениями, которые не в счет).

Дальнейшее есть соображения автора о том, почему так было всегда, и, более того, всегда так будет.

1.

А.С. Тер-Оганян зовет автора этих строк:

— Пойдем на Бойса! В Музей Пушкина выставку Бойса (классик современного международного авангардизма) привезли, сегодня открытие.

— Нет. Не хочу пьянствовать.

— Да там и не наливают.

— Тем более, чего туда идти?!

Подумав, Тер-Оганян согласился с автором этих строк. Ибо так и есть. Переться через весь город — чтобы посмотреть 15 минут, а потом через весь город переться назад? Да я лучше, на диване лежа, книжку почитаю! Альбом того же Бойса посмотрю! В тепле, комфорте, и получив в итоге в свою голову куда больше килобайтов полезной и увлекательной информации, чем если бы —

И что? И то: исходя из вышесказанного, автор этих строк вот уже фиг знает сколько лет не посещал никаких общественных мероприятий типа выставок, концертов и т. п. И, судя по поведению приятелей автора этих строк, между прочим, сплошь деятелей авангардистского искусства, и достаточно известных в этой среде — никто никуда не ходит. (Кроме, конечно, профессиональных тусовщиков, о которых речь не идет). Это-то вот и есть причина того, что главным и процветавшим в России искусством была всегда литература — а остальные вовсе нет.

Ибо если русский человек и решает посвятить свою жизнь искусству — то все равно именно тому, которым можно заниматься не отходя от дивана далеко: и его производить — и его потреблять. Литература и является единственным таким искусством. На диване лежа ее читают, на диване лежа ее и пишут.

2.

Были, впрочем, периоды процветания в России и иных искусств, например, барды 1960-х, или московский концептуализм в живописи в 1970-е, или ленинградский рок 1980-х. Сейчас будет показано, что эти примеры не опровергают, а, напротив, еще более подкрепляют излагаемую концепцию.

Ибо все эти искусства были именно те, которое делались в районе 5 метров от дивана.

Рассмотрим для примера московский концептуализм, — как это было.

Было это так, что художник в мастерской по бедности прямо и жил (или, наоборот, свое жилище превращал сразу и в мастерскую). Не отходя далеко от дивана он и создавал свои произведения, поэтому и создавал их — много. Не отходя от дивана он и демонстрировал их: к нему приходили друзья-художники выпить водки (единственное, за чем русский человек готов переться хрен знает куда), а заодно они и смотрели новоизготовленное, и обсуждали, и советовали, и —.

Не отходя от дивана, в сущности, знакомился тогдашний концептуалист и с творчеством коллег! Ибо западное искусство потреблял в виде альбомов, тоже лежа на диване, а с новинками своих московских коллег — да шел к ним выпить водки, заодно и смотрел. Причем шел не просто на десять минут, посмотреть, да и домой, он шел в гости можно считать все как бы с тем же своим диваном: он шел на трое суток в гости, там, у коллеги, пить водку, ночевать, просыпаться, опохмеляться, пить снова, то есть он шел на диване коллеги некоторое время — жить. И пока так было — в 1970-е и 1980-е, московское контемпорари арт процветало, художественная жизнь кипела и бурлила, обмен идеями происходил и взаимно всех оплодотворял, и в унылой и вялой советской жизни жизнь концептуалистов была оазис и фонтан вдохновения. Последние в списке Фурманный переулок 1987 — 91 и Трехпрудный 1991-93 гг.

А как стали пытаться придать всему западные формы, чтобы художник живет дома у себя, в мастерскую ездит, как на работу, выставляет картины и обсуждает их в специально отведенных для этого местах под названием «галерея» — все развалилось мгновенно, и никакой художественной жизни в Москве больше просто нет: выставки-то проходят, но все деятели искусств (кроме, конечно, жуликов — халтурщиков) пребывают в унынии и упадке: никто ни с кем не общается и не дружит, не опыляет товарищей перекрестным образом идеями и концепциями, и все увядает, и засыхает, и топчется на месте, и не является уже интересным ни общественности, ни самим творцам искусств.

3.

Другой пример: рок начала 1980-х — «Зоопарк», «Аквариум», «Центр», «Кино» и проч. и проч. То же самое было! На дому сочиняли, на дому репетировали, на дому исполняли новые сочинения перед коллегами да интересующимися поклонниками, в залах выступая в среднем два раза в год. На дому воспринимали чужое искусство. На дому записывали свое. И — отлично получалось. И — вызывало, кстати, массовый восторг, расходясь по стране в виде полуподпольных записей — и огромными тиражами.

А как попытались это все перевести на общепринятые в мире рельсы, со студиями звукозаписи, менеджерами, продюсерами, гастролями, концертами на стадионах, как то есть, оторвали рокеров от дивана — за пять лет весь этот рок выродился в скучную тягомотину, никому, кроме пятнадцатилетних подростков, не интересной, в том числе и самим рокерам, тянущим эту лямку исключительно ради денег.

(Да и подросткам не интересный: те из них, кто еще ходит на концерты, им не рок как таковой интересен, а возможность публично пребывать в пьяном виде и побуянить среди своих).

4.

Про бардов, которые были хороши, пока пели на кухне, и говорить нечего.

5.

Еще русская академическая музыка, от Чайковского до Шнитке, говорят мне, имеет мировое значение.

Так это же — еще одно подкрепление моих рассуждений!

Рояль-то — стоит у композитора на дому, он встает с утра, ходит по комнате туда-сюда, лежит на диване, потом, когда бока начинают болеть, для разнообразия подходит к роялю, начинает тыкать в его клавиши. Глядь — и вышло «Лебединое озеро» или «Сказание о Граде Китеже».

А будь ему необходимо с утра проснуться, быстро умыться, сесть в машину и ехать на другой конец города в студию, чтобы там, в ней заниматься этим — никакого «Лебединого озера» бы не было, а была бы одна та халтура, которая и звучит нынче по телевизору. Ибо к таким подвигам в России склонны одни только наглые и бесталанные ловкачи от искусства, а не проникновенные вдумчивые творцы.

6.

И что? И то: у меня есть для вас отличная новость!

В ближайшее время час русского человека пробьет и русское искусство будет самым главным в мире!

Почему? Да потому что главным мировым искусством нынче очевидным образом становится мультимедийный Интернет, который есть синтез всех искусств сразу, и при этом — осуществляемый тут же, на дому, не вставая с дивана!

Поэтому, когда компьютеры и модемы действительно войдут в русский быт, так быть России на самом пике и гребне этого компьютерно — мультимедийного, изготовляемого на дому искусства — как она была в 19 веке на гребне и вершине мировой литературы. Ибо именно на творчестве лежа на диване мы собаку съели и всем американцам дадим сто миллионов очков форы.

Так я полагаю, и даже в этом почти уверен; 14 октября 1998, 23.27.

Я эту статью, собственно, писал для газеты «Сегодня» в надежде ее опубликованием прославиться и обогатиться: в центральной газете напечатали! Но — не напечатали: извини, старик, сказали мне, больше мы эссе не печатаем.

Тогда я принес ее Оганяну — просто почитать, но и он ее осудил: во-первых очевидно и банально, во-вторых — неправильно.

Ну, насчет неправильно, это вопрос дискуссионный и личное дело каждого, а насчет «банально» — я был удивлен. Мне казалось, вовсе не банально. Мне казалось, я обнаружил истину, еще прежде никем не обнаруженную! да и люди, да и в той же «Сегодня», мне так и говорили: отлично, старик, и все правильно, и очень верно ты подметил, но — не подходит. А тут — банально!

Но потом я понял: банально и общеочевидно — ему, потому что он от меня в частных беседах подобные суждения слышал уже раз сорок.

А так, для свежего человека, мне кажется, нисколько не банально.

А также, мне кажется, чрезвычайно верно.

Почему и публикую.

Объект

Георг Грос и Джон Хатрвилд. «Обезумевший обыватель», 1920.

Один из ранних образцов того, для обозначения чего нынче используется термин «объект».

Оккультизм

К.Малевич. «Супрематизм», 1916 г.

«… и все более с изумлением я обнаруживаю и убеждаюсь, что главным содержанием и идейной базой классического авангардизма первой половины XX века, от раннего символизма до обериутов являлся — оккультизм всех видов.

Вот, например, Малевич: это есть, я почти полностью уверен, совершенно именно так.

То есть, это картины, серьезно делавшиеся исходя из серьезного убеждения, что если правильным образом расположить некоторое количество правильным образом выкрашенных треугольников, кругов и квадратов, звезды сорвутся с мест, планеты изменят орбиты, космические энергии начнут бить фонтаном, астральные потоки потекут из неправильной стороны в правильную, люди обретут способность к левитации и телепатии, и скорость света станет не 300 000 км/сек, а какое-нибудь иное число. Ибо все в мире взаимосвязано со всем, а в основе всего лежат элементарные геометрические фигуры, этому еще Пифагор учил. Короче, весь этот супрематизм — это есть ни что иное, как самая обыкновенная практическая магии.

2. Но, кстати, не знаю, как на астральные потоки и космические вибрации, но на глаза людей изготовленные

Малевичем сочетания кругов и треугольников действительно действуют: элементарные цвета в них действительно столь точно сопоставлены и соотнесены, что глаз того, кто на них его обратит, бывает сразу поражен, изумлен и ошеломлен. Это есть правда, которую глупо отрицать.

3. И — опять же кстати — то, что такими сильными и убедительными у него эти его «супрематоны» получались — это именно, я полагаю, в значительной степени по причине как раз оккультно-магических устремлений. Потому что — а как же собственно определить, правильно ли расположены эти круги-треугольники, сошли ли с мест светила, поменяли ли знаки стихии и энергии? Как, передвигая эти элементарные формы по холсту, определить, что вот, сейчас они встали точно по своим местам, и начало свершаться? Вот, одним из косвенных признаков этого и является эстетический: если действует на глаза — то, вероятно, подействует и на —"

Такоке рассуждение я один раз написал и среди прочих своих сочинений принес Тер-Оганяну А.С. прочесть.

Оганян очень рассердился:

— Ерунда и бред!

Потом, под давлением фактов — трактаты самого Малевича, теософия Мондриана и проч. и проч. стал признавать: да, было.

— Но это — тогда! А сейчас — совсем другое! Например, поэзия исторически тоже происходит от какого-нибудь шаманизма: стихи первоначально, у диких людей, писались как заклинания. Но это же не значит, что вся теперешняя поэзия имеет идейной основой шаманизм! — отвечал Тер-Оганян А.С.

Олигархи Российские

Сильно на них сердиты Оганян с Осмоловским — за то, что они не увлекаются контемпорари артом. Не покупают произведений актуального искусства, не финансируют выставок, не дают денег на журналы и музеи оного — ну, и самим художникам.

— Думаешь, западные банкиры сильно всем этим увлекаются?

— Западные-то, конечно, тоже не увлекаются, и, конечно, такие же на самом деле дураки, как наши, но их заставили делать вид, что увлекаются! И нам нужно так же: не хотите добром — заставим!

Опохмелятор

1997, зима

Я прихожу к Авдею, он на меня смотрит:

— Ты что, с похмелья?

— Ну.

— О! Я тебя сейчас опохмелю! У меня есть отличное средство! — и лезет в шкаф и достает двухлитровую пластиковую бутыль из под кока-колы, заполненную какой-то мутной жидкостью.

— Что это?

— Это я сам придумал опохмелятор: здесь — литр кока-колы, полторы бутылки водки и двенадцать пузырьков валерьянки. Успокаивает!

Я такое пить не возжелал, и спросил, нет ли простой водки, без валерьянки. Простая водка у Оганяна тоже была, но пить ее в чистом виде он мне не позволил, а заставил разводить — в кефире пополам с минералкой.

— А то иначе ты не похмелишься, а снова напьешься!

И, кстати, если кто не знает, рекомендую: 20 грамм водки на кружку кефира самой малой жирности (однопроцентного) пополам с минералкой очень эффективно, действительно похмеляет.

Конечно, еще лучше сразу засадит 150 грамм водки, но ведь потом уже не удержаться, чтобы еще 150, и еще, и через полтора часа — а то и через менее, чем даже пол-часа…

Ордынка улица

Место жительства и работы Тер-Оганяна А.С. в 1990-91 гг.

В Москве тогда царила разруха, брошенных домов в самом центре города было сколько угодно, из которых жители уже выселены, но коммуникации (электричество, вода, канализация) еще не отключены, власти были растерянные и в состоянии близком к полному оцепенению, поэтому поселиться в таком брошенном доме не представляло никакого труда — приходи, выметай мусор, мой полы, вставляй стекла в окна, если побиты, да и живи. Се, собственно и есть то, что в заграницe называется английским словом *сквот* — см.

И так и делали, и эти сквоты организовывались и Оганяном — Ордынка, потом Трехпрудный, потом Бауманская, — и другими людьми, например, человеком по имени Петлюра, который захватил таким образом целый двор на Петровском бульваре из четырех домов и устроил в нем своего рода авангардистскую республику.

Оганянов сквот на Ордынке состоял из двух семикомнатных квартир, весь первый этаж дома, которые и заселили художники. образовав своего рода Коммуну: Авдей, В.Слепченко, И.Китуп, П.Аксенов, В.Мареев, В.Фишкин, и др. и др. — затем почти в полном составе они переехали в Трехпрудный переулок, где развернулись уж в полный рост, открыв там и «Галерею в Трехпрудном», и многое другое.

Осмоловский, Анатолий

Деятель контемпорари арта, один из считающихся самым актуальным в конце 1990-х, примерно с середины 1990-х — один из самых близких тех, с кем дружит А.С. Тер-Оганян).

Мыслитель левого образа мысли — но не того левого, который за КПРФ или Макашова, а левого в американском смысле «новых левых» — Че Гевара, май 1968 и проч.; издатель журнала «Радек»; основатель и вождь движения «Против всех партий»; человек, вообще, который активно занимается смешиванием искусства с политикой. Под влиянием Осмоловского и Тер-Оганян стал приверженцем «нового левого» образа мыслей.

Картинка: 1991, 12 апреля: возглавляемая Осмоловским группа «ЭТИ» («Экспроприация Территории Искусства») выкладывает своими телами на Красной площади слово «Хуй» — одна из самых ранних (и самых известных) акций А.Осмоловского.

Из историй об Ос. — ну вот, например, такая.

Летом 1999, например, он приходит к Оганяну, бодрый, веселый, докладывает: — все отлично, все схвачено, к движению «Против Всех Партий» вроде бы проявили интерес люди, которые могут его финансировать, сейчас иду с ними встречаться. Только, слушай, — у тебя нет каких-нибудь штанов? А то у меня знаешь, порвались вот, сзади, я пытался зашить — не получается. А так идти — как-то нехорошо. Все-таки спонсоры — могут не так понять.

Оганян посмотрел — белые брюки Осмоловского, в которых он ходит зимой и летом все время, сколько я его знаю, действительно пришли сзади в негодность: лопнули, причем не вдоль, по шву, как бывает от излишней упитанности, а поперек, от ветхости.

Также см. Семинары по пятницам, «Школа авангардизма».

1991, 12 апреля: возглавляемая Осмоловским группа «ЭТИ» («Экспроприация Территории Искусства») выкладывает своими телами на Красной площади слово «Хуй» — одна из самых ранних (и самых известных) акций А.Осмоловского

«Пари Матч»,

самиздат с картинками

Автор этих строк много лет интересуется вопросами создания периодических самодельных изданий как особого ответвления современного искусства — все того же, грубо говоря, контемпорари арта.

Самиздатские журналы и всякая прочая периодика, как особый род искусства, совмещающий в себе художественную литературу, журналистику, картиночки, и при этом — длительного, многократного, продолжающегося и самовозобновляющегося (а не однократного и одиночного, как все остальные), и при этом — тиражируемого, хотя бы и в количестве трех экземпляров, а не уникального и опять же единичного.

И, конечно, я являюсь отнюдь не только теоретиком этого рода искусства, но, конечно, и его практиком: вот уж лет двадцать я все время издаю разного рода эти самиздатские периодические самиздания, от «Немировского Вестника» до «Большой Тюменской Энциклопедии».

Так вот: главная проблема самиздатских изданий при советской власти была — картинки.

Главным орудием самиздата была печатная машинка, «Эрика», «Ивица», «Ятрань», «Роботрон»», и так далее.

Картинок печатная машинка не воспроизводит.

Ксерокопировальные машины существовали и даже были почти в каждой крупной советской конторе, типа строительного треста, но самиздатчикам были обычно недоступны.

Компьютеры-сканеры-принтеры еще десять лет назад — задумайся над этим, читатель! — были исключительно аксессуарами научно-фантастических сочинений, а никак не реально существующими предметами из реально протекающей (да еще и бытовой) жизни. В сущности, еще пять лет назад! — я, например, компьютером обзавелся летом 1995 года, и знакомые и приятели меня с одной стороны, за это уважали, а с другой — считали немного помешанным на новых технологиях почти что киберпанком. (Компьютер этот был машиной с 286-м процессором, жесткий диск — 40 мегабайт, а поскольку он был куплен подержанный и диск был полуубитый, на нем работало 13 мегабайт — и мне хватало)

А хотелось делать самиздания — с картинками.

(То есть, речь идет, конечно, не о политическом самиздате, а о литературно-художественном).

Причем, хотелось делать это не в одном экземпляре, а именно осуществлять *тиражируемое* издание. Ибо именно тиражируемость — се и есть первый и главный признак, отличающий сознательное —, от —.

Хотя бы в количестве нескольких экземпляров — но больше одного. Ибо в одном экземпляре — это еще просто рукопись, а не ее публикация посредством самиздата.

Конечно, можно было тиражировать картинки фотоспособом, а потом вклеивать их в машинописный текст от руки, но как-то оно хлопотно.

Да и вообще, как-то оно —

Да и ни фотографировать я не умею, ни фотопринадлежностями не обладаю, а начинать учиться всему этому —

И вот — при чем здесь А.С.Тер-Оганян?

А вот при чем: я осенью 1988 с ним эту проблему обсуждал — он тут же придумал, как ее разрешить.

Как делать самиздатский журнал

а) регулярный

б) тиражируемый

в) с картинками, да еще и с цветными.

Идея была такова: нужно было взять настоящий заграничный цветной журнал с картинками — «Пари Матч», например; при помощи ватки, смоченной ацетоном, стереть с его страниц тексты (а ацетон, или любой пятновыводитель, отлично стирает с бумаги типографскую краску) — но оставить картинки. И на освободившиеся места впечатать на машинке собственные тексты, посвященные жизни безумцев города Тюмени. При этом, конечно, стараться как-либо соединять эти тюменские тексты с французскими картинками. Находить обоснования, почему этот текст проиллюстрирован именно этим вот материалом.

«Пари Матч» в те времена в советских киосках не продавался?

Тоже верно, я и позабыл.

Но продавался зато венгерский журнал о кино, названия которого, правда, воспроизвести не смогу, — уж очень венгерский язык заковырист; продавались югославские какие-то журналы с цветными картинками; были и другие такие издания, из которых —

Смысл этого проекта был еще вот в чем.

Это была интересная формально-литературная задача: как все-таки суметь так извернуться, что все-таки каким-либо образом присоединить к уже имеющимся картинкам — ничего общего,

естественно, не имеющим с тюменской жизнью — именно тюменское содержание.

То есть, перекинуть мосты, соединяющие два совершенно разных смысловых ряда; да еще при том, что и внутри себя эти смысловые ряды тоже до крайней степени разнородны.

Ничего из этого не вышло: настали времена сплошного дефицита всего, и ни ацетона, ни пятновыводителя в ближайших трех магазинах не оказалось — а там и сам Немиров М. к этой затее охладел. Не до того стало.

А потом появились и вышеуказанные ксероксы, и компьютеры, и сканеры, и мысль стала неактуальной.

Хотя, если подумать…

Может быть, именно теперь-то, когда —, оно и как раз —?

В смысле, когда уже не по крайней нужде, а просто ради чистого искусства?

Подумать над этим.

Париж

1994, лето

Был А.С. Тер-Оганян в этой Мекке (ну, правда, уже бывшей) мирового контемпорари арта, все лето 1994 там провел, осуществляя изготовление своего произведения «Художник и его модель», и затем выставляя его.

***

Из рассказов А.С. Тер-Оганяна о французской жизни, вот его рассказ о том, что там люди пьют и почем. Крепкие напитки, согласно Оганяну во Франции — любые крепкие: абсент, коньяк, виски, водка, джин и проч. — очень дороги. Поэтому пил там Оганян вино, причем, конечно, самое дешевое из всех, — то, которое там продается в пятилитровых канистрах и стоит около доллара за литр.

Местные деятели искусств этому ужасались и Оганяна предупреждали: это очень опасное вино, его нельзя пить больше

восьми дней подряд. Тот, кто пил такое вино восемь дней, если он его выпьет и на девятый, то немедленно сойдет с ума.

Авдюша относился к их словам скептически, но, на всякий случай, действительно, более восьми дней подряд его не пил.

То есть, он восемь дней пил его, а потом делал перерыв — один день пил что-нибудь другое.

Ну, а затем пил опять его.

***

Но от совсем уж пьянства по-московски он все-таки старался воздерживаться: пребывание его во Франции было слишком ответственным для него делом, нужно было показать себя с наилучших сторон. И лишь когда все дела были сделаны, выставка закончилась, картины распроданы, до отлета в Москву оставалось три дня, и билеты были уже на руках, лишь тогда он позволил себе расслабиться.

И вот он приходит в себя и видит: вокруг серый рассветный сумрак, пустырь, на котором он спал, неизвестно как здесь очутившись, громады многоэтажек, свойственные окраинам мегалополисов. Кое-как поднявшись, ковыляя, он подходит к стоящему на обочине дороги грузовику и начинает на ломаном английском выпытывать дремлющего в кабине водителя, как ему добраться до Монмартра.

Водитель долго с недоумением его слушает, потом спрашивает на чистом русском языке:

— Мужик, тебе чего надо?

— Ты русский? — с восторгом кричит Оганян. — И я русский! Ты откуда?

— Из Курска, — отвечает водила.

— А я из Москвы! — с восторгом же сообщает Оганян, и начинает жаловаться на козлов, которые завезли его хрен знает куда и бросили.

— Из Москвы? — спрашивает водила, продолжая не понимать. — А сейчас ты где?

— Как «где»? В Париже!

— А, — отвечает водила. — Ну так ты вон туда посмотри.

И Оганян смотрит и видит: идут к нему лютые русские менты со знаменитыми русскими калашниковыми, стоят вдоль дороги русские ларьки, вокруг которых клубятся русские алкаши, на домах русские надписи «гастроном», «прачечная» и проч.

Парк Горького

1989, лето

Переселившись в Москву осенью 1988, А.С.Тер-Оганян и его ростовские товарищи из товарищества «Искусство или Смерть», не имея в столице нашей родины ни кола, ни двора, ни угла, ни места, где голову преклонить, не став еще известными мастерами контемпорари арта, были чрезвычайно озабочены вопросами зарабатывания любых денег любым способом — чтобы жить.

Летом 1989-го каким-то путем, уж не помню каким, стало известно, что в «День молодежи» (не помню уже, когда он проводился — где-то в начале июля) в ЦПКИО им. Горького предполагается праздничная программа, и что начальство парка, чтобы не отставать от новых веяний (см. Перестройка), решило позвать молодых художников украсить парк какими-нибудь авангардными произведениями.

Никто из уже выдвинувшихся к тому времени художников этим заниматься не пожелал из-за смехотворности суммы вознаграждения, предлагаемой парком — 600 рублей на всех — в то время как, после Сотбис-1988, на Фурманном и 600 долларов на одного не считалось суммой, из-за которой стоило суетиться — и таким вот образом эта работа и попала товариществу «Искусство или Смерть».

Начальством парка ожидалось, вероятно, что это будет некая гигантская скульптура из всякого подручного материала — доски, железяки, арматура и т. д., побрызганное краской: таковы, в общем, довольно типичные представления типичного человека об авангардизме. (Примерно что-то такое, в общем, предложил бы и автор этих строк, дай ему такое задание). Но, опять же, в духе новых веяний — см. опять же Перестройка — высказав эти свои пожелания, начальство на них не настаивало, а только было сказано, чтобы произведение было авангардно, безумно и ни на что не похоже.

Оганян придумал совсем не то, что ожидало начальство и даже его сотоварищи по «Искусству или Смерти». Оганян придумал, в общем, действительно радикальную, а не декоративно-прикладную, идею: он придумал, что нужно ровненько через каждый метр расклеить на асфальте по всему парку всевозможные картиночки, вырезанные из газет и журналов: политики, красотки, и все прочее, и прочее, самого разного при этом размера, от журнального листа до спичечной

этикетки.

Целую неделю эти газеты и журналы собирались, причем одна девушка по имени Катя пожертвовала для этого даже своим запасом заграничных журналов «Элль», «Вог» и т. д., много лет привозимых папой-профессором из загранкомандировок; по тем временам это все равно, как если бы по нынешним временам кто-нибудь ради однократной и безвозвратной художественной акции отдал бы знакомым художникам на растерзание и уничтожение свое … даже не знаю, с чем и сравнить: что нынче символы процветания, успеха и приобщенности к особым сферам? — потом неделю из всего этого вырезались картинки — пол в квартире на Речном был покрыт разными бумажками примерно на сантиметров на пятнадцать.

В ночь перед праздником художники вышли на дело, имея при себе три мешка с бумажками, два ведра клейстера, мел и измерительную рулетку. Все пространство перед главными воротами, под ними и за ними, вплоть до первого фонтана, было ровно расчерчено в клеточку — и по этой сетке всю ночь расклеивались картинки Оганяном со товарищи.

А утром деятели товарищества «Искусство или Смерть» с ужасом обнаружили, что, во-первых, начал накрапывать дождик, с каждым мгновением силой бессмысленной силы природы превращающий художественный проект в просто грязные бумажки, а потом пришли дворничихи, которые, ужаснувшись такому количеству невесть откуда взявшегося мусора, да еще приклеенного, да перед самым праздником, стали эти бумажки отскребать скребками, очень сильно ругаясь. На отчаянные призывы участников «Искусства или смерти» о том, что это есть авангардное произведение, которое нельзя трогать руками, а можно только смотреть, ответ был «Художники от слова худо!», и только вмешательство администрации парка (тоже, впрочем, крайне озадаченной представленным ей авангардным произведением) разрешило конфликт и «технические работники» оставили картинки в покое.

Короче, Радикализм был достигнут, а вот Красота (но, конечно, безумная), которая тогда еще входила в цели и задачи, ставимые перед собой Тер-Оганяном А.С. — увы.

Деньги, тем не менее нам за работу все равно заплатили.

Педагогические таланты

Педагогические таланты Т. велики и обширны.

В сообщении Кошляков Валерий описано, какое влияние оказал Оганян на этого выдающегося мастера современной кисти. В сообщении Школа Авангардизма описана работа А.Тер-Оганяна с новым — новейшим — поколением деятелей актуального искусства. Также см. сообщ. Репин — там тоже есть кое-что на эту тему. Наконец, могу сообщить, что он и на меня оказал значительное влияние, хотя я вовсе не художник, а автор стихотворений. Тем не менее, его советы, рассуждения, высказывания и проч. были чрезвычайно ценными и полезными, и, если бы не Оганян, я, может быть, и до сих пор бы был бы чем-то вроде (ну, улучшенного, конечно) Вознесенского А.

***

Одно из чрезвычайно ценных педагогических свойств Т., например такое — не скупиться на похвалу. Писателю, как известно, одобрение необходимо не меньше, чем канифоль скрипачу.

Я, например, совсем не такой, мне как раз хрен угодишь. У меня вырвать похвалу чужому сочинению…

На фига мне их хвалить, чужие, когда у меня своих сколько хочешь?

Пельмени

В сообщении Мясо кита уже сообщалось о некоторых кулинарных особенностях жизни Тер-Оганяна А.С. Вот еще одна: он не терпеть не может пельменей.

Пример: во времена суровой бедности и к тому же тотального дефицита поздней перестройки (конец 1989), Оганян с Салаватовой Г. заходят в огромный алюминиевый ангар окраинного универсама на ст. м. Речной Вокзал, где тогда все художники товарищества «Искусство или Смерть» обитали, — в универсаме пусто, хоть шаром покати,

Лишь пара клеток с молоком

Жмется в углу сиротливо.

Но — о диво! — есть в продаже пельмени в пачках, и почти без очереди. Так, человек пятнадцать.

— Так давай их купим! — призывает Салаватова Г., в те времена исполнявшая обязанности импресарио Товарищества и там же, на ул. Петрозаводская, в девяти автобусных остановках от Речного вокзала с художниками и обитавшая.

Оганян брезгливо морщится, и так и приходится, согласно сообщению Салаватовой Г., обойтись на ужин молоком с хлебом. Ибо спорить с Оганяном дело крайне утомительное.

***

В тот же вечер заходит разговор о том, что будет, если пельмени не варить, а жарить на сковородке, — сообщает опять же Салаватова Г.

— Что-что, — отвечает Тер-Оганян А.С., — маленькие пирожки!

***

Позднее Ог. объяснил причину своей нелюбви к пельменям:

— Ну, тесто еще туда-сюда, но под ним мясо, такое склизкое — бр-р-р.

Персонажность

Один из краеугольных камней нынешнего контемпорари арт. Раньше художник рисовал произведения — теперь художник, писатель и проч. придумывает персонажей, которые могли бы рисовать данные произведение. Пригов Дмитрий Александрович, например, пишет стихи то от лица совка, каким его хотела бы видеть Советская власть, то есть предельно восхищенного богоравным милиционером, то еще от —, и от —; Оганян действует в том же духе: все его произведения 1990-х сделаны от как бы лица провинциального авангардиста, знакомого с авангардизмом по случайным статьям в советской прессе, и настолько влюбленного в этот, в общем-то, выдуманный им самим, образ авангардиста, что —

Наибольшие успехи достигаются, на мой взгляд, тогда, когда персонаж и реальный автор совпадают: у Пригова — стихи от лица МНС, типа:

Килограмм салата рыбного
В кулинарьи приобрел.
В этом ничего обидного!
Приобрел и приобрел.
Сам немножечко поел,
Сына единоутробного
Этим делом накормил
И уселись у окошка
У прозрачного стекла
Словно две мужские кошки
Чтобы снизу жизнь текла

потому что Пригов в сущности мээнэс всю жизнь и есть; и Оганян — он, в сущности и есть, — во всяком случае, полжизни был — такой вот провинциальный ультраавангардист, знакомившийся с авангардом по случайным статьям.

Также см. Ирония.

Перестройка

Петр I

Решительно осуждаем А.С.Тер-Оганяном — за недостаток упорства.

Ведь он же сначала — юг начал воевать, Азов, Таганрог. И столицу — сначала именно туда хотел перенести!

— Так и нужно было стоять на этом до конца! — считает Оганян. — И насколько вся другая была бы русская история — и куда лучшая! — если бы Санкт-Петербург был бы не среди чухонских болот, а у теплого моря!

Печатные органы

современного искусства

Их, по-моему, вообще нет, кроме «ХЖ» («Художественный журнал»)

Пиво «Шлитц»

1996, декабрь

Вот история о пиве «Шлитц», которая наглядно иллюстрирует некоторые особенности мышления А.С.Тер-Оганяна.

Предыстория: я сочинял книжку под названием «О Тюмени и об ее тюменщиках», строилась книжка так: на каждой странице был изображен какой-нибудь тюменщик, или вид города Тюмени, или предмет, из имеющихся в ней, под картинкой было какое-нибудь рассуждение или сообщение автора этих строк. Написанное я носил Оганяну на экспертизу. В очередной порции принесенного мной на первой странице было вырезанное из каталога «Петер Юстенсен» за 1976 год изображение банки пива с названием «Schlitz», и подпись, в которой было написано:

— «Такое пиво. Оно существовало.

Впрочем, в городе Тюмени его нет, и никогда не было.

Поясняю, почему: потому что в 1977-м году когда оно, судя по этой картинке, существовало, и рекламировалось в заграничных журналах, из одного из которых, найденного мной на помойке, она и вырезана, сия картиночка, тогда в Тюмени торговля баночным пивом зарубежного производства не осуществлялась.

А когда она стала осуществляться — такого пива уже не было ни в ларьках, ни хотя бы на картинках в журналах.

Я, во всяком случае, ни разу такого не видывал — ни в Тюмени, ни в Москве, ни —

Из чего делаем вывод: даже в мире слабоалкогольных напитков действуют все те же неумолимые законы истории: глория мунди — транзит.

8 сентября 1996 г.»

— Это что? — заинтересовался Оганян картиночкой.

— А ты прочти, там написано, — ответил я ему.

— Да что читать, ты мне так, словами расскажи! — настаивал Оганян.

— Да что рассказывать, ты прочитай, там шесть строчек, мне рассказывать дольше, чем тебе читать, — не уступал я. На эти препирательства ушло около получаса. Наконец, Оганян согласился прочесть сам.

«Такое пиво. Оно существовало, «— прочел он первую строчку. — Фигня! — тут же вскричал он гневно. — Не было такого пива!

— Авдюша, — принялся я его увещевать, — Посуди сам: вот перед тобой цветная картинка высокого качества полиграфического изготовления. По-твоему выходит, я, во-первых, сначала нанял художника, чтобы он эту банку нарисовал — я, как тебе известно, рисовать не умею, — потом, потратив значительное количество сил, времени и денег, напечатал ее в одном экземпляре, вырезал по контуру, вклеил вот сюда — и все это ради того, чтобы ввести читателей в заблуждение относительно того, что такое пиво якобы существовало?

— Да, — подумав, признал Тер-Оганян, — Это вряд ли.

— Но, — сказал он, подумав еще, — такого пива — все равно не было!

Пикассо

П.Пикассо. «Портрет подруги». На одном из недавних Сотбисов продана за 3,3 млн. долларов — см. Истэблишмент.

Подкаблучник

1990, осень

Я приезжаю из Тюмени в Москву, в которой не был год, и обнаруживаю: О. стал подкаблучник и говнюк! Имея две семикомнатные квартиры (см. Ордынка) — меня к себе пожить не пустил! Мол, старик, то да се, сам понимаешь…

Настропаляла его, конечно, Людка (см. Рождественская Л.), которая меня почему-то невзлюбила (вероятно, полагая, что именно я есть помеха О. на пути к славе и деньгам, сбивающая его на путь пьянства и ебанстства), но Людка-то, понятно, баба — дура (см. Бабы — дуры!), но идти у нее на поводу!

И в Трехпрудном потом мне места не предложил, и вообще.

Конечно, было бы хорошо, если бы можно было бы здесь написать «но я не обиделся».

Но это была бы неправда.

Я, конечно, обиделся.

***

Я, конечно, тогда тоже был еще тот мыч: видя, что все в стране идет в не весьма правильную сторону, я ударился в чтение «Нашего современника» и прочий «патриотизм», и стал Оганяна всячески обличать в низкопоклонстве перед заграницей и русофобии, кричать «Ах, тебе у нас в России все не нравится? Ну, так вали в Армению!», и писать обидные стихотворения, типа:

Неизвестные селенья проезжая,
Проезжая неизвестные селенья,
Их осеннее унынье озирая,
Их унынье, одичанье, запустенье, —
И стал думать я. Не думать даже, а
(Это уже позже, глядя в мрак
Заоконный, да на горизонте огонька
Три загадочных), не думать стал, а так
Вот что понял: пидарасы блядь, козлы!
Блядь ебаные авангардисты!
Хуй ли петрите по жизни, на хуй, вы!
Хуй ли петрите вы блядь по жизни!
Да, согласен. Да, унылый вид,
Да, угрюмые растянутые дали,
Но — неужто не хватает? не щемит?
Впрочем, вы здесь никогда и не бывали.

И — не лезьте. Блядь свой Брайтон Бич
Где хотите стройте, здесь не надо!
А не то начнут вас блядь мочить –
Ох, доскетесь, сука падла гады!

Слава Богу, довольно быстро это прошло.

Политическое искусство

«По направлению к объекту»

1993, весна, Галерея в Трехпрудном. Публика приходит на очередной четверг, ей предлагают наблюдать как А.Тер-Оганян стакан за стаканом пьет водку, пока из субъекта искусства — его творца — не превращается в объект: спящее на полу произведение.

Таким образом здесь совмещены обе главных линий творчества А.Тер-Оганяна 1990-х:

1) пьянство и все, с ним связанное,

2) пародирование авангардизма.

Пародия была здесь вот в чем: в начале 1990-х в Москве была грандиозная выставка «По направлению к объекту», в которой были представлены произведения «искусства объекта» от 1960-х до наших дней в их историческом развитии. Вот Авдей над ней и пошутил: представил процесс превращения, как сказано, субъекта искусства в объект.

Неоднократно затем О. просили этот перформанс повторить. Он отказывался: нет, нет, только за большие деньги. За очень большие! Потому что — очень уж тяжело!

— Это Глазунову какому-нибудь искусство легко дается: помахал кисточкой — и гуляй, веселись, голова не болит, печень лежит на положенном ей месте мирным образом, отвечал Оганян. — А у меня искусство, которое кровью и потом дается, после каждой такой акции —!

Поп-арт

Э.Уорхол, статуя «Кока-кола»

Пристрелят, как собаку

бешеную тебя в конце концов, — говорил я Оганяну сразу после «Юного безбожника», когда он рубил иконы — и, между прочим, будут совершенно правы! В смысле — «право имея». Потому что — ты первый начал! Мы, православные, тебя не трогали — у тебя свои дела, у нас свои дела. Ты первый на нас бросился! Ну, так и получи фашист гранатой! — так я говорил ему.

— Как это не трогали? А церквей везде понастроили? И, между прочим на народные деньги! Церквей вам надо — скиньтесь между собой и стройте, да не на Красной площади, а купите землю где-нибудь в лесу, там и стройте. Но вы же — нет, вы на мои налоги, на мои денежки себе церкви строите!

Так мы с ним дискутировали довольно долго, но, так и ни до чего не додискутировались.

А насчет грохнуть — угрожали, да, и приходили, и топор показывали, которым грохнут, но интересно, что приходили не к Оганяну, а к Гельману.

Оганяна считают мелкой наемной сошкой?

«Проблемы реставрации произведений современного искусства»

1995 (?)

Еще одно из известных произведений А.С.Тер-Оганяна. Разбил молотком писсуар, точь-в-точь, как тот, дюшановский (см. «Не фонтан»), а потом склеил.

И что?

И то: шуточка-то она шуточка, но поднимает довольно интересный вопрос о взаимоотношении подлинника и копии в современном искусстве, и единичного и тиражируемого вообще.

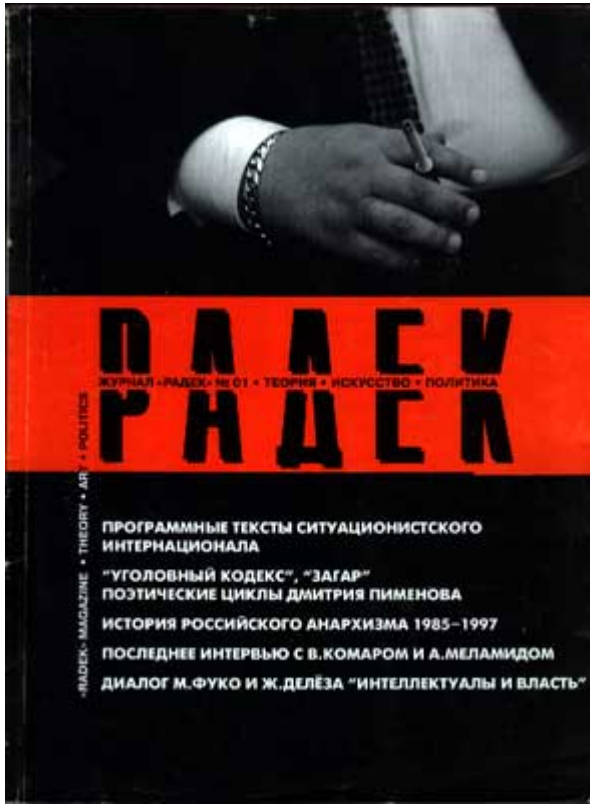
Вот, допустим, «подлинный» писсуар Дюшана, тот именно самый, который он выставлял, допустим, (он где он нынче хранится? в Метрополитен Музее?) — нечаянно разобьется. И что тогда следует делать: аккуратно склеить — или просто пойти да купить точно такой же новый?

«Против Всех Партий»

Работа по железу

Одно из самых ранних произведений Тер-Оганяна А.С. в духе контемпорари арт, и в духе чего-то типа примерно «акции», причем уличной — самое начало 1980-х, если не конец 1970-х. Не знаю, как теперь, но в 1996 году оно еще висело в Ростове-на-Дону на телеграфном столбе в Газетном переулке: прикрученное шурупами железное объявление «Обучаю художественной работе по металлу» с железными же бахромой-лапками с адресом Тер-Оганяна внизу, одна из которых даже кем-то оторвана, — то есть, в данном случае, отрублена зубилом.

«Радек»


РАДЕК
ЖУРНАЛ «РАДЕК» № 01 • ТЕОРИЯ • ИСКУССТВО • ПОЛИТИКА
РАДЕК
«RADEK» MAGAZINE • THEORY • ART • POLITICS
ПРОГРАММНЫЕ ТЕКСТЫ СИТУАЦИОНИСТСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА
"УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС", "ЗАГАР" ПОЭТИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ ДМИТРИЯ ПИМЕНОВА
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО АНАРХИЗМА 1985–1997
ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ С В.КОМАРОМ И А.МЕЛАМИДОМ
ДИАЛОГ М.ФУКО И Ж.ДЕЛЁЗА "ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ВЛАСТЬ"

Журнал — или, вернее сказать, альманах, ибо выходит не чаще, чем раз в год — издаваемый А.Осмоловским и посвященный проблемам московского контемпорари арт + пропаганде французской постструктуралистской философии + пропаганде же ультралевого образа мысли и действия.

Раушенберг, Роберт

Американский художник, основатель поп-арта и классик его, к которому Тер-Оганян, насколько мне известно, относится с большим почтением.

Подробности см. «Живописная живопись».

Раушская набережная

Здесь жил и работал А.С.Тер-Оганян с конца 1989 по осень 1990-го года, ибо здесь находилась первое из его в Москве местожительств, поселение в которое было осуществлено способом самозахвата (см. *сквоты*).

Кроме него, здесь жил и работал еще Кошляков В., чуть ли не силой вытащенный Оганяном из Ростова-на-Дону, чтобы не прозябал там, а становился столичным художником и, в перспективе, арт-звездой.

Нужно сказать, это более-менее осуществилось.

Редукционизм

См. Черный квадрат

Репин, Илья

1990, осень. Мастерские на Ордынке, кухня. Оганян сидит посредине ее в кресле и держит в руках альбом про живопись, вокруг толпятся авангардисты — П.Аксенов, И.Китуп и прочие, обитавшие тогда там. Оганян рассматривает изображенные в альбоме произведения живописного искусства и комментирует их. Авангардисты, заглядывая через его плечо, внимают.

Он перелистывает страницу — там картина Репина И.Е.

— Ну, Репин! — хихикают авангардисты. — Репин, — понятно…

— Нет, ну почему, — не согласен Оганян. — Хороший художник! Сюжеты, конечно, смешные… А художник — отличный! Вот, например, вот тут, в углу, посмотрите как написано!

Авангардисты, в большинстве своем рисовать не умеющие и в живописи как таковой не особенно-то понимающие, отвечают с уважением:

— А-а!

Эта история иллюстрирует как разнообразие воззрений Т. на живопись, так и его педагогические таланты — см.

Реунов, Константин

Киевский художник, нынче живет в Лондоне, с ним А.С.Тер-Оганян был особенно дружен в 1992-93 годах. Вот одна из историй из жизни Реунова К., перассказанная с его слов. Как-то летом в конце 1980-х где-то на окраине Киева он забрел в спортивный магазин и увидел там в продаже очень дешевые — потому что очень плохие — лыжи. Тут же у него созрела мысль соорудить из этих лыж некую инсталляцию.

— Сколько их у вас всего? — спросил Реунов, — двадцать пар? Давайте все!

И вынул пачку денег, которые тогда у него имелись, и купил. И еще купил топор. И, вынеся все это из магазина, начал топором лыжи — рубить, потому что для инсталляции, собственно, ему требовались только лыжные носы.

Очнулся он связанный в машине скорой помощи, которая везла его в психбольницу. Продавцы, увидев такое поведение человека, только что купившего двадцать пар лыж и — не забудьте — вооруженного топором, подкрались сзади, трахнули его штакетиной по башке, после чего вызвали соответственную медслужбу.

— Да я же художник! Я это для выставки! — пытался объясниться Реунов с санитарами.

— Двадцать пар лыж? Порубленных топором? Для выставки? Конечно-конечно, конечно, художник! — не стали спорить привычные ко всему санитары.

Речной вокзал

«Станция Речной вокзал –
Поезд дальше не идет».
А меня блядь не ебет!
Я сюда блядь и желал!
Мне сюда как раз и было надо!
Я живу как раз здесь, сука, рядом!
«Просьба», блядь, «Освободить вагоны»!
Да ебу я на хуй вас, гондоны!
Я блядь поэт, творец искусства,
А вы — ничтожное говно!
1990, осень

В 1989–1990 гг. на улице Петрозаводской, у станции метро Речной вокзал, в снимаемой двухкомнатной квартире, была первая из штаб-квартир товарищества ростовских художников «Искусство или смерть» во главе с Тер-Оганяном, приехавших покорять Москву.

Там они вдвенадцатером, с детьми и женами, жили.

Оганян очень любит это стихотворение. В пьяном виде он иногда забывает как меня зовут и именует Речным вокзалом:

— О, Речной вокзал пришел!

А в трезвом убеждает сочинить примерно такое же обо всех станциях метрополитена и назвать книгу «Мое метро».

Рисовать-то — умеют?

— Твои авангардисты? Нарисовать портрет человека — и чтобы было похоже? — спрашивают некоторые из читателей этой книги.

Отвечаю: кое-кто и умеет. В.Кошляков, например, Ю.Шабельников, А.Флоренский из «Митьков», некоторые другие, да, кстати, и тот же Оганян. Но на самом деле в том разделе искусства, о котором идет речь, то есть в контемпорари арт, спрашивать «умеет ли данный художник рисовать», это примерно как спрашивать об астрофизике «А умеет он починить утюг?».

Может, и умеет. И, действительно, исторически астрофизики происходят от людей, которые изобретали и чинили утюги. Но с тех пор так все это разошлось, что от астрофизика умение своими руками паять и прокладывать проводку нынче отнюдь не требуется.

То же самое и в том, что называется «контемпорари арт», оно же «актуальное искусство» — хотя исторически оно и происходит из живописи (и Маяковский был в начале живописцем, и в ранних стихах его это его живописное происхождение выражено напрямую:

А сквозь меня на лунном сельде
Скакала крашенная буква)

и занимаются им в основном те, кто когда-то, в молодости, начинал с «изобразительного искусства», но с тех пор оно так от живописи отделилось и отдалилось, что сейчас в галереях «контемпорари арт» гораздо чаще можно увидеть, как читают стихи, или режут себя бритвой, или вытворяют вообще невесть что, либо кино, либо какое-нибудь вообще неизвестно что, нежели просто висящие по стенам картины.

Теперь это отдельный, особый вид искусства — есть литература, есть кино, есть живопись, есть театр — а есть контемпорари арт. Почему, кстати, я пользуюсь везде в этой книге именно этим, довольно нелепо звучащим, термином: чтобы подчеркнуть особость, специфичность и несводимость ни к одному какому-либо одному из традиционных видов искусств то, чем занимается А.С.Тер-Оганян и все другие, описанные в этой книге.

Рождественская, Людмила

Ты, в эротического содержанья позе
Стоящая на перекрестке!
Ты, заставляющая сердце мое азбукою морзе
Три точки выколачивать — и три тире — и снова точки, –
О ты, безжалостная бешеная роза!
Какая ты идешь навстречу мне — хорошая!
Какая ты идешь навстречу мне по улице — красивая!
Колотит сердце с нарастающею силою,
И даже — более того! И даже — еще больше!
Я как парализован пребываю. И восторг! И стыд!
Аж сдавливает горло, выедает очи!
Как стыдно мне Немировым ничтожным быть,
А не… А не… Весенней черной мокрой этой ночью
В бандитском страшном переулке сем вечернем
Когда на встречу ты идешь, сияющая сильно
Своим ужасным прямо просто излученьем!
Опасная вся, точно радиоактивная!
Как молния: внезапная, хлыстообразная такая, длинная.
Ростов-на-Дону, сентябрь 1988;
Москва, август 1989;
Тюмень, осень того же года.

…—… = S.O.S.

Среди прочих лиц дамского пола разных мест, разных времен (Стелла; Конина Н; Милюкова А.), наличествуют здесь в некоторой своей части и впечатлением от созерцания некоей личности по имени Рождественская Людмила, с которой автор этих строк был мельком знаком в городе Ростове-на-Дону примерно с осени 1987.

В феврале 1989 там же, в Ростове-на-Дону, происходила выставка «Италия имеет форму сапога» (см.), впервые демонстрирующая в широких масштабах ростовским людям авангардистское искусство в лице организованного и возглавлявшегося А.С. Тер-Оганяном товарищества независимых художников «Искусство или смерть!» (см.)

В середине февраля было ее закрытие, получившееся чрезвычайно развеселым. Народу пришло — не протолкнуться, и все выказывали участникам товарищества всевозможные знаки почтения, в основном, конечно, в виде «Старик, отлично! На, ебни!» (Не такая маловажная в те времена, когда не достать,

привилегия — чтобы тебя просто так звали ебнуть), а потом все гурьбой пошли в близлежайшую пивную ракушку, и там праздновали победу авангардизма и вообще наступающих прекрасных новых времен пол-ночи.

И среди прочих во всем это участвовала Рождественская Л., пришедшая на это мероприятие неожиданно и добровольно:

Как беззаконная комета

— и т. д.

И пока автор этих строк, обнаружив этот факт, лихорадочно составлял в голове планы, как бы так ему воспользоваться благоприятным моментом, чтобы —, неукротимый Тер-Оганян А.С. быстро —, и Рождественская Л. становится его подругой, и является ею примерно до середины 1990-х.

В середине 1990-х они расходятся — см. «Бабы — дуры!», разъезжаются по разным жилищам, но дружеские отношения сохраняются: в период, когда Оганян еще пил, именно к Рождественской Л. он отправлялся отлеживать после запоев.

Рок-музыка

увлечение которой в той или иной степени («Битлз» — «Дип Перпл» — «Кинг Кримсон» — панк — ленинградский рок) задела всех советских культурных юношей с конца 1960-х по — конец 1980-х — Оганяна не коснулась абсолютно. Для него вся она — что-то вроде того, что на картинке в заголовке, никакой особой разницы между «Битлз» и Мадонной, он, насколько я понимаю, не обнаруживает.

Романтизм

Душа — ничего не желает,
Кроме покоя.
Сосредоточенная и пустая
Душа оставаться желает, на все остальное —
Искусство, политику, прочее там –
положив с прибором.
В порядке как бы что ли сомнамбулизма.
Дома сидеть в полудреме,
Думать дурацкие мысли,
Перебирать бумажки,
Печатать машиночкой «Ивица», –
Хуй ли я вам, сука-блядь, американка?
Лыбиться?!
Скорее угрюмые песни
Предпочитать мене свойственно.
Россия, короче, бедность.
Россия, короче, осень.
Душа хочет киснуть, киснуть,
Она понимает:
И не захочешь романтизма,
Так жизнь заставит!
Москва, ноябрь 1990

Оганяну, вроде бы, нравится это стихотворение, но, мне кажется, последнюю строфу он воспринимал как довесок — нужно же чем-то закончить.

А ведь не довесок, а ведь чрезвычайная там (хотя, конечно, и неприлично так отзываться о собственном сочинении) высказана премудрость: ведь так все и получилось. И у автора вышеприведенных строк, и у самоего Тер-Оганяна А.С.: уж чему-чему он совсем был чужд, так это романтизму в любом его виде — но жизнь заставила: и он теперь в совершенно романтическом духе

Гонимый миром странник,

нищий изгой, преследуемый властями и людьми (см. тюрьма) вполне а-ля Байрон, Бродский или Марина Цветаева.

Русофобия

— Да это просто русофобия в ее чистом виде! Им просто все русское не нравится! — готов воскликнуть, может быть, некоторый из читателей. Автор этих строк порой и сам был готов так воскликнуть, и даже в еще более усиленной форме: «все русское, и потому, и только потому, что оно — русское».

И это и в стихах излагал.

В смысле — уже не так.

То есть — да, действительно, был Авдей Степанович Тер-Оганян, действительно, самый настоящий русофоб, то есть придерживался версии, что все у нас не так,

Все не так, ребята,

из-за того, что вокруг Россия, вот такая неудачная страна: всё здесь и всегда не так: то царизм, то большевизм, то неурожай, то антиалкогольная кампания.

— Слишком далеко на север забрались, слишком холодно здесь! вот все и —, такой, примерно теории придерживался он до середины 1990-х. — На юг нужно было расширяться, а не в Сибирь и чухонские болота! — см. об этом в сообщ. Петр Первый.

Но, поездив по миру, Оганян изменил свою точку зрения.

Сейчас он считает, что не Россия как таковая причина того, что всё не так — во всём мире всё не так, везде всё нужно переворачивать наоборот! — такой теории он придерживается с середины 1990-х.

Как говаривал Жан-Жак Руссель,

Поворачивайте истории карусель!

— Не Руссель, товарищ, а Руссо!

— Ну, тогда не карусель, а колесо!

Но это, спешу читателя успокоить, не так.

На эту тему также Левая идея, «Новые Левые», «Персональная утопия» и проч.

Русская Православная Церковь

— Да это вообще не религиозная организация! — говорил Оганян в ярости. — Она не религиозной деятельностью занимается! Религиозные организации — это какие-нибудь кришнаиты, или пятидесятники, или какие-нибудь староверы: живут себе в лесу в скиту, молятся своему Богу, больше их ничего не трогает.

А твоя Православная церковь — это просто корпорация, как Газпром или Кока-Кола — святой водой торгует, (да и водкой) местами на кладбище, церкви себе строит, деньги прокручивает — короче, делает бизнес, как может, и везде, где может.

Корпорация, со своими внутренними интересами, которые она всеми силами защищает в том числе и через политику. А никакие не «религиозные ценности! И корпорация гигантская, через нее денег проходит, наверно, побольше чем через какой — нибудь Лукойл, ее под антимонопольное законодательство подвести нужно! — говорил возмущенный Оганян много раз.

И в этой трактовке Московской Патриархии, он, кстати, вполне совпадает, например, с такими религиозными радикалами, как Русская Православная Церковь За Рубежом.

Они утверждают то же самое: Московская Патриархия — это просто организация «торгующих во храме» — и более ничего.

Рушди, Салман

И когда стал прямо вопрос, что хотят и могут посадить — за безобразие, вытворенное Тер-Оганяном А.С. с иконами — и не просто хотят и могут, а именно будут сажать (см. суд, тюрьма), я, например, советовал Оганяну — бежать.

Раз уж затеял войну с обществом и властями, то, чем как барану идти на заклание на предрешенный суд — бежать!

Собственно, то же самое советовали ему и все остальные знакомцы и незнакомцы, но они советовали ему бежать — за границу.

Я ему советовал бежать — вовнутрь страны: в Ростов, в Челябинск, в Тюмень, в Хабаровск, и так далее: страна у нас большая, есть где забиться в щель, подобно таракану.

И там скрываться, и оттуда присылать свои проекты, а их пускай осуществляют его юноши (см. «Школа авангардизма»), и заводить сайт в Интернете и излагать свои идеи и проекты в нем. И в газеты и патриарху лично телеграммы слать из подполья: сегодня ночью порубил еще три иконы! А порою появляться и в Москве на выставках — вряд ли уж так его будут ловить, что сразу схватят, стоит только показаться в Москве. И быть русским Рушди. Только еще гораздо более Рушди, чем Рушди английский, трижды Рушди — ибо того вся сила британского государства защищает и оберегает, а Оганян — один против всего мира, и в первую очередь — именно против собственного государства.

Я бы — точно бежал.

И точно — в какую-нибудь Тюмень.

И так бы и поступал.

Но Оганян —

Возможно и правильно: см., например, сообщ. Кизи, который был в совершенно такой же ситуации: ничем хорошим это не

окончилось. В смысле, никакой героической эпопеи противостояния не вышло, а только нудное и изнурительное состояние постоянного бегства и страха, а в конце концов и поймали, и притом довольно быстро.

Самойлов, Давид
Видная критикесса
Сидела в цыганской шали.
А бедные стихотворцы
От страха едва дышали.
Ее аргументы были
Как сабля неоспоримы.
И перья стихотворений
Летели, как пух из перины.
От ядовитых лимонов
Чай становился бледным.
Вкус остывавшего чая
Был терпковато-медным.
Допили. Попращались.
Выползли на площадку.
Шарили по карманам.
Насобирали десятку.
Вышли. Много мороза,
Холода, снега, света!
В небе луна катилась,
Медленно, как карета.
Ах, как было прекрасно
В синей зимней Столице!
Всюду светились окна,
Теплые, как рукавицы.
Это было похоже
На Новогодний праздник.
Ипроняло поэтов
Не хороших, но разных.
В общем, купили водки.
Выпили понемногу.
Потолковали. И после
К такому пришли итогу:
Будем любить друг-друга,
Хоть не имеем веса.
Бедная критикесса…
Бедная критикесса!
Это стихотворение Д.Самойлова.
Не знаю, как сейчас, а в конце 1987 и начале 1988 А.С.Тер-

Оганян был большим любителем стихотворений, сочиненных этим автором.

Зима в тот год была в достаточной степени лютой.

А нам, уж не помню, по каким причинам, но почему-то ежевечерне приходилось ездить на трамвае номер 10 по улице Горького через весь город, что занимало минут сорок.

Пустые гладкие трамваи, пустая черная улица Максима Горького, на которой ни души из людей и фонари не горят, и окна в домишках не светятся; и проч.; и проч. А мы имели с собой портвейн. И мы его отхлебывали по очереди из горла, дабы стимулировать более успешное обсуждение вопросов новейшего искусства, чем мы тогда были заняты постоянно: выяснением, каким правильно, чтобы ему быть, а каким — отнюдь. Устав обсуждать эти вопросы мы, в подтверждение своих тезисов (несовпадающих, а по большей части и вовсе противоположных), читали друг другу стихи: я — свои, и Пастернака, и Кирсанова, и Сельвинского, и все прочее в этом духе, то есть советскую поэзию 1920-х, лефо-конструктивистской направленности и формалистического уклона — с убойной ритмикой, изощренными рифмами, нагромождением метафор и «паронимической аттракции». Оганян, радикал в изобразительном искусстве, в отношении искусства поэзии был реакционером, все это осуждал, называл такой путь развития искусства исчерпанным и устарелым, призывал меньше выделываться и быть проще, и в качестве образца читал Самойлова, которого знал наизусть аж целыми поэмами.

Отнюдь нисколько тогда меня Оганян не убедил.

А рассердил.

— Ах, не хотите понимать сложной, разнообразной, изощренной и проч. поэзии, меняющей в каждой строчке размер, и со страшной силой движущейся по закону штопора и правилу буравчика как подобно, электромагнитный ток по своей синусоиде, бия ею всех, которые не сунутся, своими беспощадными разрядами? Попроще желаете, четырехстопного ямба? Да и фиг с вами, пожалуйста! И я стал заставлять себя осваивать, в угоду Оганяну, этот самый ямб, и — освоил. Хотя по-прежнему его скорее не люблю, чем люблю.

А потом, осенью 1988, попалась мне в руки книжка Самойлова, я ее начал читать — и проникся. Даже, может быть, чересчур: кое-какие его интонации в результате явным образом попали в мои собственные стихи, что не знаю, — хорошо ли?

2. А кто ежели, как Струков А., например, вздумает использовать вышенаписанное как доказательство того, что вот как при советской власти было лучше, чем при нынешней антисоветской — дескать, молодые люди, хоть и портвейн пили из горла, но при этом стихи друг другу читали, а сейчас? одна наркомания, проституция, погоня за золотым тельцом и прожигание жизни в найт-клубах! — я отвечу: не вообще молодые люди тогда такие были, а конкретно я, и Тер-Оганян А.С., и еще какое-то количество людей, известных пофамильно и бывших на полуторамиллионный Ростов-на-Дону количестве вряд ли большем в самом лучшем случае трех десятков. И точно так же, вероятно, обстоит дело и сейчас, но обнаружить существование таких, уж конечно, действительно, сложно, если общаться исключительно с читателями «Завтра» и «Советской России», поклонниками Лукашенки и Зюганова.

Сатанизм

Оганяну звонят с некой радиостанции и просят дать интервью. Оганян охотно соглашается, и начинает рассказывать о своем понимании современной художественной ситуации, о смысле своей деятельности и т. д.

— Нет, это нашим слушателям не интересно! Вы расскажите, как собираетесь в лесу, жжете кресты, вызываете дьявола, какие потом бывают оргии!

— Кто это мы?

— Ну, вы сатанисты.

Оганян объяснил, что он не сатанист — раз, что не очень верит, что такие вообще есть — два, что если и есть — так или дураки или сумасшедшие. А он — не сатанист, а простой атеист; Сатане он отнюдь не поклоняется, ибо просто не верит в его существование: для него Сатана — не более, чем литературный персонаж из романа Булгакова «Мастер и Маргарита». Как, кстати, и Иисус Христос — тоже лишь литературный персонаж из того же романа.

Работники радиостанции были очень разочарованы.

«Сведения»

Я, умей на гитаре играть,
Я бы стал ее брать,
Стал по струнам рукой вдохновенной бряцать,
Стал бы я напевать:
— Опять наебли.
— Опять наебали, опять.
— Опять наебли ай-люли корабли,
— Наебали ох сука-билядь,
Так я пел бы и пел нараспев,
И припев:
— Суки!
— Суки!
— Суки!
— Суки!
— Наебывают и наебывают.
— Как хочут так и наебывают.
Стал бы жаловаться на жизень
Вязкой, нудною ставшей в последние годы
Только водярой одною которую и разжижить
Не такою была чтобы клееподобной;
Стал бы плакать о том и о сем,

И вообще обо всем,
И начинал повторять:
— Опять наебли, опять.
Опять наебали ебать блядь копать,
Токовал бы как тетерев,
И припев:
— Наебывают и наебывают!
— Как хочут, так и наебывают!
Суки!
Суки!
Суки!
июнь 1997

Стихотворение навеяно историей с еженедельной газетой «Сведения», которую автор этих строк и А.С.Тер-Оганян пытались затеять издавать весной и летом 1997-го года ради денег — но и ради интереса. Вот эта история.

Птичка моя по фамилии Салаватова Гузель, весной 1997 в газете «Работа для вас» обнаружила объявление «Требуется специалисты в области полиграфии».

Являясь таким специалистом, она, в поисках средств к существованию, пошла по указанному адресу. Рассказала о себе. Спросила затем:

— Ну, а вы кто-что?

— Да мы вот газету решили издавать, рекламную такую.

— Рекламную? Ну, впрочем, мне все равно: как прикажете.

— Да можно бы и не рекламную, а содержательную, но — специалистов нет. И — нет столько денег, чтобы переманить специалистов из крупных газет. Так что —

— Так мы вам все сделаем!

И стали делать.

Не долго мудря, мы решили использовать все ту же идею, которую я разрабатываю вот уже сколько лет: перенести ее на газетную почву. Делать Общую Энциклопедию Всего — в форме еженедельной газеты форматом А-3 объемом 8 полос. Познавательные и увлекательные сведения обо всем подряд, изложенные в алфавитном порядке.

Идейные обоснования необходимости такой газеты следующие:

1. Жизненный опыт нас учит: в газетах нынче не только одно сплошь переливание из пустого в порожнего, толчение воды в ступе и дребедень торжествующей пошлости. Вовсе нет: в газетах попадаются и дельные мысли, и полезные сведения и рассуждения, и удачные выражения и высказывания. Но все это есть слова брошенные на ветер, и любой писатель всегда главнее

любого газетного писаки, потому что писатель пишет книжки, которые люди ставят на полку и дают друг другу почитать даже и спустя определенное количество лет после выхода книги в свет; газету же, прочтя, приходится выкидывать: хранить газетные подшивки в домашних условиях крайне неудобно, а во-вторых, даже если их и сохранять, — ими невозможно пользоваться: через полгода ты будешь стоять перед толстенными пачками бумаги, в которых хрен найдешь нужное тебе высказывание, сообщение, и проч., и проч.

И вот: та газета, которую придумали мы, есть разрешение этого противоречия.

Ибо это есть такой печатный продукт в газетный форме, который имеет смысл не выкидывать, а сохранять, ибо им у д о б н о пользоваться: нужное тебе высказывание, сведение, подробность, шутка и проч. элементарно отыскивается без какого-либо труда. Ибо они расположены — по алфавиту.

2. Писать нужно при этом не просто любую ерунду, а потом располагать ее в алфавитном порядке, а нужно честно стараться писать именно Энциклопедию Жизни Наших Дней. Которая честно и полностью опишет текущую жизнь, и притом предоставит читателю это описание в удобной для употребления компактной форме. На написание именно такого и следует настраивать свой ум.

Так его, короче, настраивать, чтобы он все подряд, что ни попадется ему на глаза, описывал, исходя из предположения, что в катаклизмах будущих дней все абсолютно погибнет — а только одна эта Энциклопедия и останется, и она и будет служить единственным источником о жизни людей конца XX века.

Как это суть так по отношению к какому-нибудь Тациту или Геродоту.

Все это мы изложили новоявленным знакомцам, главного из которых звали Демьяныч, им идея понравилась, мы стали газету делать. Они обещали нам за это платить деньги.

Собственно, написать 8 полос в неделю всяких разных сведений на заданную букву я бы и сам мог — но это было бы недостаточно разумно. Во-первых, я не являюсь, увы, таким уж виртуозом пера, чтобы написать каждое сведение разным языком и в разной манере, поэтому все, написанное мной, было бы весьма однообразно; во-вторых, мои познания обо всем являются все-таки ограниченными. Газета, написанная одним мной, имела бы весьма однобокий характер. Поэтому мы с птичкой, так рассудив, призвали на помощь друганов и братанов — выдающегося, хотя и пока малоизвестного, писателя Максима Белозора, который тоже сидел без денег и готов был на что

угодно ради них, и Тер-Оганяна А.С., который хоть сам и не пишет, зато человек светский до последних пределов, — всех знает, со всеми общается и дружит — он пускай привлекает разных авторов.

Так и сделали.

Максу с Авдеем идея газеты тоже понравилась, они засуетились и в течение недели привлекли к участию в ней массу народу, в основном, художников-концептуалистов, в том числе, например, и столь прославленных, какими являются Звездочетов, Литичевский, Осмоловский. Тем также идея такой газеты чрезвычайно понравилась и все что-нибудь да понаписали на букву Ш — про Шестьдесят Восьмой Год в Париже, например, написал Осмоловский; про Шпенглера — Литичевский, про Шутки Разные и Их Последствия — Звездочетов, и проч. (Именно с Ш было решено начать — для пущего идиотства).

Среди своих же нашли специалиста по компьютерному макетированию; тот воплотил в электронной форме дизайнерские идеи Оганяна; получился макет газеты, (чрезвычайно, кстати, выдающийся) — короче, за две недели на пустом месте, не потратив ни копейки денег, мы газету сделали. И принесли этому мычу Демьянычу — издавай, и плати нам деньги за работу, а мы уже пишем следующий номер на Э.

Конечно, ничего из всего этого не вышло.

— Да, конечно, это очень замечательно, да, конечно, всем заплатим, и будем издавать, вот со следующей же недели и начнем, — было сказано нам, после чего на следующей неделе происходило то же самое, и так длилось май, июнь, июль. Пока мы наконец, не отчаялись окончательно, обозвали Демьяныча — Динамычем, плюнули и растерли.

Одни, короче, от этой истории убытки: помимо трехмесячного пребывания в изнурительном ожидании (и денег, и плодов своего труда), я еще, напившись в ярости от очередной «на той неделе», очень плохой водки «Ферейн», разломал свой собственный принтер, и пять месяцев сидел без него в полной жопе, ибо за починку его в сервисном центре «Хьюлит-Паккард» просили 160 долларов США.

Да еще и позор: всех взбаламутили, везде нашумели, и даже «Выбор России» (куда позвонила Гузель с предложением) взялся писать статейки на экономические и политические темы (в так и несделанный номер на букву Э, например, они написали статьи Эйзенхауэр (его экономическая политика), Эфиопия (как там строили социализм), Эмиссия (как опиум для финансовой системы), и «Эхо Москвы» в лице самого Венедиктова птичку мою у себя принимало, историю себя рассказывало (опять же для

номера на Э), и обещало даже такого хорошего дела ради давать бесплатную по их радио рекламу, — и все пошло прахом, а мы с Гузелью еще раз подтвердили уже твердо имеющуюся у нас в общественном мнении репутацию обещалкиных и пустобрехов.

Так вот: 1997, сентябрь.

II.

Но это еще было не все.

10 числа ноября 1997 птичка моя Гузель обитает у Авдея Тер-Оганяна, поскольку я, автор этих строк, получив в «Знамени», наконец, гонорар за свои в нем стихи в размере 540 тысяч рублей, устроил безобразный пьяный дебош, и она была вынуждена бежать. Тут Оганян с к нему пришедшим в гости Максом Белозором делают ей предложение — попытаться все-таки возродить пресловутую газету. И — добиться, чтобы она все-таки была такой, какую продают в ларьках «Союзпечати», чтобы за это те, кто в нее будут писать материалы, получали плату за свой талант и душевный жар.

12 ноября автор этих строк посещает Оганяна в поисках своей птички и проводит с ним всю ночь в обсуждении разных вопросов, в том числе и о газете «Сведения».

Широкая общественность, сообщает Оганян, продолжает теребить их с Максом относительно нея, ибо горько сожалеет, что дело заглохло. Оганян выдвигает следующие, согласованные с М.Белозора предложения.

1. Нужно «Сведения» все-таки делать, своими силами и на свой страх и риск, размножать их в количестве 100–150 экземпляров, разносить на продажу во всякие хитрые книжные магазины типа «Гилей» и «Ад Маргинем», а тем временем искать богачей, которых убеждать проинвестировать издание ее в должных масштабах.

2. Они с Максом берутся — бесплатно — всячески участвовать в изготовлении как минимум четырех номеров «Сведений», и еще — всячески подбивать своих многочисленных друзей участвовать делом и пером в изготовлении их.

3. Делать их при этом не в формате еженедельной газеты, что, не имея много денег, очень трудно, а — преобразовать в ежемесячный журнал, который будет толще и основательней.

— Что же, мог ответить я на это — конечно, я согласен.

И …

И, конечно, ничего из этого опять не вышло: то, се, пятое, десятое …

Семинары по пятницам

1998–1999

Проводившиеся Оганяном и Осмоловским для повышения культурного и образовательного уровня своих адептов из «Школы авангардизма».

Собирались по пятницам на квартире у одного из этих адептов — и помногу, человек по двадцать — и не пили водки, не то и не се, а действительно осуществляли что-то наподобие совершенно правильного учебного процесса: Оганян или — чаще — Осмоловский читали своим адептам самые что ни на есть такие, как в учебном заведении лекции — «история постмодернизма»; «карта современного московского авангардного искусства — кто есть в нем кто»; «в чем смысл жизни»; и т. д. Приводили философов, специалистов по всяким Делезам и Лаканам, те тоже такие вот лекции читали. А юноши и девушки — внимали, задавали вопросы, записывали эти лекции на магнитофон, а потом переводили их на бумагу при помощи компьютера.

Я на нескольких таких семинарах побывал — и был чрезвычайно всем этим удивлен. Я вспоминал себя в 19 лет — и представлял, что было бы, если бы меня и моих друзей собрали в количестве двадцати человек — вечером — юношей и девушек — и предложили послушать лекцию по философии. Послушать-то мы бы ее послушали — но потом пошли бы и купили бы портвейна, а в следующий раз — купили бы портвейна прямо на лекцию, а в еще один следующий — вместо лекции. А эти — слушают, записывают — по вечерам! на окраине Москвы! специально для этого сюда приезжая! — и за портвейном после прослушивания не бегут — чудеса!

Таковы оганяновские — впрочем, в данном случае в не меньшей степени и осмоловские — организаторские и педагогические таланты.

Середина 1990-х

Ситуация к середине 1990-х и в родной стране изменяется в значительно худшую сторону, нежели она была, хотя бы, например, этих 1990-х в начале, ситуация становится совершенно упадочной и в контемпорари арт.

Происходит крах всего, а прежде всего — надежд.

Сбылось все, о чем и мечтать-то не мечталось в начале 1980-х, когда Тер-Оганян А.С. становился на скользкую дорожку авангардного искусства — оказалось, ничего в том хорошего.

Перечислим по-порядку.

1.

стал все-таки Оганян художником, и известным, и признанным, и авангардистом, и одним из самых радикальных (а радикальных в контемпорари арт почти синоним слова «лучших») — да дела этого контемпорари арт теперь даже хуже, чем во времена КПСС: тогда преследовали, но зато быть авангардистом было престижно, авангардистами интересовалась общественность, интересовался Запад, на подпольные квартирные выставки собирались толпы — дипломаты, иностранные корреспонденты, юноши и девушки, и все были уверены, что делают запрещенное, но важное и правильное дело, теперь — авангардистские сообщество рассыпалось: кто уехал, кто устал и без конца самоповторяется, уныло зарабатывая воспроизведением былых достижений на (и весьма бедненькую при этом) жизнь, кто, как Свен Гундлах, вообще демонстративно все бросил и начал просто зарабатывать на жизнь дизайном и т. п., и весь этот

контемпорари арт просто никому абсолютно не интересен (на Западе — кончилась мода на рашен авангард, а структуры внутри России, которые должны бы поддерживать интерес к контемпорари арт — не созданы, потому что все надеялись на Америку, что там будет бум вечно).

И все в унынии и непонимании, что делать, и как быть.

2.

Стало можно ездить за любую границу, и даже не просто туристом, а как художник, на выставки со своими работами — оказалось, тоже ничего особенно в этом замечательного.

То есть — и зовут, бывает, и выставляться, и приглашают на всякие «семинары», (что означает пожить там месячишко-другой за счет какого-нибудь из западных фондов, но все это имеет форму благотворительной помощи представителям слаборазвитых стран — и-или демонстрации ученых медведей в цирке: гля-гля, дикий человек из страны, где Ельцин, мафия и Макашов — а знает слово «инсталляция»..

А реально выдвинуться русскому художнику в известные мастера текущего общемирового контемпорари арт (а не в представителя экзотической провинции) совершенно никак невозможно: не пустят: там своих таких мастеров хватает, и конкуренция — именно столь свирепа и к тому же монополистически-бюрократизирована, как о ней и писали некогда в советских книжках.

3.

В родной стране капитализм — о чем уж совсем никак и подумать было невозможно — победил, и причем капитализм именно в американском своем варианте — опять же оказалось, ничего в нем хорошего нету — оказалось, капитализм — не сплошное Мерлин Монро, Чарли Паркер, кадиллак и кока-кока, (о чем см. сообщ. Американюбство), а, оказалось, действительно, как и писали в советских книжках, — ежедневная непрерывная борьба за существование, — и причем со всеми козырями скорее именно на стороне, играющей против тебя.

Оказалось, остается два единственных выхода: или —, или — нужно начинать все снова и сначала.

И Оганян это делает: пытается начать все сначала — см. Институции, «Четверги на Бауманской», «Школа авангардизма».

Слепченко, Василий

Ростовский друг А.С.Тер-Оганяна, художник, участник товарищества «Искусство или Смерть» Вместе перебирались в Москву в 1988-м, вместе обитали на Речном Вокзале и Трехпрудном. Погиб осенью 1991. Дополнительные подробности см. в книге М.Белозора «Волшебная страна»

Сорос, Джордж

«Саму акцию я не видел, но информацию имею избыточную, и от прессы, и от очевидцев. Мы видим продуманное и оплаченное кем-то глумление. Не знаю кем, но догадываемся. Конечно, Тер-Оганян знал, что дело дойдет до суда, но его покровители, видимо, посчитали, что ему ничего не угрожает. В печати появились сведения, что действия Тер-Оганян оплатил фонд Сороса.» — Михаил Кузнецов, профессор, общественный обвинитель от Комитета за нравственное возрождение отечества, соратник Виктора Илюхина по адвокатской коллегии заявлял такое в газете «Сегодня» 21 апреля 1999.

Это все о тех же Иконах.

Логика просто карикатурно классическая: сам Оганян до этого додуматься, конечно, не мог, — говори, сука, кто научил! Говори, сука, кто, как, где передавал инструкции, толченое стекло заграничного производства, чтобы подсыпать в муку, через какую границу собирался затем уходить!

Так вот, о Сросе.

Давал фонд Сороса один раз деньги Оганяну — в 1994-м году на издание книги о галерее в Трехпрудном — как чего не рассуждай, а одной из довольно видных страниц в истории московского контемпорари арт.

Авдей написал заявку — приложил суждения искусствоведов, которые подтверждали, что это была довольно видная страница, ее нужно зафиксировать в книжном виде — получил деньги согласно представленной смете.

Дальнейшая судьба этих денег была печальной: автор этих строк в указанный период жизни как раз пытался заниматься бизнесом, и причем именно полиграфическим. И я вызвался пристроить книгу в типографию, где все сделают быстро, дешево и хорошо, и убедил в этом Оганяна, и тот деньги передал мне, и — и как-то так получилось, что никакой книжки так издано не

было: как то оказалось, что деньги понемножку размотались.

Другой бы на месте Оганяна с автором этих строк срать бы больше рядом не сел — и это еще в лучшем случае!

Но Оганян простил.

Вот какой он человек.

Сортирная выставка

1988, сентябрь, Ростов-на-Дону. Тер-Оганян лето проводит в Москве, где обнаруживает — там художественная жизнь ох и кипит. Нужно и у нас так — делать произведения искусства в больших количествах, сделанное — немедленно выставлять. Эх, нам бы крохотненький бы выставочный бы зальчик, чтобы —!

Где?

И мы ходили по Ростову, гуляли, это все обсуждали.

В фойе кинотеатров? Не пустят. Тут, проходя по Газетному переулку, увидели новооткрытый кооперативный сортир. Оганяна осенило: в нем! в сортире!

И — тут же договорились с его владельцами, которые, не устояв перед Оганяновым напором, согласились, и — сделали.

Успех был полный: возмущенные отклики появились во всех трех тогдашних ростовских газетах («Молот», «Комсомолец», «Вечерний Ростов») и даже в центральной «Литературке»: кооператоры совсем оборзели! Выставку тут же закрыли, сортир, кстати — тоже. Вот как было просто в те времена испугать советскую власть!

Вот какова была невинность советского человека — и, это, кстати, было очень удобно для деятелей контемпорари арта: всего-то навсего повесь на стены в сортире картины — и ты уже поп-звезда.

Сейчас, когда никого уже ничем не удивишь, —

Оганян, впрочем, все-таки нашел способ удивить — см. Иконы — да уж тысячу раз пожалел об этом.

Соц-арт

«Срисовывание»

оно же «апроприация»

Направление творчества А.С.Тер-Оганяна с начала 1990-х и по сей почти что день.

Мастерская на Пятницкой, год, например, 1991, месяц, например, февраль. Я у Тер-Оганяна в гостях. Еще у Оганяна в гостях делегация каких-то западноевропейских теток: рашен авангард! Это есть модно и престижно! Они хотят приобрести произведения модных новейших московских художников! Тетки ходят по мастерским Пятницкой колонии художников — а это две огромные, восьмикомнатные квартиры, занятые самозахватом в доме под снос, — смотрят работы, покупают. Доходит очередь и до Оганяна. Он начинает выносить свои картины. Он выносит огромную, полтора на два метра, картину, ставит ее лицом к теткам. Тетки смотрят с недоумением.

— Так это же, — с изумлением, — Матисс?

— Матисс, — подтверждает Оганян.

— Но это не подлинник! — возмущена тетка.

— Конечно, нет, — соглашается Оганян. — Я сам срисовал.

— А это — Пикассо? — не верят глазам своим тетки, когда Оганян предъявляет им следующий холст, тоже между прочим, здоровенный.

— Пикассо.

— Сам срисовал?

— Ну.

Эти тетки уж не знаю, купили ли в конце концов что-нибудь у Оганяна или нет ли, но многие — покупали. Те, которые были пообразованней, и понимали, что на свой вкус в таких вопросах полагаться не стоит, а нужно советоваться с экспертами — вот эти тетки и дядьки, по подсказкам экспертов, они покупали. Потому что эксперты им объясняли, что они не правы, а что это есть действительно новейшее, и действительно авангардистское, и, действительно, такое, которое искусство — ну, которое следует купить в качестве хотя бы образчика.

То есть, мы перешли к тому периоду Оганяновского искусства, когда он занялся срисовыванием = присвоением = «апроприацией». Собственно, он и до сих пор занят именно этим, модифицируясь, естественно в течение времени. Опишем, как он до этого дошел.

Он и раньше охотно перерисовывал классические картины

знаменитых авторов — трактуя их по-своему. Например, «Девушку у рояля» Коро он перерисовывал четыре раза, причем каждый следующий вариант был все более радикальным, а последний был уже больше похож на картину абстрактного экспрессиониста, чем на исходное произведение французского мастера середины XIX века.

Теперь же Оганян основным направлением своего искусства выбрал копирование разных классических авангардистских картин — Пикассо, Матисса, Лихтенстайна, и проч., и проч., их тщательное срисовывание и перерисовывание, и потом, конечно, выставление на выставках в качестве собственных произведений А.С. Тер-Оганяна, и продажа в качестве именно оригинальных работ представителя современного московского искусства, отнюдь не копий.

Зачем так поступать? И кому нужны эти копии?

А вот зачем. А вот почему. А все потому же: задача живописи — изображать прекрасное, так? Ну, так я именно его и изображаю!

— Все нарисовано, — говорил Оганян. — Пейзажей — срисованы с натуры миллионы. Ну, так какой же смысл мне срисовать миллион первый? Потому что я художник и мне нравится сам процесс рисования? Ну, так я тогда уж самый лучший нарисую пейзаж — тот, который уже обработан замечательным художником, таким художникам, который не нам, недоучкам, чета.

— Можно рисовать, например, табуретку. Почему нельзя рисовать картину? Картина — такой же предмет мира, что и табуретка, ну и вот — кому-то нравится рисовать табуретки, кому-то — мне например, — картины. — Так объяснял свое направление Тер-Оганян, и это звучало опять же убедительно, и картины Оганяна выставлялись, и продавались, и покупались. И это было действительно новое, и действительно авангардистское искусство.

Тут еще вот в чем дело: это было скромное искусство.

Мол, мы, новое поколение, мы не претендуем на авторское своеволие и дерзость, мы понимаем бессмысленность и смехотворность таких претензий в постмодернистскую эпоху — и вот мы скромно перерисовываем шедевры, стараясь срисовать их как можно лучше.

И эта скромность была шокирующей и вызывающей, ибо была демонстративной, ибо собственно, являла собой, при всей своей якобы тихости и незатейливости, отрицание всего предыдущего опыта истории авангардизма. Ибо по всем каноном этой истории каждый следующий художник должен был начинать с того, что

объявлять предшественников козлами и дураками, и только себя самого тем, наконец, который — Именно то, что Оганян демонстративно делал все наоборот, именно это и делало его — Вышеописанная реакция теток есть самое наглядное подтверждение того, что Оганян являлся в этом своем копировании именно авангардным художником, и именно по-настоящему авангардным. Ибо именно способность вызывать у неподготовленного человека шок от неожиданности увиденного — се и есть, как известно, один из классических признаков по настоящему авангардного искусства.

И уже к концу 1990-го года он выдвигается в достаточно видные фигуры новейшего московского авангардного искусства, какой фигурой он и пребывает по сей день.

Дальнейшая эволюция этого ответвления творчества Т.: от срисовывания почтительного, он переходит к срисовыванию скорее издевательскому. Например, перерисовывает все более и более радикальные авангардистские произведения — на все более маленьких холстах, вплоть да холстиков величиной в две ладони. Да еще и — в черно-белом варианте! Получалось смешно: например, знаменитое произведение Клайна, которое представляло из себя несколько гектаров земли, покрытых синей краской, и производило впечатление именно безумным и совершенно никчемным размахом, в Оганяновом варианте — аккуратный крохотный холстик, ровно закрашенный серым.

Или — знаменитое произведение некоего итальянца, фамилию забыл — пустой незакрашеный холст с прорезанной бритвой вертикальной щелью посередине. Смысл его — «выход за пределы картины, холста», «прорыв в иное измерение». То есть, по Оганяну, — крохотная картинка серого цвета с вертикальной полоской посередине. Довольно жестокая насмешка.

И нарисовал таких штучек Оганян до фига, и получился из этого проект «Передвижной музей»: чемодан, битком набитый такими крохотными репродукциями знаменитых авангардистских сочинений.

Авангард для бедных: кому не по карману купить подлинник Клайна — или хотя бы хорошую, то есть большую и цветную копию — тот может дешево купить авдеевскую маленькую черно-белую. Кому не по карману поехать в Москву на большую выставку авангарда (да и редко они бывают, а чтобы все сразу корифеи авангарда собраны вместе, так и вообще никогда, ибо это невозможно) — тот может посетить авдеев «Передвижной музей» и все увидеть в одной комнатке. Контемпорари арт — народу!

Еще поздней — на эмалированных табличках, слегка

подцвеченых розовым и зелененьким, как делали некогда немые. В понятной и близкой народу форме.

Еще поздней — на кружках и тарелках: «агитационный фарфор» Малевича, агитирующий за «контемпорари арт».

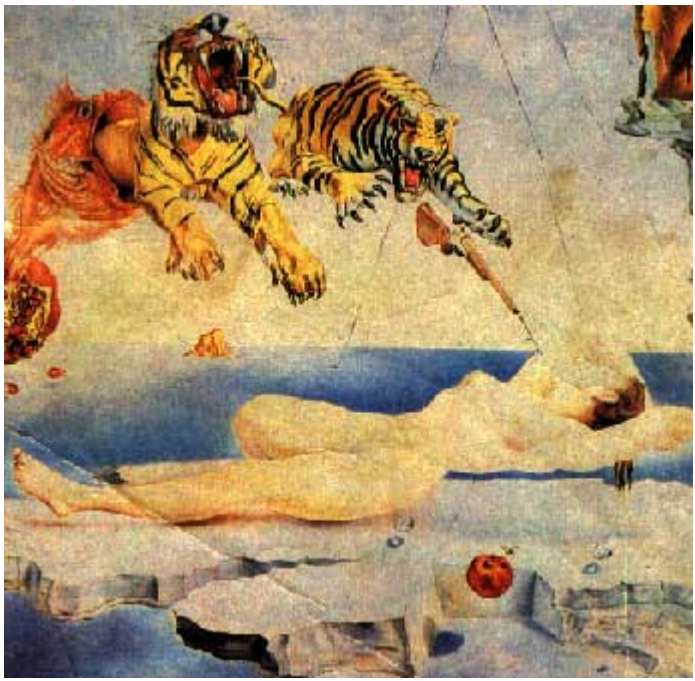
Струков Артур

Есть такой знакомец у А.С.Тер-Оганяна. В 1980-е был-рок-музыкантом, затем погрузился в православие, поступил в Богословскую академию. Затем женился, и тесть, принадлежащий к числу богачей, на свадьбу купил ему грузовик — чтобы он при помощи его, развозом грузов и т. д., зарабатывал себе и жене на жизнь.

— Да не грузовик нужно было дарить! — прокомментировал Оганян. — Лучше бы он ему церквушку купил! Вел бы Артур в ней службы, собирал бы требы — и работа непыльная, и денег больше!

Стулизм

Сюрреализм



С. Дали. «Что-то там, вызванное полетом шмеля за сколько-то секунд до пробуждения», — точнее не помню.

Таланты из провинции

— Гельман совсем обалдел, — с возмущением рассказывает Оганян, вернувшись от этого самого Гельмана (см.). — Говорит, вы все — отработанный пар, ваше время истикало, ему теперь подавай новых талантов из провинции.

— Ну, а что ты хочешь, — пришлось ответить мне ему, — ты сам этого хотел, Жорж Данден! Кто делал акциюСмерть гандоном от искусства! и все в этом духе?

— Но не отчаивайся, — придумал я, — есть выход: ты прикинься! Побрейся налысо, отрасти бороду до пояса и покрась ее в рыжий цвет, сделай повязку через глаз, как у пирата, и приходи к Гельману (с костылем) — вот, я талант из города Кургана!

Оганян очень обрадовался и развеселился.

— Точно! Когда меня, старого козла уже начнут не пускать в галереи, так и сделаю!

Но до этого покуда не дошло.

Театр художественный

Вот история из жизни Тер-Оганяна А.С., описанная очевидцем. Лето 1993-го отличалось особой морозливостью. Автор этих строк проживал тогда в Серебряном переулке, что на Арбате, и, идя уж не помню зачем и куда по Камергерскому переулку, бывшему проезду Художественного театра, был мной вдруг встречен Авдей Тер-Оганян. Главное в следующем: в руках у него была сумка. Главное в еще более следующем: не в сумке, конечно, а в ее содержимом. Оно было двумя бутылками портвейна!

Тут же, в ближайшем подъезде, в обстановке сплошной, но теплой исмороси, они довольно быстро были выпиты.

Естественно, все фибры существа автора были не согласны с этим и требовали продолжения. Все надежды неимущего автора этих строк могли возлагаться лишь на чудовищно богатого по моим тогдашним меркам Оганяна; и Оганяном было заверено: банкет — будет продолжен!

Но — не сразу.

А сначала — нужно пойти в Художественный театр, и посмотреть там спектакль, ибо Оганян приглашен, и не пойти не может.

Ну, а уж после спектакля банкет точно будет продолжен, и в притом еще куда лучшем виде — с актрисками!

Дополнительная дополнительность была в том, что это был спектакль на английском языке. Это были какие-то английские театральные студенты, приехавшие на какой-то театрально-студенческий фестиваль; в рамках его они показывали свое творчество. Они пригласили Оганяна на свое выступление.

Мы прошли как очень важные люди через служебный вход, сели в зале. Зал был — ох! Художественный театр! Тот самый МХАТ! Народу в зале сидело кучками человек около шестидесяти, говорили они меж собой не по-русски. Липкий красный портвейн, к которому такое пристрастие питает Оганян, имеет многие всем известные особенности воздействия на пустой желудок, нужно ли их описывать? Если хотите, вот их описание в рифмованной форме.

Смысл его: с автором с немалой силой происходило следующее:

Сердце как будто пукнуть желало —
так его сжало.
Будто пукнуть желало, а не выходило, —
так давило его и давило.

Хлопотун Оганян тут же умчался лопотать на различных зарубежных языках с разными людьми приятного зарубежного вида. Я сидел и смотрел спектакль. Спектакль был студенчески-модернистского типа, то есть на пустой сцене стояло то по два, то по три человека разного пола, что-то громко рассказывая друг другу на заграничном языке. Временами оставался вообще один, и тогда он что-то рассказывал на все том же языке зрителям. Длилось это все часа наверное два с половиной, причем Оганян то и дело вообще исчезал из зала, и тогда то, что происходило с внутренними органами и сознанием автора, было являющимся таким, чего не описать даже в рифму. Тут Сартр и Камю потребны: заброшенность…покинутость…бессилие человека перед лицом отчаяния…

Но самое главное было потом: в конце концов на сцене не оказалось никого. Потихоньку стали исчезать и сидевшие в зале. Постепенно сидящим остался один я, да несколько кучек людей в очках стояло по углам, негромко с приятством беседуя на разных языках, да Оганян, неутомимо продолжавший сновать от кучки к кучке. Робко я приблизился.

— А, старик! — радостно приветствовал меня Авдей Степанович. — Ну, как тебе? Мне что-то не очень!

Всеми возможными кивками и экивоками я стал напоминать о планах продолжения банкета.

— Да ну, старик, какой банкет! Спектакль так себе, чего же тут праздновать? — ответил Оганян и тут же продолжил лопотание на неизвестном языке с каким-то то ли шведом, то ли, может, судя по его могучести, канадцем, который усиленно кивал, подтверждая: спектакль, действительно, не вышел, какой уж тут банкет.

Что мне оставалось делать? Я и сделал то, что только и оставалось мне сделать: пошел к себе на Арбат, выпил со злости в очередной раз купленную было женой в очередной же раз туалетную воду; получил пропиздон; устроил пропиздон ответный — где ты, где ты, волшебник в голубом вертолете? Забери меня на фиг скорей отсюда!

Или опять же в стихах:

Странное дело — водяру хлестал,
А поутру во рту
Как будто, напротив, мыло жевал, –
Чем сию объяснить хуету?

Если хотите, можно этой истории придать и общечеловеческое звучание, закончив ее выводом типа — не такова ли и вся наша жизнь: бесконечное пребывание в ожидании, чтобы потом услышать: какой банкет, чего праздновать-то?

24 июня 1995 года, красота, жара.

Телевизор

Массовой культурой, как я уже писал Тер-Оганян А.С. совсем не интересуется — а вот телевизор все-таки смотрит. И даже специально его себе купил, чтобы смотреть.

Например, я прихожу к нему в гости, и вот какую застаю картину: они всей семьей — Оганян, Ира, его теперешняя подруга, сын Давид, подруга сына Полина — смотрят в стоящий на столике черно-белый переносной телевизорЮность производства конца 1970-х, с экраном с открытку. И смотрят они в нем кинофильмСвадьба в Малиновке.

— Ты что, сбесился? — изумлен автор этих строк. — Выключи немедленно!

— Ну что ты, старик! — засуетился застуканный Оганян. — Ну, посмотрели кино — что тут такого? Это же так, чисто по приколу!

Тимофеев, Сергей

Ростовский, потом московский, художник, дружбан А.С.Тер-Оганяна и автора этих строк, участник товарищества Искусство или смерть; вместе переезжали в Москву, вместе обитали на Речном вокзале, Трехпрудном. Погиб летом 1993 года.

Осенью 1989-го года Сергею Тимофееву довелось посетить тогда еще существовавшую Германскую Демократическую Республику в качестве гостя одного германско-демократического человека по имени Ральф, см. о нем в сообщении Шнапс. Тима и его друг Дмитрий Келешьян прилетают самолетом в ГДР — и попадают в самый разгарбархатной революции и крушения Берлинской стены. Нежданно и негаданно, они получают возможность посетить не только братскую страну развитого социализма, но и своими глазами посмотреть на звериной оскал западноберлинского капитала — а в те годы получить такую возможность для простых парней из города Ростова-на-Дону!

Глухой осенней европейской ночью они отправляются туда.

Ночью — потому что какие-то КПП все-таки существовали, и, если немцев свободно пускали туда и обратно, то с советским паспортом были сложности. А ночью пограничников было можно убедить, подарив им бутылку, например, шнапса. И они — делают это, и в результате, вот, они стоят в самом Западном Берлине, в обстановке глухой ночи и поздней осени.

Они стоят.

Им, прямо скажем, страшно.

Кругом — глухая ночь.

Кругом — подозрительные трущобы.

Кругом — запад, да еще и какой: Западная Германия! Узнает в них русских какой-нибудь гитлеровский недобиток, и — поминай как звали!

Тут они видят: некий подвальчик, и вывеска над ним, и свет, горящий внутри — кафе, и, что главное, открытое, несмотря на ночное время.

Они заходят в него: глупо, действительно, торчать на улице посреди дикого и пустого ночного Западного Берлина, тем более поздней осенью, в обстановке холода и сырости.

Они заходят.

Ни души.

Они садятся в уголке.

Кельнер с салфеткой через руку предлагает им заказывать что-нибудь. Подумав и рассудив — денег у них, естественно, кот наплакал, а уж тем более западноберлинских, они заказывают — чай. Чай, напоминаю, в СССР при советской власти стоил 3 копейки за стакан, то есть практически ничего.

— Чай? — изумляется официант.

— Чай! — подтверждают эти двое. Озадаченный официант удаляется на кухню. Спустя некоторое время он возвращается, и действительно, с чаем. Чай он приносит — в пивных кружках. Расплачиваясь, два наших друга мрачно понимают, что на те деньги, в которые им обошелся сей экзотический напиток с далекого острова Цейлон, они могли бы в сракотан упиться простым немецким пивом, и даже еще съесть по немудреной немецкой сосиске. Но, деваться некуда, назвавшись груздем, приходится лезть в кузов, и они сидят, пьют этот чай безобразной дороговизны, обсуждают вполголоса свои дальнейшие планы и намерения.

— А ю рашенз? — тут вдруг обращается к ним скучающий за стойкой буфетчик.

Началось! — в ужасе понимают Дима с Тимой. Гитлеровские недобитки и реваншисты все-таки распознали в них русских, и сейчас вот —

— Ну, рашенс, — неохотно признаются они.

— О! Дас ист зер шен! Вери Велл! Gorbatschoff! Perestroika! Glasnost! — в восторге кричит буфетчик. — Что же вы эту бурду пьете? Я уж подумал, что вы англичане. Вы же русские — русским положено пить русскую водку! Wypiem, dryzia! Я угощаю! — объявляет он. Ибо был, был, был этот краткий, но исторический момент: западные люди ужасно любили Горби, а заодно и всех остальных русских. И буфетчик достает рюмки, достает бутылку, разливает.

— Начнем с самой лучшей, — поясняет он, — а уж потом

перейдем к остальному. Потом нам уже будет все равно!

К изумлению двух друзей, за 25 лет своей жизни в СССР твердо привыкших к тому, что все советское — третьесортное и говняненькое, западный немец вытаскивает из закромов в качестве лучшей не легендарную водку Смирнофф, о которой был наслышан всякий советский человек, как о превосходящей по замечательности все, что только можно себе представить, и не каких-нибудьГорбатчофф илиРаспутин, о существовании каковых тоже доваживалось им уже слыхивать, и не всякие прочие водки сплошь в двуглавых орлах и коронах, а простую советскую водкуМосковскую особую со скромной бело-зеленой этикеткой.

Изумленные, они выпивает по стопке, буфетчик прячет бутылку обратно в загашник и вытаскивает новую — и опять неСмирнова — Горбатчова, а — Столичную.

Выпили и эту.

Третьей была, наконец, Смирновская.

Четвертой — Распутин.

Пятой — еще какая-то.

— Да сколько ее у тебя? — в ужасе хватаются за голову Дима с Тимой.

— Да сортов сорок есть, — отвечает западногерманский буфетчик. Немая сцена. Два русских героя сией истории смотрят на буфетчика, не в силах вымолвить ни слова. Нынешнему поколению читателей уже, наверное, и не понять, почему. Для них разъясняю: а потому, что в СССР в это время было 2 (две) марки водки: Русская иПшеничная, да еще те люди, которые были вхожи в дома правящей номенклатуры, рассказывали, что видели в этих домах еще и такие марки советской водки, как Золотое кольцо, Посольская и Старка.

Трехпрудный переулок

1991 — 93

Расположен в центре Москвы, между Пушкинской пл. и пл. Маяковского, нынче, кажется, Триумфальной. В 1991 (лето) — 1993 (лето) — место обитания Тер-Оганяна А.С. и многих других художников, где они осуществили сквот при котором функционировала еженедельно по четвергамГалерея в Трехпрудном — последний из буйных всплесков московскогоконтемпорари арт.

Подробнее? Пожалуйста: с лета 1990 там, в доме под снос, жили В.Кошляков и человек по имени Женя Череп. Летом 1991 Оганяна начали выгонять с Ордынки, вот он к Кашлю и переехал. Осуществил там, в Трехпрудном, самозахват двух больших выселенных квартир — тогда это было возможно, в них опять (Фурманный, Ордынка*)* была Оганяном организована, не побоимся этого слова, коммуна.

В соседнем подъезде имелась не нужная (тогда) никому мансарда, которая, что существенный плюс, имела отдельный черный вход со двора, в ней Оганян и открылгалерею, то есть место, о котором, было объявлено, что в нем еженедельно по четвергам будет что-нибудь происходить — устраиваться выставки, производиться разные акции и деяния, и т. д.

Эта Галерея в Трехпрудном, в которой Оганян будет главный идеолог и организатор, будет действовать до 1993 года, и она и явится последний всплеск русско-советского авангарда 1970-1990-х.

Тупицыны

См. Комментарий искусствоведческий

Тюбетейка хуева

Одному кавказцу один раз захотелось поебаться, он пошел в ресторан за проститутками. Пришел — а уже поздно, ресторан закрыт, все проститутки разошлись. Тогда он видит — в углу лежит пьяный узбек. Он его положил на плечо и понес.

Узбек проснулся и говорит:

— Ты куда меня понес шапка каракулева?

— Я ебать тебя понес, тюбетейка хуева!

Такой анекдот я рассказал Оганяну где-то в середине осени 1998 года.

— Сам придумал? — спросил Оганян.

— Да ты что? Это же классический народный анекдот, его все с третьего класса знают!

Оганян задумался.

— Ну, поебаться захотел — правда смешно, — неуверенно заключил он.

— Да не то смешно! Смешно — что складно сказано, в рифму!

— Вот как русский народ стихи любит, — согласился со мной Оганян, еще подумав. — Если два слова в рифму — то уже смешно.

Также см. Для смеха, Пародия, Юмор

Тюрьма

реально грозит. Совершено реально.

По статье УК, номера которой не знаю, а формулировка За разжигание межнациональной и религиозной розни — до четырех лет лишения свободы.

После акцииЮный безбожник — см., той самой, когда О. рубил иконы в Манеже — тут и началось.

По просьбам трудящихся заведено уголовное дело, произведены следственные мероприятия, например, обыск, в ходе которого изъяты орудия преступления, запас икон и топор.

Правозащитники, которые, как ни удивительно, все еще в нашей стране есть, по своим каналам разузнали, что на суд давят с чрезвычайной силой, причем сразу со всех сторон: и церковные ультрарадикалы во главе с протоиереем Шаргуновым, и коммунисты (см. Лукьянов), и лужковская администрация, и ельцинская — все они очень желают продемонстрировать свою любовь к Церкви, стерев ничтожного Оганяна в лагерную пыль.

И причем хотят не просто попугать, или дать хотя бы условно, а именно — на всю катушку, все четыре года, и при этом не только хотят, но и — могут, но и — будут.

То есть, если действительно идти на суд, то его исход предрешен: вряд ли судья окажется уж таким несгибаемым сторонником свободы слова, чтобы пойти против всех за хулигана-авангардиста.

Общественность и пресса тоже отнюдь не становятся за Тер-Оганяна горой, ибо в большинстве своем тоже очень не приветствуют его деяние.

И что делать?

Упомянутые правозащитники советовали Оганяну — бежать за границу.

Там его могут даже признать политическим эмигрантом.

А тут — надежды нет никакой.

Также см. *Рушди*.

«Украшение красивого»

Одна из первых выставок в Москве товарищества Искусство или смерть, вождем которого был Тер-Оганян А.С. — весна 1990.

Собственно, это скорее Кошлякова В. была выставка.

Кошляков, как известно, работал в конце 1980-х в ростовском театре оперетты — и натырил там старых портретов его артистов и артисток. Собственно, не натырил, а взял — они были предназначены на выброс, ибо были очень древние — вероятно, 1950-х — грязные, дырявые и проч.

Черно-белые фотографии большого — афишного размера на картоне такая весьма опереточная (собственно, как и положено в оперетте) красота, — ну, а чтобы она, красота, была и еще красивее, Кошляков еще мазнул по этим портретам там и сям розовой краской невероятной степени своей розовости. Вышло, действительно, красиво уж до неприличия — но красиво.

Сейчас примерно таким занимается Тимур Новиков: берет невозможно красивую ткань — всевозможную блестящую, парчу, атлас — и нашивает на нее до невозможности красивые иконки в глазуновском духе. Но только Новиков снабжает все это еще довольно противной идеологией неоакадемизма, которая впридачу на самом деле — и это особенно противно — является шуткой: подмигиванием зрителю: вы не подумайте, что я дурак и мне такое действительно нравится — я это на самом деле только для смеха! Ирония, блин.

Кашель все это делал раньше — и делал лучше — и идеология его была интереснее: на фоне всеобщей иронии это была как бы антииронция: да, все это ужасно глупо и достойно осмеяния, но если честно, то — мне именно такое вот и нравится! — таково — если я конечно, правильно понимаю — было послание, вкладываемое Кошляковым в свое произведение.

Ультралевые

Например, Баадер и Майнхоф и их Rot Armee Fracktion (Боевое подразделение Красной Армии), которые в 1968-77 годах пыталась организовать мировую пролетарскую революции по маркистско-маоистскому и троцкистскому образцу, действуя в основном методами террора: например, забросав бутылками с зажигательной смесью самый большой и битком набитый народом универмаг во Франкфурте-на-Майне — пускай буржуазные свиньи на своей шкуре почувствуют, каково приходится борющемуся народу Вьетнама под американскими бомбежками.

И почти десять лет их никак не могли поймать. Но в 1977-м все-таки поймали, приговорив к пожизненному заключению; в тюрьме почти все они покончили коллективным самоубийством.

Короче, бесы.

2. Известный художник, ультралевый мыслитель и главный в последней четверти 1990-х годов дружбан Тер-Оганяна А. *Осмоловский* (см.) придерживается иной точки зрения:

— Так и надо! — говорит он. — Потому в Германии и на прочем Западе народ и живет более-менее по-человечески, что тамошние буржуи знают: если не будут с людями делиться — просто начнут их, буржуев, убивать, как свиней. Так и у нас нужно — ибо добровольно все эти Березовские фиг поделятся, а так и будут только воровать и красть, а краденые деньги прогуливать в кабаках Лас-Вегаса, как сейчас. И нужно поэтому организовать боевые отряды, которые будут писать буржуям ультиматумы: в течение недели перевести 30 тысяч долларов — детскому дому номер —, 30 тысяч — раздать пенсионерам Восточного Дегунина, по 200 долларов в руки; 30 тысяч — выдать новейшим художникам согласно предоставленному списку. Об исполнении отчитаться по телевизору. А если нет — взорвем на фиг ваш магазин. И, если нет — действительно, взорвать.

Так примерно рассуждает А.Осмоловский, в чем с ним последнее время солидаризируется и А.Тер-Оганян: и уведомлять директора завода Н.: если он не выплатит немедленно рабочим зарплату — убьем его самого, а еще лучше — сначала жену, а потом детей. И тогда быстро засуетятся! И миллион раз подумают — стоит ли деньги рабочих прогуливать на Канарах.

При чем здесь жена и дети? А притом, что если жрете и пьете на ворованные деньги — значит соучастники, и значит — тоже отвечайте!

Точка зрения довольно увлекательная.

Непонятно только, зачем приплетать к ней Маркса, Ленина, Троцкого, Мао, Че Гевару, красный флаг и все прочее; нужно сразу называться Благородными Разбойниками и Неуловимыми Перераспределителями.

Уорхол, Энди

Э.Уорхол. «Суп Кэмпебелл». 1968 г.

Феллини, Федерико

Итальянский кинорежиссер, классик мирового киноискусства. А.С.Тер-Оганян — является любителем его кинопроизведений.

Настолько является, что один раз, чтобы уговорить автора этих строк посмотреть все-таки хоть один кинофильм Феллини («Сатирикон»), купил мне бутылку водки, лишь бы я, ненавистник любых изображений в маленьких деревянных ящичках, согласился полтора часа перед таким ящичком не отрываясь просидеть, глядя на его поверхность.

И я просидел, и фильм просмотрел, и он мне даже понравился: впечатляет!

Но без бутылки водки я больше на такое все равно не соглашусь.

Философия

Оганян приходит в гости к Всеволоду Лисовскому, начинает осматривать книги, стоящие у того на книжных полках.

— Ильенков? Это кто? Философ? Дай почитать!

— Да на что он тебе? Марксист-шестидесятник с человеческим лицом, ни то, ни се, давай я тебе лучше порнографический журнал подарю!

— Журнал — подари, но и книжку тоже дай. Все-таки — философия!

Таков диалог, наглядно иллюстрирующий тягу Оганяна к философии, овладевшую им примерно с последней четверти 1990-х: систематически взялся он восполнять пробелы своего образования по части философии, и читает всякие философские книги, и университетские учебники по философии, и всяких Делезов и Лиотаров пытается читать, и даже Шопенгауэра (см.), чем автора этих строк чрезвычайно удивляет: я-то вот уж много лет придерживаюсь мнения, что чем теоретизировать по поводу искусства, гораздо лучше и полезней заниматься непосредственной его практикой: писать книги и картины, устраивать выставки, акции и перформансы.

Но Оганян не согласен. Чтобы выйти из тупика, в котором находится, по его мнению, современное искусство, нужно сначала понять те свойства современного мира, которые искусство в тупик завели — а этого никак нельзя без философии.

«Форма и содержание»

28 декабря 1992, Галерея в Трехпрудном

Коллективная выставка, организованная А.С. Тер-Оганяном. Всем знакомым художникам было предложено принести для выставки бутылку алкогольного напитка, к которой сделана собственноручная этикетка. Все они, принесенные, были выставлены, все на них посмотрели, потом их выпили. Обнаружили: форма разная — а содержание одно.

Сам Авдей поступил наиболее радикальным образом: он выставил две бутылки водки вообще без этикетки, чистые бутылки, в знак того, что на внешнюю форму ему наплевать, его интересует исключительно содержание.

В целом выставка, по всеобщему мнению, чрезвычайно удалась.

Хотя водки все равно не хватило, и пришлось бежать в ларек.

Формализм,

в котором традиционно принято обвинять авангард — вот уж в чем современный московский последних тридцати лет никак не обвинишь. Весь он занимается исключительно разнообразными операциями со смыслом — при демонстративнейшем пренебрежении именно внешней формой. Даже чрезмерной. Потому что

Все же хочется порою

И невъебенной красоты!

См. также Концептуализм, Красота, Материальность искусства.

Французская философия

Делез, Лакан, Фуко, Деррида и проч. и проч. — см. Постструктурализм.

Фрейдизм

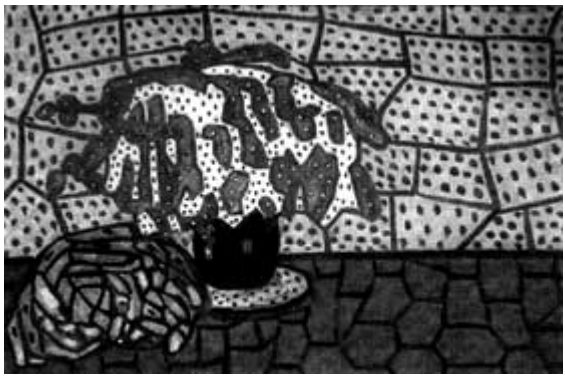
Отрицательно Тер-Оганян относится к этому течению мысли.

Считает претенциозной глупостью.

И вот почему отрицательно: слишком все это для Оганяна — «подсознание», Эдипов комплекс», «суперэго» — мистика!

«Я и оно» — да это все тот же «Инь и Янь! "

Футуризм



Д.Бурлюк, основатель русского футуризма, «Натюрморт», 1912

Футуристы выходят на Кузнецкий

июль 1993

Хемингуэй, Эрнест

«ХЖ»

То есть «Художественный Журнал». Главный — считающийся таковым — нынче российский журнал, посвященный проблемам контемпорари арт. Издается Виктором Мизиано, и далее следует привести различные о нем сведения — периодичность издания, объем, тираж, цена, где можно купить (в киосках «Роспечати» он не продается), и т. д.

В следующий раз.

Хитрожопство

Довольно-таки немножко процветает среди деятелей мирового контемпорари арт — см. напр. Жополизство

Храм Христа Спасителя

Художественное училище им. М.Б. Грекова

Картинка: А.Тер-Оганян примерно тех времен.

Учился в нем А.С. Тер-Оганян живописи и графике в 1978-83 годах. Так и не закончил: дважды был выгоняем за авангардизм, а на третий раз был выгнан окончательно.

Одновременно с Т. в училище учились М. Белозор, В.Кошляков, Ю.Шабельников, — все они теперь видные московские деятели контемпорари арт, обо всех них см. сообщения в данном издании.

«Художник и его модель»

1995, лето. Автор этих строк посещает жилище Тер-Оганяна после длительного перерыва.

К изумлению своему, он видит, что на стенах оганянового жилища висит множество свеженаписанных пейзажей небольшой величины, они написаны в этакой слегка импрессионистичной манере, являя собой пейзажи полей, увиденные глазом художника, которому хочется с элементами художественной лихости и свободной манеры письма отобразить, как они колышутся под летним ветром. Также кругом разбросано очень много пустых винных бутылок. А.С.Тер-Оганян только что приехал из Франции, куда его приглашали, и оплачивали дорогу, и оплачивали его там проживание и обитание, и мастерскую, и кисти-холсты-краски — а за это он написал там кучу картин, и была выставка их, и он с продажи части их расплатился с пригласителями, а остальные привез в Москву, будет выставлять у Гельмана.

— Снова за кисть взялся? Да еще за пейзажики? И правильно, — одобряет его деятельность автор этих строк. — Нужно и за рукомесло порою приниматься, а то совсем погряз в концептуализме. И, смотрю, и выпивать себе не отказываешь? И тоже правильно! Как настоящий художник, подлинный мастер кисти. А то совсем в умничаньи погряз, совсем стал концептуалист, только что не очкастый. Которым и пейзажики написать, и водяры засадить кишка тонка, только бы языком чесать — «Деррида»! «Хайдеггер!» «Деконструкция!» Неужто на пленэр выбирался? Так прям в чистом поле сидел и писал?

— Во-во, именно на пленэр, — отвечает Оганян — Подлинный классический художник-модернист во всей его красе. Ты на бутылки посмотри. На этикетки.

Беру одну, смотрю: этикетка как этикетка, винная. Другую смотрю.

— И что?

— А ты с пейзажами сравни.

Вон оно что! Пейзажи Оганяна срисованы с этикеток — ибо на винных этикетках обычно бывает нарисован пейзаж, изображение того места, откуда собран виноград, из которого вино сделано. То есть, оганяновы пейзажи все-таки были не бесхитростным импрессионистским срисовыванием с натуры, а все-таки концептуалистским проектом, смыл которого был в том, что Оганян изображал из себя ленивого и простодушного художника, импрессиониста-самоучку, который читал в книжках,

что импрессионисту положено ездить на пленэр, да — лень, и — опять лень, и — пьянство мешает, и вообще как-то все… Вот он и организовывает себе пленэр не отходя от ближайшего ларька.

Таков художественный смысл затеянного и осуществленного Тер-Оганяном А.С. под названием «Художник и его модель».

Смысл — если уж разжевывать все до конца, в том, что это пародия на два общераспространенных представления о художнике:

1) художник есть человек, который все время ездит на природу, и там пишет этюды;

2) столь же распространенное — что художник пьет, ибо богема.

Впрочем, в случае с Т. последнее (в тот момент) абсолютно соответствовало истине.

Хэммет, Дашил

Классик американского детектива, один из его создателей — «Мальтийский сокол», «Проклятие Двейнов» и т. д.

Пытаясь приобщить Оганяна к ценностям массовой культуры, я — осенью 1991 года — подарил ему книгу Хэммета, объясняя: это тот же Бабель, только лучше! Забойнее: «ночь была еще молода, а у меня только шесть птенчиков в моем браунинге». (Бабеля Оганян является любителем: «Беня был король, а у вас на носу очки, а на душе осень»)

Восемь лет с тех пор пролежала эта книжка на журнальном столике у Оганяна, причем он ее специально не прятал в книжный шкаф, а держал все время на виду, надеясь заставить-таки себя как-нибудь взять ее да прочитать — но так и не сумел.

Вот сколь велико отсутствие у него интереса к поп-культуре в ее любых проявлениях.

Цифровик

Являясь все-таки писателем, автор этих строк порою решает проявить-таки озабоченность проблемой чистоты русского языка. Например, однажды я решил все-таки все взять и, наконец, позаменять все заграничные слова их русскими эквивалентами, и метрополитен называть теперь исключительно «столичняком», гуталин — «хорошилом» (ибо он от слова «гут» — хорошо), и т. д.

Но застрял на слове «компьютер». Никакого русского заменителя мне в голову не приходило. Я совещался с разными людьми, все задумывались, но так никто ничего и не смог придумать хоть сколько-нибудь убедительного. Ну, человек по имени А.Струков предложил, например, «цифровик». Но, сами понимаете, как-то оно… Да и слово «цифра» — оно ведь тоже не русское!

А вот Оганян, когда я ему это рассказал, нашелся немедленно:

— Самодум! — воскликнул он.

И, конечно, это замечательно придумал.

Вот каков Тер-Оганян на самом деле.

ЦРУ

Если кто полагает, что это именно оно (или *Моссад* — см.) финансирует все московское контемпорари арт, ему сообщаю: вовсе нет. Ни копеечки! По анекдоту: правда ли, что жиды Россию продали? Да? А где же мне получить свою долю?

***

Хотя, кстати, я думаю, что если бы оно, ЦРУ, действительно вдруг вздумало бы финансировать его, в смысле — давать художникам деньги, то Оганян, я полагаю, деньги бы эти — взял.

Я бы, во-всяком случае, — точно взял, а я, в отличие от Оганяна, в общем, скорее из лагеря «патриотов».

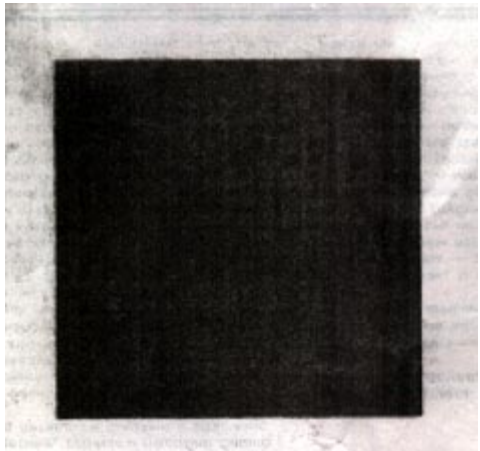
Прийди ко мне это ЦРУ, принеси сколько-нибудь денег, скажи:

— Вот тебе денег за твои сочинения, пиши больше, мы еще будем давать, — я без всяких колебаний бы взял.

Если бы выдвигались бы какие-нибудь условия — то писать, это не писать, — тогда бы не взял.

А если бы за то, что я и так добровольно и бесплатно делаю, — а ЦРУ бы почему-нибудь бы пришло бы к выводу бы, что это соответствует его интересам, и решило мне за это бы дать денег — несомненно бы взял, а что там думает ЦРУ о соответствии его и моих интересов — это мне по барабану.

Черный квадрат



В 1915 году (или 1916-м) Малевич выставил его, заявив при этом, что написав оный, полностью завершил тем самым развитие мировой живописи. С тех пор, в том числе благодаря и вышеупомянутым заявлениям, сия картина есть одно из самых знаменитых произведений мирового авангарда, и при этом одно из ставящих простого человека с улицы в самый большой тупик: что это? Шутка? Тогда почему так с этим квадратом носятся? Что в нем все-таки хорошего?

Отвечаю.

Насколько мне кажется — если, конечно, я правильно понимаю, в чем отнюдь не уверен — хорошего в «Черном квадрате» то, что слова Малевича о завершении им мировой живописи — правда. Нужно только уточнить — авангардистской живописи. По порядку.

Вся история авангардизма есть, на мой взгляд, история поиска, типа как алхимики искали философский камень, — того, чем оно действует, искусство. В чем же его, в конце концов, то которое —

Поиски эти осуществлялись вполне научным методом — методом редукции: отбрасывать одну за другим составляющие и смотреть — продолжает ли действовать, или нет.

И вот:

Импрессионисты выбросили сюжет — оказалось и без него отлично!

Постимпрессионисты отказались от светотени и воздуха — Сезан, Ван-Гог, Гоген, у которых все происходит, в общем, в более менее абстрактном пространстве, — оказалось, не в светотени суть.

Матисс покусился на объем, став писать почти совсем плоскостные картины, — оказалось, художественная сила не в объеме: картины Матисса действуют на человека, и сильно.

Кандинский выбросил самое изображение, Мондриан примерно тогда же — цвет и эмоции, стал писать бледные однотонные квадратики: и все равно, оказалось, получается искусство, и довольно убедительное.

Ну, вот Малевич, и сделал последний шаг в этом направлении: он тогда не нарисовал **ничего**: черный квадрат, отсутствие всего.

И тем самым, в общем, действительно сделал последний шаг в этом направлении отбрасывания и редукции. Вот почему его тезис о том, что он тем самым завершил живопись, имеет смысл — если вести речь об авангардистском живописи в ее историческом развитии 1860–1915.

Так я это понимаю.

Хотя, кстати, Оганян, прочитав это, вполне возможно, будет очень сильно ругаться, утверждая, что я все понимаю совершенно неправильно, то есть ничего не понимаю — мы с ним этого вопроса не обсуждали, это я изложил свою собственную точку зрения.

***

Но сам авангардизм на «Черном квадрате», как известно, не закончился — пошли «объекты», «инсталляции», а там и «хэппенинги», «акции», «перформансы» и проч., и проч., да и от живописи как таковой тоже все равно не отказались, хоть Малевич ее и «закончил». Не отказался в том числе и сам Малевич, и писал, и красил, и не только супрематические свои «супрематоны», но и фигуративную живопись, и даже чуть ли не совсем реалистическую.

Ибо взять, да и нарисовать краской на поверхности все-таки порою — сильно хочется!

Ибо, видимо, это занятие относится все-таки к числу базовых, врожденных человеческих потребностей — которые, впрочем, нынче Оганян —

Четверги на Бауманской

1996 конец — 1997 начало

По четвергам, короче, все они собирались,
Люди разные у Оганяна.
Премудрости разной всячески там предавались –
Трезвые до посинения, до того он дошел,
что ведь в дом не пускал, кто пришел если пьяный!

Средь завсегдатаев А., например, там был Ерофеев
(См.), еще Осмоловский (см.),
Гутов Д. заходил (см.), заходил Звездочетов

(См.), многие прочие,
коих которых всех назвать не сумею,
Ибо это ведь не является же официальным отчетом;
Было, короче, весьма интересно, даже просто пердуха!
Настоящая просто пердуха, как Горбачев говаривал
В изложении Довлатова,
что расшифровывается «пир духа»,

и т. д. — надоело до чертиков мне писать всякие познавательные сведения — и при этом одну только правду! — вот, решил, позабавнее будет хоть изложить ее стихотворным способом.

Но без прозаической правды, вижу, все равно, не обойтись.

Она такова.

«Мне очень понятно все, что ты написал мне о «крайнем равнодушии, оковывающем тебя». Это чувство я пережил сам и отчасти переживаю до сих пор. Между прочим, под влиянием его бежал я за границу, где провел более трех месяцев. За эти дни я почти ничего не делал, во-всяком случае, не делал, не писал ничего важного. Да и теперь, вернувшись в Москву, к своим книгам, к своим бумагам, я с явным насилием принуждаю себя жить и работать.

Этому внутреннему неустройству соответствует вполне неустройство внешнее. Я говорю о нашей, русской художественной жизни. Сколько я могу судить, в ней господствует полный распад. Былые союзы и кружки все разложились. Былые руководящие идеи изжиты, — новых нет.»

Это В.Брюсов пишет Вяч. Иванову 18 января 1910 года.

Аналогичное происходит и в середине 1990-х в Москве среди контемпорари арта.

К середине 1990-х кризис в московском контемпорари арт становится очевидным — развал структур, полная непонятность что делать дальше, пучина уныния, в которую все начинает потихоньку погружаться, — см. Середина 1990-х, Институции.

Встает классический вопрос: что делать?

— Создавать эти структуры и институции! — отвечает Оганян. — Возобновлять старые! Опять устраивать квартирные выставки, опять кухонные посиделки с обсуждением проблем и задач контемпорари арта, налаживать рассыпавшиеся горизонтальные связи — то есть, все начинать заново.

Среди прочего, что он пытается предпринять в этих целях, он организовывает у себя на дому что-то типа теоретического салона по вопросам новейшего искусства. Собрания людей по четвергам, на которые приходят — Звездочетов; Гутов; Ерофеев; Осмоловский; Гор Чахал; и др. и др., обычно человек по около пятнадцати за раз — эти вопросы обсуждать: какие были выставки, какие прочие события, какова сейчас ситуация в стране и мире по части контемпорари арт, и что же делать в связи с ней.

Вывели ли эти посиделки современное искусство из тупика, сказать трудно, но какое-то время это было действительно довольно интересно. Все-таки приятно порою послушать умных людей, разумно обсуждающих весьма мудреные вопросы; любитель и многолетний самиздатель всякого самиздата, я предлагал Тер-Оганяну А.С.: давай эти посиделки записывать на магнитофон, а потом издавать в виде журнальчика — «Беседы о новейшем искусстве»!

Но Авдей не захотел: слишком хлопотно.

Шабельников, Юрий

Ростовский, теперь московский художник. В начале 1980-х учился вместе с Тер-Оганяном в ростовском-на-дону художественном училище им. М.Б. Грекова и был там самым продвинутым по части контемпорари арт: если другие добирались в своем развитии в лучшем случае до футуризма и Пикассо, то Ш. уже тогда понимал Поллока и Раушенберга. В училище подружился с Т. и все 1980-е годы оказывал на Т. значительное влияние: например, тогдашние убеждения раннего Оганяна относительно живописной живописи — мне представляется, это в значительной степени именно результат влияния Шабельникова.

Шаповалов, Юрий

Приятель автора этих строк из города Тюмени. Он приезжает ко мне в гости, в рамках культурной программы я его веду в гости к Тер-Оганяну на Бауманскую, где, как всегда, куча народу, который обсуждает вопросы жизни и искусства. Шаповалов Ю. с интересом слушает все эти разговоры, а потом в недоумении спрашивает:

— Так я не понял, вы это не шутите? Вы — правда против царя?

Тер-Оганян А.С. очень обрадовался этому.

— Вот-вот! Новое мышление все-таки победило! Приезжает паренек из Сибири, потом вернется к себе, будет рассказывать: у столичных интеллигентов побывал, так они — против царя! Мечтали вернуться в 1902 год — он на дворе, пожалуйста!

(Осмоловский на следующий день меня спросил:

— Ты это кого приводил? Посмотришь — шофер, а начнешь говорить — и это он знает, и то он читал, и во всем разбирается?

Я передал эти слова Шаповалову Ю., ему было очень лестно, что его приняли за шофера. Потому что на самом деле папа у него — банкир, и сам он — человек, у которого папа — банкир.)

Шаргунов Александр,

протоиерей

Тот самый, который изо всех сил добивался сначала возбуждения уголовного дела против Оганяна, а потом — его осуждения: водил на суд толпы кликушествующих старух, ультраправославных, но вполне охочих до погрома подростков и казаков, и проч. Весьма видный церковный деятель, один из лидеров православных фундаменталистов, постоянный автор газеты «Завтра», один из «красных попов», то есть таких попов, которые агитируют за Зюганова.

Если кто думает, что он только против Тер-Оганяна А.С., или хотя бы только против контемпорари арт, или хотя бы только против современной культуры с поп-музыкой, мини-юбками и макдональдсом, — он ошибается. Протоиерей Шаргунов — против любой светской культуры вообще: и против Пушкина, но и против Тютчева, но и против Достоевского: зачем они нужны? есть молитвослов! А эти достоевские от молитвослова — отвлекают, и следовательно, являют собой один только вред. То есть, Шаргунов серьезно хочет — или во-всяком случае мечтает — заставить *всех* жить по монастырскому уставу. Для их же, конечно, блага.

Ну, а тех, кто не захочет этого, а тем более будет активно этому мешать — что же в Библии про это написано: и про паршивую овцу в стаде, и про что с ней делать.

Конечно, на Пушкина замахнуться, а уж тем более на Достоевского — руки коротки, а вот тут Оганян подвернулся, сам, добровольно!

Я ему это говорил. То есть, А.С.Тер-Оганяну.

— Ты на чью мельницу воду льешь? — говорил я ему. — Ты же —!

Но Оганян, кстати, совершенно протоирея Шаргунова, когда я ему рассказал, кто это такой и чего хочет, — более-менее одобрил.

— Его позиция мне понятна, — ответил он, — и она совершенно разумна. И ты, если бы действительно и серьезно был православный, должен его поддержать. Ты должен все вот это, — дело происходило на Ленинградском вокзале, была ночь, дождь накрапывал, ларьки сияли огнями, они отражались в мокром асфальте, пахло паровозами, ужасная музыка вырывалась из репродукторов, — ненавидеть и мечтать истребить. И чтобы

вокруг был один скит, старцы с бородами, и так далее. А если ты этого не ненавидишь, то либо ты просто сволочь, на названии «православного» делающий бабки, как Патриарх Алексий, либо авангардист, который выделывается, как Тимур Новиков (тоже, кстати, очень несимпатичный тип). Но, поскольку очевидно, что первое неверно, значит, верно второе. — говорил А.С.Тер-Оганян.

Переубедить его я не сумел.

Шарлатанство

Наличествует и оно. См. об этом в сообщ. Надувательство; Пустозвонство; Тарабарщина.

«Школа Авангардизма»

1997

Примерно в 1997 г. Тер-Оганян открывает ее. Логика простая: есть Литинститут, где «учат на писателя», есть многочисленные художественные, музыкальные, театральные и прочие тому подобные учебные заведения, где учат на художников, музыкантов и проч., — ну так должно быть тогда и заведение, где подготавливают авангардистов широкого профиля! Вот он такое и основал, совместно с товарищами его сына Давида, взявшись их «обучать» тому, что «должен уметь» каждый художник-авангардист. Читать им лекции об авангардизме (см. Семинары по пятницам) (этим, правда, в основном занимается Осмоловский А. — см.), давать домашние задания — подготовить самостоятельно акцию или другое произведение по пройденному материалу, затем — устраивать «отчетные мероприятия», где они демонстрируют публике, как они их выполнили, эти домашние задания

Объясняю: самая организация такой школы, это ни что иное, как еще одно деяния во все том же русле пародирования классического авангардизма.

Ибо главная составляющая изначального авангардизма — его антиакадемизм. «Сбросим Пушкина с парохода современности», «долой музейную труху», «искусство в жизнь» и т. д. — и т. п.

Очень быстро, однако, авангардизм обратился в **сугубо**

академическое ответвление искусства, предназначенное в первую очередь и чуть ли не исключительно для работников музеев современного искусства и искусствоведов — а более ни для кого.

Вот Оганян и довел такое положение дел до окончательного конца: взялся учить антиакадемизму в самых не то, что академических и просто казенных формах — лекции, домашние задания, отчетные мероприятия…

Это вот и смешно.

См. также «Золотая маска», «Низвержение кумиров», Эпатаж, «Юный безбожник».

***

Весной 1998 М.Гельман (см.) предложил Оганяну перевести его Школу на те рельсы, чтобы сделать на базе ее действительно что-то типа учебного заведения — с партами, лекциями (приглашать всяких специалистов из вузов и научных институтов — искусствоведов, философов, ну, и сами художники тоже расскажут о своем понимании искусства и его проблемах), с набором всех желающих; что-то типа как бы Независимой Академии Авангардистских Искусств на добровольных началах. Помещение обещал найти, парты тоже, платить за эти лекции некоторые деньги.

Все лето 1998 Т. обдумывал, как это сделать, чтобы было правда зашибись, а не «и так сойдет», советовался с людьми, приглашал разных их поучаствовать в этом деле (меня, например, в том числе — читать курс истории поэзии, например), но тут грянуло 17 августа, и —

***

Вообще же Оганяновы юноши имели немалый успех в авангардистском сообществе.

Свежие силы!

Свежие силы, притока которых не было все 1990-е, ибо все те, кто был активен и заметен в течение этих девяностых, все были выходцы как минимум из ранних 1980-х, а то и из 1970-х — и в изобразительном искусстве, и в литературе (Пригов, Кибиров, Сорокин и проч.), и даже в рок-музыке — Летов etc.

Новых никого никак не появлялось.

А тут — сразу и новые, и — много их, и —, и —

При желании, это можно было принимать за знак того, что тупик и застой, в котором пребывал московский контемпорари арт в 1990-е, начинает преодолеваться, и –

Пошло на перелом!

Пошло ох, ребята, ох чую, ох, вижу — пошло!
Синусоида, ребята, жизни, положительным своим крылом,
К нам собою, наконец, себя повернуло.
Нас с собою вверх, ребята, повлекло

Шнапс,

германская водка

Осенью 1988-го года — если точней, в сентябре его — в Союзе Советских Социалистических Республик, если кто забыл, напоминаю: имелся антиалкогольной угар кампании, чтобы водки — не пить.

В Ростове-на-Дону, однако, этот угар имел довольно мягкий характер.

Во-всяком случае, магазин «Солнце в бокале», который с начала 1960-х годов находится в самой центральной точке города, на самом главном пересечении двух его главных улиц, Энгельса и Буденновского, не только не был закрыт, но даже и не переименован.

И каждый день в нем действительно торговали.

И хотя, конечно, имелось безобразие очередей, но автор этих строк и его друзья к тому времени принадлежали уже к такому типу людей, у которых уж где-где, а в «Солнышке» всегда найдется в очереди знакомый, которому только деньги передать, а уж он купит.

И вот мы подходим к «Солнышку» в условиях хоть и сентябрьского, но жаркого дня.

Мы видим привычное кипение жизни и людей.

Мы видим еще человека небольшого роста, имеющего вид городского сумасшедшего: у него пятидневная щетина, волосы — дыбом, глаза за круглыми очечками имеют выражение полного ужаса, белая рубаха свисает с одного бока до колена, выбившись из мешковатых штанов, в дополнение ко всему у него на шее — галстук. Он имеет вид городского сумасшедшего, имеющего интеллигентных родственников, которые пытаются поддерживать его внешний облик хоть сколько-нибудь пристойным. И при этом еще сумасшедшего, испытывающего муки похмелья.

— Похмелиться не знаешь как, мужичок? — имея склонность к милосердным поступкам, хлопаем его по плечу мы. — Сча, погоди!

Мужичок дико озирается и начинает издавать всевозможные звуки, являющиеся бессмысленным лепетом. Мы его ведем в кусты, открываем бутылку «Ала-башлы» посредством нагревания спичкой пластмассовой ее пробки, протягиваем ему.

Испив из горла положенное количество, мужичок начинает продолжать лепетать, а мы, вслушавшись в этот лепет, начинаем

понимать, что он хотя и по-прежнему довольно бессмысленен, но не оттого, что мужичок безумец, а оттого, что он есть, видимо, лицо какой-то из зарубежных национальностей. Из дальнейших расспросов выясняется, что так и есть, что национальность эта является германско-демократической, только вчера приехавшей в город Ростов-на-Дону из города Потсдама для обучения в аспирантуре Ростовского университета. И это лицо, угостившись от нашего стола, теперь хотело бы угостить тем же и нас, и даже имеет на это деньги, только не знает, как купить.

Дальнейшее очевидно: как купить, мы знали, и стали делать это опять и опять, гуляя туда-сюда по городу Ростову в погоду почти летнюю, но только лучше — не такую жаркую.

При этом ведется международная беседа, и посвящена она, само собой сравнительному анализу пьянства русского по сравнению с зарубежным.

— А что, — гордо гордимся русским пьянством мы, — в подворотнях-то у вас в ГДР небось не пьют?

— Почему не пьют? Если погода хорошая, как сегодня, то очень даже пьют.

— Но не из горла же!

— Почему не из горла, — не соглашается немец. — Из горла тоже очень даже пьют.

— Но не такую же отраву!

— Ха! Вы бы нашу отраву попробовали! — парирует немец, которого зовут Ральф.

Утреннее пробуждение происходит в так называемом *Доме Актера* (см.) — огромном здании эпохи позднего конструктивизма, заброшенном и полуразрушенном, в котором самозахватом живет в это время всевозможная ростовская богема — по-английски это называется «сквоттеры». Полуживых нас будит и поднимает описываемый немец, ибо нужно купить опохмелку, а он самостоятельно этого делать не умеет. Из расспросов выясняется, что когда мы уже спали, совсем вырубившись, Ральф бродил по различным соседям и со всеми пил — то есть, ничтожный немчура, выходит, перепил нас, крепких русских парней!

Задетые этим за живое, мы идем и покупаем на этот раз напитков сорокоградусной крепости — коньяк азербайджанский под названием «Три бочки». И — к нашему ужасу и стыду, день заканчивается так же, как предыдущий: автор этих строк и его ростовские друзья давно уже являют собой позорные бесчувственные тела, а немчура продолжает шастать во мраке ночи по коридорам «Дома актера» и пить, все что ни подвернется под руку со всем, кто ему в этих коридорах не подвернется.

На третий день пили пиво. Это, конечно, с нашей стороны было уж совсем неудачным ходом: пытаться перепить немца его природным напитком было, конечно, верхом легкомысленной самонадеянности.

— Да что же это? — недоумевали мы. — Ведь и в школе учат, и в кино показывают подвиг русского солдата Ивана Соколова из «Судьбы человека», который выпил два стакана водки без закуски и тем поверг фашистских оккупантов в трепет перед силой русского духа!

И мы спросили Ральфа, пробовал ли он когда-либо наркотики.

— О, нет, у нас в Ди Дойтче Демократише Републик это очень строго, этим занимаются только совсем на дне, очень секретно!

В Ростове-на-Дону с этим никогда не было строго и секретно, и мы, хоть и не большие любители наркомании, пошли к Центральному междугородному телефону в Газетном переулке — именно там всегда, и в 1970-е, и в 1980-е, и, наверное, и сейчас, собираются любители этого зелья, — и купили. Не наркомании ради! Только ради патриотизма!

— А можно — я друга с собой возьму? — попросил Ральф. — Он тоже никогда не пробовал, ему тоже будет интересно.

Взяли и друга, белобрысого немчика в очках. Забили, зашмалили и обкурились, как сволочи. Но и опять результат оказался не в нашу пользу: никакой потери человеческого облика со стороны немцев не наблюдалось, они сидели важные, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям, и только что в тетрадочку не записывали результаты наблюдений. А вот с нашей стороны как раз потеря человеческого облика очень даже наблюдалась, даже и вспоминать неохота.

В конце концов Тер-Оганян А.С. предложил: нужно его стеклоочистителем попробовать!

Это была хорошая идея, стеклоочистителя немчура, пожалуй, наверно все же бы не осилил.

Но пить стеклоочиститель нам и самим очень не хотелось без крайней нужды, так что пришлось смириться, признав, что ничтожный и тщедушный немчик нас перепил.

Такова сила немецкого пьянства, виденная автором этих строк своими собственными глазами.

Впрочем, с Ральфом мы ссориться из-за этого не стали, а все равно дружили, и даже впоследствии, в 1990-е, некоторые из ростовских людей посещали его на его германской родине.

Что до шнапса как такового, Тер-Оганян его пил, будучи в Германии. Но суждения о нем не имеет:

— Просыпаюсь утром — все караул, помню только, что куда-

то ночью ехал в такси. Под кроватью пустые бутылки, на одной из них написано — шнапс. Следовательно я его пил. Но каков он на вкус, что это такое вообще — не помню!

Шопенгауэр

До чего дошел — говорил Тер-Оганян А.С., указывая на книжку, лежащую на тумбочке. — Шопенгауэра читаю!

— Вот и я то же самое думаю, — подхватывал автор этих строк, искренне не понимающей вдруг пробудившейся у Т. к сорока годам тяги к философии. — Ты художник, или кто? Ну так красить нужно, а не теории разводить!

— Ну, нет, — не согласился Т. — В том-то и дело, что сначала нужно понять, что именно нужно красить, а уж потом …

Шуфутинский

И вот: Тер-Оганян является большим любителем творчества этого эстрадного исполнителя. И Шуфутинского, и всего остального в этом духе — Петера Лещенко, Аллы Баяновой, Вилли Токарева и так далее, и так далее. И накопил огромное количество записей подобной музыки (и даже — еще и сербских и черногорских исполнителей аналогичной направленности, записи которых он понапривез из Югославии, где был с выставкой), и, выпив водки, он их обязательно заводит и очень радуется.

— Как тебе может эта мерзость нравиться? — удивлялся я. — А я еще рок дешевкой ругаешь! — укорял я его.

— Напротив, — не соглашался он, — странно, как это тебе такая музыка не нравится. Ведь ты же патриот, ты тогда должен это любить: это ваша русская народная музыка, — отвечал Оганян. — Другого вы не сочинили. В XVII, конечно, веке, может и были какие-нибудь «гой-еси», но в последние сто лет — извини, только такое.

И мне нечего было ему возразить. Не на Прокофьева же с Шостаковичем, не на «Зоопарк» же с «Центром» мне было указывать!

Шуфутинский и прочая «мурка» — такова, действительно, наша русская народная музыка, которую русский народ единственную добровольно любит, причем даже подпольно, когда она была запрещена.

Такова горькая правда земли, которую приходится признавать.

Эккерман

Говорят, есть такой немецкий автор, написал книгу «Разговоры с Гете». Много лет он за Гете всюду ходил, все его высказывания обо всем на свете записывал, а потом это издал. Недавно появилась такая книга и о Бродском, ее составил, точно не уверен, но кажется, С.Волков — и, очень, кстати говоря, книга интересная.

В каком-то смысле, и мое сочинение есть что-то именно такого рода: по большей части я пересказываю мнения и высказывания Тер-Оганяна А.С. о разных явлениях — ибо они мне представляются заслуживающими внимания.

Правда, в отличие от скромного Эккермана, я себе позволяю порою высказать и собственное мнение относительно оганяновских суждений — не все этому рады. Всеволод Лисовский (не тот! не тот!), наш общий с Оганяном ростовско-московский друг (см. Лисовский Вс.) например, прочитав эту книгу в рукописи, высказал неудовольствие: «Получилось не столько об Авдее, сколько об «авторе этих строк».»

Ну, не знаю…

«Экспериментальное искусство»

Термин 1960-х, которым тогдашние прогрессивно мыслящие критики пытались оправдать существование авангарда в глазах властей — да и самих себя. Мол, конечно, это все, конечно, дичь и ерунда — но немножко все-таки полезная, ибо в ходе занятия этой дичью и ерундой изобретаются художественные приемы и методы, которые затем можно применять в искусстве «нормальном».

Оганян, естественно, относится к этому термину со смехом — а то и возмущением. Авангардистское искусство, согласно О., оно не «экспериментальное», оно именно и есть «нормальное», оно есть искусство, как таковое: открывающее нечто новое в искусстве — да, но и в жизни тоже, в чем его, искусства и цель, согласно Тер-Оганяну А.С. (см. Гносеологическая теория искусства). А то, что называют «нормальным искусством» в противовес авангардистскому — МОСХ там всякий, или Шилов-Глазунов — это вообще не искусство, это декоративно-художественные промыслы — изготовление по известным рецептам предметов домашнего (банковского и проч.) обихода (порою красивых) — для украшения интерьера…

Таково мнение Тер-Оганяна А.С., которого он твердо придерживается в течение всего времени, сколько я его знаю, то есть, с середины второй половины 1980-х.

Что до автора этих строк, то, если кому интересно мое мнение, то я, к возмущению Оганяна, скажу, что скорее склонен согласиться с точкой зрения советских шестидесятников — примерно так же и сам полагаю.

Эпатаж

См. «Золотая маска».

«ЭТО» Клуб

Был такой в Ростове-на-Дону в конце 1970-х: ЭТО: «Эстетика — Творчество — Общение»: весьма большая организация, имеющая помещением целое здание, куда зазывали интеллигентных молодых людей обоего пола со всего Ростова, чтобы они культурно развивались: читали им лекции по искусству (Дали, конечно, Достоевский, Окуджава, Стругацкие, все прочие интеллигентские кумиры 1970-х), а еще там пропагандировался всевозможный оккультизм и «эзотерика». Если кто не знает, пусть знает: в 1970-е и далее «духовные искания» всех сортов были делом чрезвычайно модным и престижным: йога, инопланетяне, летающие тарелки, дзэн, Достоевский туда же в кучу, и христианство тоже и проч. и проч. Креститься самому и крестить детей было делом чести советского вольномыслящего интеллигента.

Оганян был клуба «ЭТО» активным посетителем — и именно с тех пор у него стойкое и непреходящее отвращение ко всякому мистицизму и «духовности» во всех ее проявлениях, от сюрреализма вообще и до Фрейда, от Стругацких до Достоевского (которого он правда, принципиально не читал), не говоря уж о Рамакришне и, увы, Православной Церкви.

Да, в те времена бородатым унылым умникам, очень любящим тонко намекать на то, что все неспроста, все не так, как кажется, а на самом-то деле —, очень было тогда сильно взять да и сказать: «Ты сбесился! В школе, что ли, не учил, в четвертом классе — никакого Бога нет, его попы придумали, чтобы народ дурить! Наука же это давно доказала, Гагарин в космос летал, никакого Бога не увидел!» Автор этих строк в те времена придерживался (проживая тогда в городе Тюмени) тех же позиций — чтобы не впадать в общую моду, он был атеист и марксист.

И это было, наверное, правильно.

Затем, в течении жизни, я изменил свою позицию, и теперь являюсь православным христианином, который —, Оганян же —

Да еще в условиях — и это, нужно признать, так — превращения Православия в просто официоз —

Юмор

Один раз сидел Зюганов в президиуме — и обосрался. А тут у него — хуй встал! А Ельцин это увидел — и пишет ему записку: «Ты лучше, Генка, хуй дрочи, народа только не дури!»

Возможен и обратный вариант: сидел Ельцин в президиуме …

Анекдот сочинен автором этих строк, он чрезвычайно нравится Тер-Оганяну А.С.

Честертон в одной из статей пишет: «пародия на юмор» невозможна в принципе, ибо сам юмор в принципе пародиен. Деятели контемпорари арт опровергли Честертона: анекдоты, типа вышеприведенного, есть именно пародия на юмор. Если ирония, согласно Аристотелю, это «насмешка над тем, кто согласен с данным высказыванием», то тогда юмор продемонстрированного типа — это «насмешка над тем, кому кажутся смешными подобного рода шутки».

Таких нет?

Таких сколько угодно!

Я сам видел таких людей, они — есть. Ельцин? Обосрался? И у него хуй встал? Конечно смешно, да еще как — обоссышься!

Тем более, что завершается анекдот не как-нибудь, а в рифму — это уж совсем только по полу от смеха кататься.

Также см. «Для смеха», Пародия, Тюбетейка хуева.

«Юность»

май, 1989

Гостиница бывшего ЦК бывшего ВЛКСМ, в мае 1989 в ее фойе проходила первая в Москве выставка ростовского товарищества художников «Искусство или Смерть», организованная Тер-Оганяном А.С. при участии «Гуманитарного Фонда», Жукова Б., Соболева А. и Капы-кооператора — см. все эти слова. Выставка называлась «Выставка, которая не считается, потому что все очень плохо. "

Текст афиши и пригласительного билета был следующий:

«Выставка не считается, потому что все очень плохо.

Унижение вашего человеческого достоинства начнется сразу со входа, когда вам преградит дорогу швейцар. Затем Вы проходите мимо парикмахерской и сортира и, наконец, попадаете в зал.

Жуков, козел, проваландавшись полгода, не смог придумать ничего лучшего, как довериться первому встречному проходимцу Михал Михалычу, который содрал с него три тысячи за то, что обтянул зал дешевой бумагой и сколотил четыре гроба. А мы суточные выпрашиваем как милостыню! И все это называется «арт-салон»!!!

Уже само местонахождение зала оскорбительно для искусства. Он втиснут в закуток между рестораном и кафе. Мы не будем говорить о пьяных харях, матерной ругани поваров и поварих, пошлой кабацкой музыке, непотребного вида девицах. Достаточно того, что прямо через выставочный зал постоянно снуют официанты с подносами, возят горы грязной посуды. Когда ж мы предложили возить, минуя выставочный зал, нам ответили: «Как же мы будем возить через ресторан, там же люди кушают!» Через ресторан, значит, нельзя, а через ХРАМ ИСКУССТВА, значит, — можно?!

И такое отношение всегда. Андрей Соболев. Дятел? Дятлище! Возомнил себя директором, ходит надутый — не подойди! Нанял двух дур набитых, чтобы самому ни фига не делать, а те, по примеру начальничка, тоже ни фига не делают, сидят с важными мордами. «Да в конце концов, арт-салон для художников или художники для арт-салона?!

Впрочем, писать можно еще долго, лучше приходите, сами увидите.

Метро «Спортивная», гостиница «Юность».
Открытие 27 мая в 16 часов.
Выставка продлится до 17 июня.»

Там же, в день открытия, была осуществлен первый в жизни ростовских художников акт продажи произведения ростовского художника за границу: случайно забредший пьяный швед купил картину — вот хоть убей, не помню чью — за 300 шведских крон: рашен авангард!

«Юный безбожник»

1998, декабрь

Еще одно деяние в том же русле исследования-воспроизведения-пародирования штампов классического авангарда. «Богоборчество» входит в которые, конечно, как непременная составляющая:

Я думал, ты — всесильный божище,
А ты недоучка, крохотный божик;
Ты видишь — я наклоняюсь, достаю из-за голенища
Сапожный ножик.
Крылатые прохвосты! Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою,
Отсюда — до Аляски!
(Маяковский, «Облако в штанах»).

А если начинать с романтизма, с байроновского «Каина» и лермонтовского «Демона», да через Ницше, то —

Вот это все О. и воспроизвел.

Была большая — огромная — выставка в Манеже, там О. и выставил иконы, на которых понаписал всякие гадости, из

которых самая невинная, например, «Бога Нет!», и еще рубил эти иконы топором.

Тут и началось. Скандал! Шумиха в прессе, возбуждение уголовного дела об «оскорблении чувств верующих», которое до четырех лет, и все прочее, прочее, прочее, и которое и привело к печальному состоянию дел Оганяна, каковым оно и является в настоящий момент, и многое из которого уже описано в данной книге.

Я

На букву я ничего нет. Явлинский? Ягода? Якобсон? Яндарбиев? Никакое, хоть что-нибудь на букву я, имеющее хоть какое-либо отношение хоть к Тер-Оганяну А.С., хоть к «контемпорари арт» в голову не приходит, поэтому здесь — все: 26 сентября 1999, воскресенье, 15.09.

Послесловие

Вычитываю сейчас последний раз эту книгу перед сдачей в печать — исправляю опечатки и т. д. — вижу, что получилась она, как все и всегда у меня, к сожалению, и бестолковой, и сумбурной, и чрезвычайно неряшливой, а местами так и вообще такой, как будто писал ее человек очень глупый, но самоуверенный.

На самом деле, конечно, нужно это не в печать отдавать, а переписывать, переписывать и переписывать.

Это невозможно: поздно.

К тому же кое-какие в ней достоинства все-таки есть. То в основом, что она все же немного довольно-таки познавательна: «более-менее впервые открывает широкому читателю в простой и доступной форме панораму экзотической и необычной жизни и творчества деятелей московского авангардистского искусства во всей их неприкрытой наготе», примерно так.

Так что — ладно, и так сойдет!

А там, глядишь, через годик или три, можно будет взться за нее снова, вычистить, дополнить, расширить, да и сделать издание второе, исправленное и улучшенное.

Так я полагаю сегодня, 2 декабря 1999 в 19.46 вечера.

Глубокоуважаемые люди! Россияне!

Вот краткая речь, заготовленная мной заранее, и даже написанная на бумажке, потому что я не импровизатор, так вот сходу сказать ловко и интересно не сумею, приходится записывать заранее.

Вопрос первый: является ли эта книжка книжкой искусствоведческого содержания?

Ответ: она не является таковой.

Я, во-первых, не искусствовед (да и не особенно и хотел бы им быть), и уж тем более не такой особенный знаток авангардистского искусства.

Собственно, это есть, как мне кажется, именно то, что называется «художественной литературой» — на новом, нынешнем этапе ее развития.

Который, на мой взгляд, состоит в двух важнейших особенностях.

Во-первых, вбирает в себя все более-менее близко лежащие жанры — от собственно художественной литературы, то есть рассказывания историй, до теоретических рассуждений, и картинок, а, будь у меня такая возможность, я бы туда и музыку вставил — любимые песни А.С. Тер-Оганяна; впрочем, может, это я еще и сделаю — Интернет с его мультимедийными формами это уже позволяет, проблема только в том, что пока у нас с птичкой — в первую очередь, конечно, у Птички — пока совсем нет времен, чтобы как следует освоить ФронтПейдж и Дримвейвер.

Во-вторых, она — художественная литература на новом этапе — отказывается от описания вымышленных Дядей Ваней и Тетей Валей, а пишет о обращается к описанию реально существующих людей и личностей — потому что так намного интересней!

Нужно честно отметить: не я первый это придумал.

За всю мазуту эти занимались, уже в 1970-е годы, например, Довлатов, или Лимонов, или Вайль и Генис.

А еще так на две с половиной тысячи лет раньше — Геродот, Светоний и прочие древние — и именно, в общем на них я и ориентируюсь, а не на вышеуказанных Довлатова или Лимонова.

(Но не на Плутарха, которого как раз терпеть не могу, в следующий раз объясню, почему).

Так-то.

Второй вопрос: так эта книга — за или против Тер-Оганяна А.С.?

Ответ: сразу и за, и против.

Против — в том смысле, что с большинством из идей,

которых он придерживается, я не согласен, а насчет рубки икон так и вообще, являясь православным христианином, крайне возмущен.

А за — в смысле того, что человек он тем не менее крайне замечательный, я его очень люблю.

Это вот все я в книге и пытался изложить — и его идеи (не особенно, кстати, стараясь высказывать свое по отношению к ним мнение — пусть читатель сам разбирается), и какой он замечательный человек.

Получилось ли — судить все тому же читателю.

5 ноября 1999, 17.37

Выходные данные

Автор благодарит все издания, откуда он вырезал картинки, а также персонально И.Мухина, который снимал акции в Трехпрудном.

Издательство GIF
www.guelman.ru
тел.: 238-40-40
факс: 238-84-92

ISBN: 5-9237-0002-6
© М.М.Немиров, 1999
© Г.Салаватова, оформление, веб-дизайн

Последние новости из жизни Авдея Тер-Оганьяна

В конце-концов убежал от суда. Смог добежать только до Чехии. Сдался властям и был помещен в лагерь для беженцов вместе с афганцами, албанцами и проч

Возможности получить статус политического беженца весьма расплывчаты. Как объясняют Авдею адвокаты из Амнистии Интернешнл, в России церковь отделена от государства и его статья (разжигание религиозной розни) не может считаться политической.

Подробности можно узнать на сайте «Бюллетень Оппозиции» (http://www.guelman.ru/avdei/bulleten), где помещена переписка Авдея с М.Немировым.